СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И СОЦИОЛОГИЯ

Том 17
№ 4 (129)
2018

МОСКВА

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И СОЦИОЛОГИЯ

Том 17 № 4 (129) 2018

ISSN 2071-3665

Решением Президиума ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации журнал «Социальная политика и социология» включен в перечень рецензируемых научных изданий, рекомендуемых для публикации научных работ, отражающих основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук и на соискание ученой степени доктора наук

DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-4

Журнал включен в систему РИНЦ и доступен на сайте: www.elibrary.ru

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Юдина Т.Н.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
Бондалетов В.В.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Бобков В.Н.
Воробьева О.Д.
Генов Н. *(Республика Словения)*
Дмитриев А.В.
Долгорукова И.В.
Дювель Ф. *(Королевство Великобритании и Северной Ирландии)*
Зворыкина Т.И.
Зубок Ю. А.
Иванов В.Н.
Каурова О.В.
Коробков А.В. *(Соединенные Штаты Америки)*
Кравченко С.А.
Кузьменко Г.Н.
Куропятник А.И.
Леонова В.П.
Максимова С.Г.
Матраева Л.В.
Мелех А. *(Венгрия)*
Молодикова И.Н. *(Венгрия)*
Носкова А.В.
Погосян Г.А. *(Республика Армения)*
Рязанцев С.В.

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

А.М. Андрющенко
A.M. Andryushchenko
Саморегулируемые организации как агенты институционализации рынка услуг ломбардов 5
Self-Regulatory Organizations As Agents of the Institutionalization of the Market for Services of Pawnshops 5

И.И. Бадыков
I.I. Badykov
Внедрение инновационного государственного сервиса «Электронное правительство»: требования и сложности реализации 13
Introduction of Innovative State Service «E-Government»: Requirements and Difficulties of Implementation 13

А.В. Кравцова
A.V. Kravtsova
Цифровая экономика и консалтинговый рынок услуг: проблемы взаимодействия. 22
Digital Economy and Consulting Services Market: Problems of Interaction. 22

А.Ч. Кылгыдай
A.Ch. Kylgyday
Методика к исследованию рынка труда региона: новые подходы 31
Methodology for the Study of the Labor Market in the Region: New Approaches 31

А.Н. Малолетко, Н.П. Пашин, О.В. Каурова, С.Б. Калмыков
A.N. Maloletko, N.P. Pashin, O.V. Kaurova, S.B. Kalmykov
Служба занятости населения: реагирование на современные вызовы. 41
Employment Service: Responding to Modern Challenges 41

Е.В. Потехина, М.В. Фаминская
E.V. Potekhina, M.V. Faminskaya
Моделирование бизнес-процессов на предприятиях розничной торговли 54
Modeling Business Processes at the Enterprises of Retail Outlets. 54

Б.В. Салихов
B.V. Salikhov
Качественная целостность дивергентного мышления предпринимателя в современной цифровой экономике 67
Qualitative Integrity of Divergent Thinking of an Entrepreneur in the Modern Digital Economy 67

И.В. Трущенко
I.V. Trushchenko
Теоретические подходы к систематизации и классификации аутсорсинга в сфере услуг 76
Theoretical Approaches to Systematization and Classification of Outsourcing in the Service Sector 76

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Н.П. Гончарова, Е.В. Тарасова
N.P. Goncharova, E.V. Tarasova
Экспертная оценка реализации социально-экономических программ регулирования миграции трудовых ресурсов в Алтайском крае 85
Expert Review of the Implementation of Socio-Economic Programs for the Management of Labor Migration in Altai Territory 85

Н.П. Кириллов, В.А. Масликов
N.P. Kirillov, V.A. Maslikov
Роль экологических инноваций в устойчивом развитии российского общества 94
The Role of Environmental Innovations in the Sustainable Development of Russian Society. 94

Т.В. Леонтьева
T.V. Leontyeva
Визуальный образ социально-экономического положения семьи на телевидении 102
The Visual Image of the Socio-Economic Status of the Family on Television 102

Г.И. Осадчая
G.I. Osadchaya
Методология мониторинга интеграционных процессов в Евразийском экономическом союзе 110
The Methodology for Monitoring the Integration Processes in the Eurasian Economic Union 110

© *Российский государственный социальный университет*

Солодуха П.В.
Танатова Д.К.
Тихонова Л.Е. *(Республика Беларусь)*
Тощенко Ж.Т.
Тузиков А.Р.
Фролова Е.В.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ
Вишнякова В.А.

НАД НОМЕРОМ РАБОТАЛИ

Эксперт I категории
Н.Е. Папкова

Эксперт II категории
В.П. Кожанова

Главный редактор отдела оперативной полиграфии
Н.В. Багрова

Корректор
М.А. Панкратов

Технический редактор
Т.А. Пробылова

Компьютерная верстка и художественное оформление
Т.А. Пробыловой

Наш адрес: *129226, Москва, ул. В. Пика, дом 4, корп. 2, каб. 410, 412.*

Контактные телефоны: *8(495) 255-67-67 (доб. 17-63, 17-71, 17-80).*

http://rgsu.net/about/science/publishing/magazine/
E-mail: *editorialofficeRGSU@yandex.ru*

Материалы публикуются в авторской редакции. Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, собственных имен, статистических данных и прочих сведений. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов статей.

Перепечатка материалов и использование их в любой форме, в том числе и в электронных СМИ, возможны только с письменного разрешения редакции.

Возрастное ограничение: 16+

А.В. Саблуков, И.И. Никулина
A.V. Sablukov, I.I. Nikulina
Доверие российской системе здравоохранения: методология
и опыт прикладных исследований 118
The Trust in National Healthcare System: Methodology
and Experience of Applied Research 118

В.А. Тарасенко
V.A. Tarasenko
Киберспорт как новое социальное явление в России 130
Cybersport As a New Social Phenomenon in Russia 130

О.А. Уржа, Н.И. Михопаров
O.A. Urzha, N.I. Mikhoparov
Деятельность органов государственной власти Чувашской Республики
по развитию сферы туризма: оценка и пути повышения эффективности 139
Activities of the Public Authorities of the Chuvash Republic for the Development
of Tourism: Evaluation and Ways to Improve Efficiency. 139

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Ван Хайянь
Wang Haiyan
Современная медицина
и традиционная медицина в КНР:
социально-философский анализ интеграции 149
Modern Medicine and Traditional Medicine in China:
Socio-Philosophical Analysis of Integration 149

Л.Е. Кузнецова-Фетисова
L.E. Kuznetsova-Fetisova
Социально-философское исследование феномена эзотерики:
классификационный подход. 157
Socio-Philosophical Study of the Phenomenon of Esotericism:
The Classification Approach 157

Г.П. Отюцкий
G.P. Otyutsky
Философия социальной работы:
обзор онтологической проблематики 165
Philosophy of Social Work: A Review of Ontological Problems. 165

А.М. Андрющенко,
аспирантка, Российский государственный социальный университет, Москва.
A.M. Andryushchenko,
postgraduate student, Russian State Social University, Moscow.
E-mail: ilm@inbox.ru

УДК 336
DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-4-5-12

Саморегулируемые организации как агенты институционализации рынка услуг ломбардов

Self-Regulatory Organizations As Agents of the Institutionalization of the Market for Services of Pawnshops

Дата поступления	*Дата препринта*	*Дата публикации*
03.09.2018	20.11.2018	19.12.2018

Аннотация: *в статье анализируется необходимость дальнейшего совершенствования институциональной структуры рынка ломбардов в Российской Федерации. Ломбард рассматривается как важный субъект рынка микрофинансирования, оказывающий услуги по предоставлению гражданам потребительских займов и играющий роль в повышении финансовой доступности для населения. Рассмотрены факторы, определяющие формирование институциональной структуры рынка услуг ломбардов и приведена характеристика субъектов рынка услуг ломбардов, оказывающих влияние на его деятельность. Проанализирована необходимость создания саморегулирования на рынке услуг ломбардов, что позволит облегчить регуляторную нагрузку на малые ломбарды, повысить прозрачность рынка и правовую культуру.*

Annotation: *the article analyzes the need for further improvement of the institutional structure of the pawnshop market in the Russian Federation. Lombard is considered as an important subject of the microfinance market, providing services for the provision of consumer loans to citizens and plays a role in increasing financial accessibility for the population. The factors that determine the formation of the institutional structure of the market of pawnshops services are considered and the characteristics of the subjects of the market of pawnshops services that influence its activities are given. Analyzed the need to create self-regulation in the market of services of pawnshops, which will ease the regulatory burden on small pawnshops, improve market transparency and legal culture.*

Ключевые слова: *ломбард, микрофинансирование, некредитные финансовые организации, саморегулирование, саморегулируемая организация.*

Key words: *pawnshop, microfinance, non-credit financial organizations, self-regulation, self-regulatory organization.*

Введение. Анализ функционирования финансового рынка Российской Федерации дает основание утверждать, что кредитные кооперативы, товарищества и общества взаимного страхования, а также ломбарды не имеют полноценной институциональной структуры, ко-

торая позволяла бы судить о них как о сформированных секторах рынка финансовых услуг. Задачу ломбардов можно определить как повышение платежеспособности граждан, активизацию совокупного спроса.

Ломбард, являясь специализированной коммерческой организацией, представляет краткосрочные займы под залог движимого имущества граждан и хранение вещей. Особое место на финансовом рынке имеют ломбарды, рассчитывая на право являться его самостоятельной структурной единицей; именно по этой причине особо актуальным является формирование полноценной институциональной структуры сектора услуг ломбардов, не упуская из вида то, что ломбардам свойственны двойственные функции. Ломбарды являются некредитными финансовыми организациями, но мы включаем их в кредитную систему, так как они осуществляют функции субъекта, предоставляющего заемные средства населению в виде потребительского кредита [2, с. 162].

«Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на период 2016–2018 годов» [12] предполагают реализацию концепции пропорционального регулирования, которая позволит оптимизировать регуляторную нагрузку. Регулирование и надзор должны осуществляться на принципах селективного подхода к регулированию финансовых организаций и надзору за ними, что означает адаптацию регулирования к уровню развития сектора и учету его специфики.

Методика.

1. Оценка необходимости формирования системы саморегулирования рынка услуг ломбардов:

– необходимость совершенствования институциональной структуры рынка ломбардов;

– анализ генезиса саморегулирования на финансовом рынке в целом и микрофинансовом рынке в частности;

– рассмотрение факторов, определяющих формирование институциональной структуры рынка услуг ломбардов;

– анализ существующих подходов к повышению эффективности выполнения рынком ломбардов функций;

– анализ регулирования ломбардной деятельности Банком России.

2. Характеристика субъектов рынка услуг ломбардов, оказывающих влияние на его деятельность.

Результаты. Процесс создания и регламентирования основных бизнес-процессов, возникающих в процессе взаимодействия между участниками ломбардного рынка, то есть институционализация данного рынка, важная с точки зрения выполнения его функций, представляет собой деятельность, направленную на создание формализованных процедур и использование лучших практик рынка. К главным функциям, которые должна выполнять институциональная структура рынка, можно отнести координацию действий разных субъектов рынка, которая позволит экономить на трансакционных издержках, а также осуществить необходимое перераспределение ресурсов посредством как прямых, так и косвенных действий [5].

Институциональное оформление рынка ломбардов приведет к эффективной работе указанного рынка, разработке и внедрению наиболее действенных механизмов по проверке соблюдения требований формализованных норм и ограничений. Следует отметить, что финансовая либерализация и активное развитие информационно-коммуникационных технологий делают все виды финансовых рынков глобальными и снижают регулирующее воздействие государства, поэтому актуализируется использование рыночного механизма как института регулирования. Данный процесс включает в себя создание саморегулируемых организаций (далее – СРО), которые объединяют профессиональных участников рынка на добровольной основе [1].

С начала 2016 года в России вступил в силу Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 223-ФЗ «О саморегулируемых организациях в сфере финансового рынка и о внесении изменений в статьи 2 и 6 Федерального закона “О внесении изменений в отдельные законодательные акты

Российской Федерации"» [23]. Данный Закон устанавливает, что финансовые организации должны в обязательном порядке являться участником/членом одной из СРО. Для этого им предоставляется срок в 180 дней с момента присвоения статуса СРО некоммерческой организации.

Вступить, таким образом, в СРО обязаны участники микрофинансового рынка, которые являются:

1) микрофинансовыми организациями;
2) кредитными потребительскими кооперативами;
3) жилищными накопительными кооперативами;
4) сельскохозяйственными кредитными потребительскими кооперативами.

Таким образом, на данный момент на государственном уровне закреплено саморегулирование на рынке микрофинансирования, за исключением рынка услуг ломбардов.

Саморегулируемая организация в сфере финансового рынка (СРО) – это некоммерческая организация, создающаяся в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации и Федеральным законом от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях». СРО в соответствии с вышеуказанным законодательством создается форме ассоциации (союза) и основывается на членстве, которое объединяет юридические лица, а также индивидуальных предпринимателей, осуществляющих те виды деятельности, которые определены государством. Например, микрофинансовую деятельность или деятельность потребительских кооперативов [8].

Свой статус некоммерческой организации СРО получает с момента внесения сведений о себе в единый реестр СРО в сфере финансового рынка.

Банк России осуществляет непосредственный надзор за деятельностью СРО. В данном случае предметом надзора со стороны Банка России в отношении СРО являются:

– соблюдение требований законодательства;
– соблюдение требований базовых и внутренних стандартов;
– выполнение контрольных функций в отношении своих членов [10].

Кроме дистанционного надзора Банк России может осуществлять в отношении СРО контактные инспекционные проверки [6].

Прекращение статуса СРО происходит путем принятия решения Центральным Банком Российской Федерации об исключении сведений о СРО из единого реестра СРО. Основаниями для принятия данного решения могут быть как добровольное решение СРО, так и принудительные меры [22].

Важнейшим инструментом в деятельности СРО является возможность по созданию из числа руководства СРО совета, целью деятельности которого является координация интересов как во взаимоотношениях с мегарегулятором, так и с финансовом рынком. Так, во время проведения разных заседаний экспертных советов, комитетов и рабочих групп при Банке России со стороны СРО могут принимать участие их представители. Кроме того, федеральные органы исполнительной власти вправе привлекать СРО для участия в разработке нормативных правовых актов [9].

Одним из основополагающих аспектов в деятельности СРО являются стандарты СРО. Банк России наделен правом устанавливать перечень обязательных для разработки СРО базовых стандартов, требований к содержанию базовых стандартов, перечни тех операций финансового рынка, которые должны быть стандартизированы. В настоящий момент данный перечень таких операций закреплен Банком России в своем Указании от 30 мая 2016 г. № 4027-У [17].

Помимо базовых стандартов СРО имеют внутренние стандарты, которые направлены на организацию работы внутри СРО и закрепляют следующее:

– процесс по проверке СРО своих членов на предмет соблюдения законодательства Российской Федерации, нормативных актов Банка России, базовых стандартов, внутренних стандартов и иных внутренних документов СРО;

– условия по участию в СРО, порядок расчета и уплаты взноса для вступления, а также членских взносов;

– механизм и порядок применения СРО мер воздействия к своим участникам при выявлении несоответствий в деятельности;

– вопросы к требованиям деловой репутации должностных лиц СРО;

– вопросы соблюдения профессиональной этики со стороны сотрудников СРО.

Для осуществления непрерывного дистанционного контроля деятельности за СРО Банк России осуществляет сбор и обработку отчетности, предоставляемой СРО. Содержание, форма, сроки и порядок представления отчетности СРО установлены указанием Банка России от 13 января 2017 г. № 4262-У «О содержании, форме, порядке и сроках представления в Банк России отчетности саморегулируемой организации в сфере финансового рынка» [18].

В настоящее время на рынке услуг ломбардов в России существуют профессиональные объединения, которые создаются для решения некоторых профессиональных задач (например, «Лига ломбардов», «Национальное объединение ломбардов», «Межрегиональная ассоциация ломбардов»), но в целом инфраструктуру российского рынка ломбардов нельзя признать развитой, так как в ней отсутствуют необходимые элементы, то есть организации, агентства, службы, обеспечивающие жизнедеятельность и устойчивое функционирование рынка. Более того, определить масштабы и проблемы формирования рынка услуг ломбардов не представляется возможным, поскольку секторально он не структурирован и достоверной статистики не существует [13–15].

Банк России реализует ряд мер, которые обычно применяются в процессе лицензирования (оценка структуры собственности, оценка профессионального соответствия органов управления ломбарда и его учредителей (участникам) ломбарда), но ломбардная деятельность лицензированию не подлежит [19; 21].

Со стороны мегарегулятора осуществляется контроль, надзор и регулирование рынка профессиональных кредиторов [11]. Данные функции реализуются Банком России несколькими основными способами:

1) посредством прямого строгого нормативного регулирования и надзора;

2) посредством сочетания более мягкого регулирования и надзора через институт саморегулирования, через требование обязательного членства организаций в саморегулируемых организациях участников соответствующего сектора финансового рынка (например, такой подход уже применяется к сектору кредитной кооперации, микрофинансовым организациям).

В первом варианте есть определенные риски для рынка услуг ломбардов, а именно то, что мелкие субъекты не в состоянии обеспечить соблюдение предъявляемых требований, в итоге вынуждены продавать, объединять свои активы либо переходить к иному виду деятельности. Это не может не сказываться негативным образом на развитии конкурентной среды на рынке и доступности услуг ломбардов населению.

Более мягкое регулирование эффективно в тех секторах, где по ряду объективных экономических причин недостижимы в массовом порядке жесткие экономические нормативы, то есть для организаций, целевая аудитория клиентов которых – малый бизнес и домашние хозяйства, в особенности в удаленных, труднодоступных местностях, нерезиденты или мигранты и иные категории, не привлекательные для банков и иных кредитных организаций.

Вариант жесткого регулирования деятельности организаций необходим тогда, когда есть системные риски нарушения прав потребителей и риски финансовой устойчивости отрасли. Ломбард как кредитор защищен от риска дефолта по займу в виду возможности покрыть все свои расходы за счет реализованного залога. В то же время и заемщик свой интерес реализует: он получает займ на выгодных для себя условиях и в случае его невозврата не имеет обязанности погашать проценты, начисленные за период просрочки. Кроме того, в случае реализации невыкупленного имущества заемщик вправе обратиться в ломбард за положи-

тельной разницей между ценой реализации и суммой требований ломбарда к заемщику. Важно отметить, что в случае невозврата полученного займа в ломбард, у заемщика не портится кредитная история, что имеет весьма важное значение для гражданина [20].

В связи с отсутствием законодательного закрепления саморегулирования в сфере деятельности ломбардов оно в настоящий момент осуществляется на добровольной основе как способ реальной самоорганизации рынка. Саморегулирование ломбардной отрасли – это возможность постепенной единой стандартизации деятельности ломбардов; тем самым обеспечивается большая прозрачность и клиентоориентированность отрасли.

Обсуждение. Рассматривая сущность саморегулируемых организаций, можно отметить, что они, имея самостоятельный характер, осуществляют функции агентов государства по контролю и регулированию. Позитивными моментами наличия саморегулирования на рынке перед государственным регулированиям выделяют: оперативный характер реагирования на вызовы рынка, экспертный взгляд, бдительность в принятии мер и последовательность. В условиях ускорения отношений между участниками рынка, их усложнения и финансовой глобализации вышеуказанные характеристики наиболее востребованы. К негативной стороне саморегулирования критики относят конфликты интересов, неизбежно вытекающие из таких отношений между участниками рынка и органом, контролирующим и регулирующим их деятельность. В качестве примера такого конфликта интересов можно привести получение на постоянной основе взносов от своих членов и установление для СРО со стороны государства минимального порога по количеству членов, которые могут повлиять на регулярность и качество осуществления СРО мероприятий в отношении своих членов.

На базе СРО на рынке ломбардов должны быть созданы по аналогии с другими секторами некредитных финансовых организаций (микрофинансирования и кредитной кооперации) на общественных началах профильные комитеты для мониторинга и поиска решения ключевых проблем рынка: правовой комитет, комитет по бухгалтерскому (финансовому) учету и налоговой политике (что актуально в сфере планируемого перехода ломбардов на Единый план счетов и Отраслевые стандарты бухгалтерского учета, а также на Международные стандарты финансовой отчетности), комитет по рискам, комитет по стандартам, комитет по безопасности, пресс-служба и т.д. Это могло бы позволить оперативно выявлять острые болевые точки, формулировать позицию рынка и организовать диалог с регулирующими и законодательными органами власти.

СРО обладает дополнительным потенциалом, способным развивать отрасль – как пример можно привести практику создания при СРО учебных центров, которые способны обеспечивать специфические интересы участников рынка, а также организацию печатного органа, который снабжает участников необходимой профессиональной литературой [16].

Рынок ломбардов характеризуется большим количеством мелких организаций, штатная численность которых весьма ограничена, и на этом фоне одной из основополагающих функций СРО на рынке ломбардов может быть оказание в помощи своим членам при проверках со стороны государства.

Заключение. Таким образом, СРО – это площадка, на которой может происходить диалог рынка и контролирующих органов, это легальное и цивилизованное продвижение интересов рынка во взаимодействии с потребителями и государством. Кроме того, СРО принимают участие в разработке законотворческих и нормотворческих предложений, их обсуждении, что должно обеспечить наиболее оптимальное законодательство, как с точки зрения субъектов рынка, так и с точки зрения защиты прав потребителей и регулятора. Помимо вышеперечисленного с помощью СРО может осуществляться аналитика отрасли, что позволяет отслеживать современные тенденции и направления развития рынка ломбардов.

Опыт действующих СРО в сфере микрофинансирования и кредитной кооперации показывает, что СРО могут взять на себя функции сбора отчетности, мониторинга, оценки эффективности деятельности в отношении мелких участников рынка. Они обеспечивают эффек-

тивный механизм реагирования на жалобы и другие обращения потребителей, в частности могут по поручению Банка России осуществить проверку деятельности организации – члена СРО, на которую поступили жалобы, и сообщить о результатах [11].

Всё это формирует для потребителя и государства позитивный имидж сектора и способствует его развитию, повышению прозрачности и усилению влияния на состояние дел в отрасли, распространению положительного опыта и снижению системных угроз.

Список литературы

1. Алгазина А.Ф. Саморегулирование как вид управленческой деятельности (административно-правовой аспект): автореф. дис. … канд. юрид. наук. Омск, 2017. С. 16–18.
2. Александрова Л.С. Развитие ломбардного бизнеса в России // Экономика. Бизнес. Банки. 2016. № 1 (14). Январь-март.
3. Андрющенко А.М. Риски развития рынка ломбардов в Российской Федерации // Социальная политика и социология. Т. 15. 2016. № 5 (118). С. 9–16.
4. Андрющенко Г.И., Андрющенко А.М. Роль государства в процессе регулирования рынка услуг ломбардов в Российской Федерации // Социальная политика и социология. Т. 16. 2017. № 2 (121). С. 6–13.
5. Андрющенко Г.И., Савина М.В., Галиновский Д.С. Особенности современной Российской модели саморегулирования рынка финансовых услуг негосударственных пенсионных фондов // Финансовая экономика. 2018. № 6. С. 1019–1023.
6. Бондарева Ю.Э. Рынок микрофинансирования в Центральном Федеральном округе Российской Федерации: современное состояние // Деньги и кредит. 2017. № 1. С. 24–30.
7. Галиновский Д.С. Генезис саморегулирования на рынке финансовых услуг // Социальная политика и социология. Т. 16. 2017. № 6 (125). С. 5–13.
8. Гражданский кодекс Российской Федерации. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/.
9. Егорова М.А. К вопросу о правовом статусе саморегулируемых организаций в Российской Федерации // Право и экономика. 2016. № 5. С. 11–22.
10. Казаков К.А., Калачева Т.Л. Саморегулирование и саморегулируемые организации // Инновационное развитие современной юридической науки: матер. II ежегод. науч. чтений, посвященных памяти профессора А.П. Лончакова. 2018. С. 126–130.
11. Клевцов В.В., Замлелый А.Ю. Мегарегулирование как инструмент управления рисками, обусловленными развитием финансово-кредитной системы // Банковские услуги. 2017. № 12. С. 2–6.
12. Концепция пропорционального регулирования и риск-ориентированного надзора за НФО. М., 2018. URL: http://cbr.ru/StaticHtml/File/11106/onrfr_2016–18.pdf.
13. Официальный сайт Лиги ломбардов. URL: http://www.ligalomb.ru.
14. Официальный сайт Межрегиональной ассоциации ломбардов. URL: http://www.pawnbroker.ru
15. Официальный сайт Национального объединения ломбардов. URL: http://souz-lombardov.ru.
16. Рынок как экономический институт // Справочник 24. URL: https://spravochnick.ru/ekonomika/ekonomicheskie_rynki/rynok_kak_ekonomicheskiy_institut/.
17. Указание Банка России от 30.05.2016 № 4027-У «О перечне обязательных для разработки саморегулируемыми организациями в сфере финансового рынка, объединяющими микрофинансовые организации, кредитные потребительские кооперативы, базовых стандартов и требования к их содержанию, а также перечень операций (содержание видов деятельности) на финансовом рынке, подлежащих стандартизации в зависимости от вида деятельности финансовых организаций». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_199565/.
18. Указание Банка России от 13.01.2017 № 4262-У «О содержании, форме, порядке и сроках представления в Банк России отчетности саморегулируемой организации в сфере финансового рынка». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_214420/.
19. Указание Банка России от 21.12.2017 № 4658-У «О порядке и сроке направления уведомления лицом, которое прямо или косвенно получило право распоряжения 10 и более процентами голосов, приходящихся на голосующие акции (доли), составляющие уставный капитал профессионального участника рынка ценных бумаг, микрокредитной компании, ломбарда, а также о порядке запроса Банком России информации о лицах, которые прямо

или косвенно имеют право распоряжения 10 и более процентами голосов, приходящихся на голосующие акции (доли), составляющие уставный капитал профессионального участника рынка ценных бумаг, микрокредитной компании, ломбарда». URL: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71321428/.
20. Федеральный закон от 30.12.2004 № 218-ФЗ «О кредитных историях». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51043/.
21. Федеральный закон от 19.07.2007 № 196-ФЗ «О ломбардах». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_70009/.
22. Федеральный закон от 01.12.2007 № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72967/.
23. Федеральный закон от 13.07.2015 № 223-ФЗ «О саморегулируемых организациях в сфере финансового рынка и о внесении изменений в статьи 2 и 6 Федерального закона "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации"». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182662/.

References

1. Algazina A.F. Samoregulirovanie kak vid upravlencheskoj deyatel'nosti (administrativno-pravovoj aspekt): avtoref. dis. … kand. yurid. nauk. Omsk, 2017. S. 16–18.
2. Aleksandrova L.S. Razvitie lombardnogo biznesa v Rossii // Ekonomika. Biznes. Banki. 2016. № 1 (14). Yanvar'-mart.
3. Andryushchenko A.M. Riski razvitiya rynka lombardov v Rossijskoj Federacii // Social'naya politika i sociologiya. T. 15. 2016. № 5 (118). S. 9–16.
4. Andryushchenko G.I., Andryushchenko A.M. Rol' gosudarstva v processe regulirovaniya rynka uslug lombardov v Rossijskoj Federacii // Social'naya politika i sociologiya. T. 16. 2017. № 2 (121). S. 6–13.
5. Andryushchenko G.I., Savina M.V., Galinovskij D.S. Osobennosti sovremennoj Rossijskoj modeli samoregulirovaniya rynka finansovykh uslug negosudarstvennykh pensionnykh fondov // Finansovaya ekonomika. 2018. № 6. S. 1019–1023.
6. Bondareva Yu.E. Rynok mikrofinansirovaniya v Central'nom Federal'nom okruge Rossijskoj Federacii: sovremennoe sostoyanie // Den'gi i kredit. 2017. № 1. S. 24–30.
7. Galinovskij D.S. Genezis samoregulirovaniya na rynke finansovykh uslug // Social'naya politika i sociologiya. T. 16. 2017. № 6 (125). S. 5–13.
8. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/.
9. Egorova M.A. K voprosu o pravovom statuse samoreguliruemykh organizacij v Rossijskoj Federacii // Pravo i ekonomika. 2016. № 5. S. 11–22.
10. Kazakov K.A., Kalacheva T.L. Samoregulirovanie i samoreguliruemye organizacii // Innovacionnoe razvitie sovremennoj yuridicheskoj nauki: mater. II ezhegod. nauch. chtenij, posvyashchennykh pamyati professora A.P. Lonchakova. 2018. S. 126–130.
11. Klevcov V.V., Zamlelyj A.Yu. Megaregulirovanie kak instrument upravleniya riskami, obuslovlennymi razvitiem finansovo-kreditnoj sistemy // Bankovskie uslugi. 2017. № 12. S. 2–6.
12. Koncepciya proporcional'nogo regulirovaniya i risk-orientirovannogo nadzora za NFO. M., 2018. URL: http://cbr.ru/StaticHtml/File/11106/onrfr_2016–18.pdf.
13. Oficial'nyj sajt Ligi lombardov. URL: http://www.ligalomb.ru.
14. Oficial'nyj sajt Mezhregional'noj associacii lombardov. URL: http://www.pawnbroker.ru
15. Oficial'nyj sajt Nacional'nogo ob"edineniya lombardov. URL: http://souz-lombardov.ru.
16. Rynok kak ekonomicheskij institut // Spravochnik 24. URL: https://spravochnick.ru/ekonomika/ekonomicheskie_rynki/rynok_kak_ekonomicheskiy_institut/.
17. Ukazanie Banka Rossii ot 30.05.2016 № 4027-U «O perechne obyazatel'nykh dlya razrabotki samoreguliruemymi organizaciyami v sfere finansovogo rynka, ob"edinyayushchimi mikrofinansovye organizacii, kreditnye potrebitel'skie kooperativy, bazovykh standartov i trebovaniya k ikh soderzhaniyu, a takzhe perechen' operacij (soderzhanie vidov deyatel'nosti) na finansovom rynke, podlezhashchikh standartizacii v zavisimosti ot vida deyatel'nosti finansovykh organizacij». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_199565/.
18. Ukazanie Banka Rossii ot 13.01.2017 № 4262-U «O soderzhanii, forme, poryadke i srokakh predstavleniya v Bank Rossii otchetnosti samoreguliruemoj organizacii v sfere finansovogo rynka». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_214420/.

19. Ukazanie Banka Rossii ot 21.12.2017 № 4658-U «O poryadke i sroke napravleniya uvedomleniya licom, kotoroe pryamo ili kosvenno poluchilo pravo rasporyazheniya 10 i bolee procentami golosov, prikhodyashchikhsya na golosuyushchie akcii (doli), sostavlyayushchie ustavnyj kapital professional'nogo uchastnika rynka cennykh bumag, mikrokreditnoj kompanii, lombarda, a takzhe o poryadke zaprosa Bankom Rossii informacii o licakh, kotorye pryamo ili kosvenno imeyut pravo rasporyazheniya 10 i bolee procentami golosov, prikhodyashchikhsya na golosuyushchie akcii (doli), sostavlyayushchie ustavnyj kapital professional'nogo uchastnika rynka cennykh bumag, mikrokreditnoj kompanii, lombarda». URL: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71321428/.
20. Federal'nyj zakon ot 30.12.2004 № 218-FZ «O kreditnykh istoriyakh». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51043/.
21. Federal'nyj zakon ot 19.07.2007 № 196-FZ «O lombardakh». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_70009/.
22. Federal'nyj zakon ot 01.12.2007 № 315-FZ «O samoreguliruemykh organizaciyakh». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72967/.
23. Federal'nyj zakon ot 13.07.2015 № 223-FZ «O samoreguliruemykh organizaciyakh v sfere finansovogo rynka i o vnesenii izmenenij v stat'i 2 i 6 Federal'nogo zakona "O vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii"». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182662/.

Библиографическое описание статьи / Reference to article

Андрющенко А.М. Саморегулируемые организации как агенты институционализации рынка услуг ломбардов // Социальная политика и социология. Т. 17. 2018. № 4 (129). С. 5–12. DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-4-5-12 (Библиографическое описание согласно российским стандартам).

Andryushchenko A.M. Samoreguliruemye organizacii kak agenty institucionalizacii rynka uslug lombardov // Social'naya politika i sociologiya. T. 17. 2018. № 4 (129). S. 5–12. DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-4-5-12 (Reference in Roman script).

Andryushchenko, A.M. (2018) Self-Regulatory Organizations As Agents of the Institutionalization of the Market for Services of Pawnshops, *Social Policy and Sociology*. Vol. 17. No. 4 (129). P. 5–12. DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-4-5-12 (International bibliographic description).

И.И. Бадыков,
аспирант, Казанский государственный архитектурно-строительный университет, Казань.
I.I. Badykov,
postgraduate student, Kazan State University of Architecture and Civil Engineering, Kazan.
E-mail: Bii1413@yandex.ru

УДК 338.28
DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-4-13-21

Внедрение инновационного государственного сервиса «Электронное правительство»: требования и сложности реализации

Introduction of Innovative State Service «E-Government»: Requirements and Difficulties of Implementation

Дата поступления	*Дата препринта*	*Дата публикации*
12.09.2018	20.11.2018	19.12.2018

Аннотация: *принимая необходимость внедрения и развития информационных технологий, всё большее внимание федеральных и региональных властей привлекает распространение инновационного для нашей страны проекта электронного правительства. Для достижения этой цели необходимо раскрыть определение электронного правительства, охватить его экономические, социальные и политические характеристики, а также фактические и потенциальные требования к научному и техническому блоку страны. Проект электронного правительства должен гармонично развиваться в трех основных направлениях взаимодействия: правительство для правительства, правительство для бизнеса и правительство для граждан. Каждый элемент является обязательной частью электронного правительства, обеспечивающей гармоничное развитие государственной политики по информатизации всей территории страны. В настоящей статье рассматриваются вероятные сложности, с которыми придется столкнуться при внедрении системы, а также представлено видение автора на его будущее развитие. При разработке проектов важно уделять особое внимание масштабам нашей страны и особенностям социально-экономического развития на отдаленных территориях.*

Annotation: *the federal government and the authorities attract innovative e-government to participate in the project. To achieve this goal, it is necessary to disclose the definition of economic, social and political characteristics, as well as actual and potential requirements for the scientific and technical block of countries. It is argued that the project of e-government should develop harmoniously in three main areas of interaction: the government for the government, the government for business and the government for citizens. Each element is a mandatory part of e-government, ensuring the harmonious development of state policy on informatization of the entire territory of the country. This article discusses the likely difficulties that will have to face in the implementation of the system, and also presents the author's vision of his future development. When developing projects, it is important to pay special attention to the scale of our country and the characteristics of socio-economic development in remote areas.*

Ключевые слова: *электронное правительство, информационные технологии, человеческий капитал, инновации, государственная политика, цифровая трансформация.*

Key words: *e-government, information technology, human capital, innovation, public policy, digital transformation.*

Введение. Интернет изменил способ работы, обучения и взаимодействия организаций, сообществ и отдельных лиц. Правительства независимо от своих политических систем осознают необходимость и важность модернизации для сохранения глобальной конкурентоспособности. Внедрение электронного правительства является одной из базовых основ модернизации социально-экономического устройства страны. Последние десятилетия электронное правительство всё больше привлекает внимание политиков, ученых и государственных деятелей всего мира, и многие страны приложили значительные усилия и ресурсы для его реализации [12, с. 211].

Подобно открытию парового двигателя в промышленную эпоху и отказу от повсеместного использования мышечной силы, в эпоху информатизации критически важное значение приобретают знания и интеллектуальный потенциал располагаемых человеческих ресурсов [2, с. 34]. Страны, которые эффективно используют капитал знаний, значительно быстрее переходят от индустриального общества к информационному. Рациональное использование информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) имеет важное значение в информационном обществе, начиная с создания данных и заканчивая обработкой и распространением информации [1, с. 21]. Поэтому в процессе перехода к информационному обществу реализация и повсеместное внедрение понятных и прозрачных государственных электронных услуг являются основой всеобъемлющей информатизации.

Методика. Теоретической и методологической основой исследования послужили принципы теории управления, методы системного моделирования, экспертных оценок и прогнозирования, а также теоретические модели и концепции различных научных школ, труды отечественных и зарубежных ученых по проблемам инновационного развития сферы услуг в системе технологий государственного управления.

Результаты. Для достижения высокого уровня развития информационных и телекоммуникационных технологий и их интенсивного использования гражданами, бизнесом и органами государственной власти стратегически важно правильно определить цель, задачи, принципы и основные направления государственной политики в области использования и развития информационных и телекоммуникационных технологий, науки, образования и культуры [8, с. 72].

Анализ публикаций ведущих отечественных и международных научных организаций позволил выделить основные подходы и ключевые элементы архитектуры электронного правительства.

Принципы предоставления цифровых государственных услуг:

– принцип «единого окна»;
– цифровой процесс обслуживания от начала до конца;
– приоритет мобильным приложениям;
– адаптивный дизайн, ориентированный на потребителя;
– цифровое правительство как кроссплатформенная система.

Основные элементы электронного правительства:

– единый обмен данными в государственном секторе;
– межведомственной обмен информацией;
– общественная инфраструктура для совместного использования;
– кибербезопасность и конфиденциальность.

Идеи трансформации государственного управления в цифровую платформу отражены в концепции программы реформирования государственного управления, подготовленной экспертами НКО «Центр стратегических разработок» [15]. По их мнению, требуется пересмотреть методику государственного управления в следующих элементах:

– создание единой архитектуры государственной цифровой платформы, поддерживающей хранение и обработку больших данных;

– внедрение цифровой биометрической идентификации при предоставлении государственных электронных услуг;

– формирование цифровых «двойников» граждан и организаций.

Авторы программы отмечают, что осуществить проект, предполагающий переход на цифровую платформу государственного управления, достаточно сложно, так как существующая система весьма инертна и не заинтересована в изменении текущего состояния. В связи с этим переход от существующих методов управления к цифровым должен поддерживаться и координироваться на самом высоком государственном уровне [15]. Переход от простого методологического использования информационных технологий к цифровой трансформации электронного правительства способствует формированию «цифровой зрелости» государственного управления в России, воплощенной в перманентном развитии клиентоориентированных государственных электронных систем.

В рейтинге стран по уровню развития электронного правительства, опубликованном 19 июля 2018 года, который подготавливает ООН каждые два года, Россия поднялась на три места – с 35-го в 2016 году до 32-го в 2018 году, но пока не достигла результатов 2014-го, когда она занимала 27 место [22]. Следует отметить, что Россия поднялась на довольно почетное 27-е место в 2012 году, значительно улучшив свои показатели по сравнению с 2010 годом, когда она заняла 59-е место.

Быстрый рост на первом этапе был связан с переводом сервисов в электронную форму, созданием единого портала государственных и муниципальных сервисов по раскрытию информации о деятельности органов власти. С 25 ноября 2009 года, когда интернет-портал государственных услуг начал функционировать в тестовом режиме, он стал эффективным инструментом для граждан в получении доступа к государственным услугам в электронной форме. Для удобства пользователей и обеспечения информационной безопасности на интегрированном портале государственных услуг была реализована концепция личного кабинета [9]. Помимо информации о государственных и муниципальных услугах, интегрированный портал государственных услуг начал публиковать текущие новости и некоторые аналитические материалы о государственных услугах.

На втором этапе положительная динамика сохранялась расширением перечня предоставляемых государственных услуг в электронном виде и реализацией ряда инициатив в области взаимодействия с гражданами посредством использования ИКТ. Основным двигателем информатизации в Российской Федерации является государственная инициатива. Здесь государственная программа «Информационное общество (2011–2020 годы)», а также некоторые другие региональные и ведомственные программы оказали значительное влияние на уровень использования информационно-коммуникационных технологий.

В 2014 году методология ООН по оценке электронного правительства претерпела изменения, в результате чего были введены и расширены критерии, связанные с текущими тенденциями трансформации «цифровой зрелости» государственных услуг (многоканальность и мобильность, ориентация на пользователя, предоставление услуг в сфере жизни, использование широкого спектра процессов управления). Открытые данные и участие «электронных» граждан в управлении стали рассматриваться как важнейшая часть услуг электронного правительства (традиционно понимаемое у нас более узко – как использование информационных систем для предоставления государственных и муниципальных услуг) [18].

В результате в последующие годы темпы роста уровня развития электронного правительства в России снизились и не обеспечивают существенного повышения рейтинга, другие страны продолжают опережать нас.

К недостаткам модели действующего в России электронного правительства, особенно на ранних этапах его построения, относится чрезмерно «механический» метод перевода традиционных государственных и муниципальных услуг в электронную форму. Перевод государственных услуг в электронную форму обычно не включает выявление неэффективных и устаревших нормативных актов, осуществление мер по их отмене, исправление и разработку новых законов, приказов и указов, поскольку это требует организации сложного про-

цесса координации действий экспертных групп и времени для этой работы [5]. Рабочие группы по созданию электронного правительства в основном финансируются из бюджета и в большинстве своем комплектуются государственными служащими – в таких условиях поиск компромисса между вовлеченными сторонами является весьма затруднительным. Такой технократический подход к автоматизации государственных услуг не способен существенно улучшить деловой климат. В процессе оказания некоторых государственных услуг из-за невозможности устранить традиционный «бумажный» рабочий процесс государственные служащие вынуждены проделывать двойную работу с использование традиционных методов и новых информационных систем, что приводит к увеличению бюджетных расходов на поддержание обоих процессов бюрократических процедур.

Электронное правительство может быть разделено на три основных элемента с точки зрения взаимодействия между правительством, бизнесом и гражданами: во-первых, **связь между органами власти (g2g)**, включая взаимодействие учреждений различных ветвей власти и связь между региональными правительствами. Формируемое горизонтальное и вертикальное взаимодействие государственных и муниципальных структур обеспечивает наибольшую эффективность взаимодействия на федеральном, региональном и местном уровнях управления для реализации своих функций [6, с. 336]. В качестве своей подсистемы подразумевается межведомственное электронное взаимодействие, направленное на поддержание процесса выработки целостной политики и скоординированного управления страной. Во-вторых, **связь правительственных учреждений с гражданами (g2c)** – это категория отношений между правительством и гражданами посредством использования электронных сервисов. Через такие сервисы без посещения профильных учреждений можно получать большинство государственных услуг по принципу «единого окна».

В-третьих, **связь государственных учреждений с бизнесом (g2b)**. Набор программных и аппаратных средств для осуществления онлайн-взаимодействия исполнительной власти и коммерческих структур в целях поддержки и развития бизнеса. Снижение нагрузки на бизнес будет обеспечиваться за счет исключения сбора дублирующих данных и более эффективного использования информационных технологий электронного бизнеса для взаимодействия с государственными и муниципальными органами власти. К классу g2b можно отнести информационные веб-сайты органов власти, системы электронных закупок, онлайн-лицензирование и проч.

Несмотря на то что все эти элементы имеют много общих аспектов, они различаются с точки зрения целей и ключевых вопросов. Например, в g2b такие вопросы, как электронные платежи, имеют большое значение, в то время как для граждан это – доступ к гарантированным бесплатным услугам и канал решения вопросов общественного благоустройства. В g2g это – такие вопросы, как улучшение скорости взаимодействия и повышения качества принимаемых решений.

Обсуждение. Несмотря на столько усилий ученых по описанию электронного правительства, разные страны вкладывают в этот термин различные концепции. Например, США использует его для облегчения доступа к правительственной информации и для повышения качества услуг, ведущих к удовлетворению общественности. Определение Китая схоже с США, за исключением содействия демократическому участию [20, с. 77]. В Новой Зеландии он используется в качестве средства автоматической внутриправительственной коммуникации и коммуникации правительства с общественностью, позволяя гражданам получать необходимую информацию, создавать доступные, простые и эффективные услуги [21, с. 160]. Другие страны аналогичным образом интерпретировали этот термин в соответствии со своими общественно-политическими целями, но объединяет их тот факт, что он признан основным средством достижения конкурентного преимущества в XXI веке и ориентируется на качественное удовлетворение потребностей «клиента».

Электронное правительство позволяет эффективно и прозрачно использовать общественные ресурсы для граждан. Каждый гражданин страны может получить доступ к любому отчету любого публичного органа власти. Внедрение технологически зрелых информационных систем способствует совершенствованию демократических механизмов, что служит очередной мотивацией чиновников для лучшего выполнения функций государственных и муниципальных органов власти [10]. Дополнительно граждане получают эффективную возможность для участия в процессах распределения и потребления общественных благ.

С концептуальной точки зрения электронное правительство может рассматриваться как основное оружие для перехода на новый уровень производительности (прорыв производительности в отличие от постепенного улучшения), включая сокращение времени на совершение операций и реагирование на обращения граждан при предоставлении качественных государственных услуг [3, с. 99]. Кроме того, электронное правительство можно рассматривать как инструмент для улучшения процесса принятия бюрократических решений и удовлетворения государственных служащих, страдающих от недостатков существующих систем администрирования.

Электронное правительство олицетворяет собой совокупность множества технически сложных и высоконагруженных информационных систем, бизнес-процессы которых интегрированы между собой и требуют взвешенного нормативно-правового и бюрократического регулирования [16].

Каждое новшество требует устранения традиционного способа работы, чтобы реализовать более продвинутый и эффективный метод. Это, в свою очередь, вызывает свойственный природе человека страх и сопротивление новым вещам [17, с. 510]. Более того, не все люди готовы легко отказаться от своих привычек и в полной мере начать использовать новые средства. Например, когда появились электронные калькуляторы, люди продолжали делать ручные вычисления в течение длительного времени и сопротивлялись использованию машин. Кроме того, большинство людей могут полагать, что перемены не пойдут на пользу и не смогут решить проблемы, а навредят сложившемуся укладу. По этой причине управление изменениями и управление коммуникациями являются компонентами, которые должны быть включены в план проекта как наиболее масштабные работы в проекте электронного правительства. Управление коммуникациями является важнейшим компонентом предоставления информации при взаимодействии внутренних и внешних заинтересованных сторон [19, с. 424]. В целях более точной детализации выделим некоторые ***наиболее вероятные проблемы***:

- огромное разнообразие пользователей с разными уровнями возможностей и готовности. Это затрудняет анализ информационных потребностей, препятствует переходу к более серьезным аспектам электронного правительства и на практике снижает уровень использования систем до обычных сервисов, таких как «афиша мероприятий»;
- трудность в правильном понимании целей и задач среди региональных властей и формировании созидательного мышления в области информатизации;
- широкие географические и политические границы страны и, как следствие, огромные размеры административного аппарата [11, с. 244]. Этот фактор станет серьезной проблемой при интеграции разных учреждений и их систем;
- отсутствующие либо несовременные законы и нормативные акты, регулирующие общественные отношения в области внедрения и регулирования электронного правительства, а также медленные темпы их изменения;
- неблагоприятное сочетание политики с технологиями. Это означает, что факторы, влияющие на принятие решений о внедрении новых технологий, являются политически ориентированными и, следовательно, нестабильными по своему характеру. Полагаться на стабильность политических решений слишком рискованно;

• неспособность придерживаться курса долгосрочного развития и неспособность достижения ранее принятых целевых показателей;

• значительные затраты связаны с содержанием ресурсной базы информационных систем. Этот элемент вызовет проблемы в составлении бюджета правительства и ресурсов его учреждений, подвергая риску жизнеспособность проекта;

• существование традиционного отношения среди агентств и их менеджеров, которое заключается в готовности действовать только при получении заказов от вышестоящих органов, а не инициировать движение;

• потребность в обучении менеджеров и государственных служащих [7, с. 275]. Для значительного количества специалистов, являющихся участниками проекта, требуется определенный уровень знаний в области информационных технологий (ИТ) – как следствие, необходимы значительные временные и финансовые затраты на формирование человеческого капитала;

• низкий уровень мотивации государственных служащих и работников в целом из-за экономических и организационных проблем. Этот вопрос может иметь фатальные последствия для проектов по предоставлению электронных государственных услуг;

• нехватка аналитической базы в области ИТ в сравнении с поставленными целями. Проблема выражается как в количестве профессионалов, консультантов и компаний ИТ, так и с точки зрения уровня технологий и знаний, которые они могут предоставить. Для развития электронного правительства в полном объеме в стране требуется армия опытных экспертов и профессионалов в области ИТ, чтобы объединить усилия государственных органов и перевести ресурсы на необходимые системы и программное обеспечение;

• трудность в объединении академического и исследовательского секторов в интересах опережающего развития проекта [13, с. 288]. Этот вопрос является общей проблемой для большинства областей хозяйственной деятельности страны, ограничивает объем потенциальной энергии, доступной для серьезного движения по преобразованию системы.

С учетом вышеуказанных ограничений и барьеров, влияющих на развитие электронного правительства, сформированы ***требования для успешной реализации проекта***.

1. *Управление контентом*: наполнение множества сложных и взаимосвязанных систем должно координироваться многочисленными заинтересованными организациями и конкретными ответственными лицами. Подразумевается создание обширной и многоуровневой сети мероприятий в области планирования и управления [18, с. 66–74]. Такие вопросы, как архитектура контента, стандарты, интеграция, определение приоритетов, мотивация руководителей и операционных групп, системный анализ и разработка, защита информации и приложений, обновление существующих приложений, финансовые ресурсы для новых приложений и обеспечение полного использования информации, относится к числу наиболее важных задач.

2. *Культура и человеческие ресурсы*: успешное внедрение электронного правительства требует внимательного изучения культурного и социального опыта общества. Необходимо понимание существующих барьеров как определяющего фактора готовности общества к принятию системных изменений. Кроме того, эта трансформация остро нуждается в высокоинтеллектуальных человеческих ресурсах, и нынешний потенциал страны в этом отношении недостаточен и требует пристального внимания и действий со стороны властей.

3. *Организационное требование*: для гармоничного управления необходима хорошо скоординированная организационная модель. Эта модель должна быть уполномочена к руководству проблемой во всей стране и должна быть готова к успешному завершению проекта на всех территориях страны. От подхода требуется также устранение местных бюрократических барьеров.

4. *Технология*: выбор правильного уровня технологии очень важен. Например, выбранное программное обеспечение должно быть высоконадежным и гибким для дальнейшей разработки и расширения.

5. *Финансовые ресурсы*. Предоставление финансовых ресурсов для своевременной реализации проекта является жизненно важным вопросом на пути его успеха. Получение ресурсов из бюрократической системы, анализ и обоснование затрат и выгод, технико-экономическое обоснование различных проектов, инициатив, переговоры о финансовой поддержке, изменение приоритетов и нехватка ресурсов являются важнейшими проблемами в государственных проектах.

Заключение. Глобальный переход к электронному правительству – это отличная возможность для страны сократить свой технологический разрыв с развитым миром и улучшить эффективность системы управления в отдаленных от Центрального федерального округа регионах. На текущий момент проект электронного правительства успешно внедрен в субъектах Центрального федерального округа, Приволжского федерального округа и в ряде субъектов Уральского федерального округа. Технологический охват всей страны требует привлечения в регионы дополнительных финансовых и человеческих ресурсов. В целях минимизации трудностей, возникающих в связи с ощутимым разрывом в развитие территорий, бюджетное обеспечение проектов по информатизации регионов должно иметь высший приоритет на федеральном уровне страны. Путь к электронному правительству влечет за собой сложные изменения на всех уровнях власти: начиная от Администрации Президента Российской Федерации и заканчивая представительным органом небольшого кожууна Республики Тыва. Требуется тщательно изучить достигнутые результаты, интерпретировать выводы и учесть их при дальнейшем информационном «освоении» востока страны. Существует множество препятствий для достижения успеха в этом движении, устранение которых требует обширных и заинтересованных действий, особенно это касается превращения информатизации в национальную идею, заключающуюся в повышении уровня информационной грамотности жителей страны как на бытовом, так и на профессиональном уровнях. Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что разработка и внедрение инновационных моделей управления информационными потоками в сфере государственных электронных услуг может не только обеспечить значительный экономический эффект от практической реализации его деятельности, но и значительно улучшить качество и эффективность государственной системы управления.

Список литературы

1. Бадыков И.И., Валеев А.А. Совершенствование управления человеческим капиталом в интересах инновационного развития Республики Татарстан // Экономика и предпринимательство. 2017. № 12 (ч. 1). С. 32–41.
2. Бекетов Н.В. Проблемы формирования государственной инновационной политики в области охраны интеллектуальной собственности // Инновации. 2013. № 8. С. 21–24.
3. Волгина Т.Е. Современные проблемы внедрения «электронного правительства»// Ученые заметки ТОГУ. Т. 6. 2016. № 3. С. 80–86.
4. Волкова М.И. Выявление факторов удовлетворенности жизнью в России и Европе // Социальная политика и социология. Т. 16. 2017. № 5 (124). С. 6–15.
5. Готовность России к информационному обществу. Оценка ключевых направлений и факторов электронного развития. М.: Ин-т развития информационного общества, 2014.
6. Данилин А. Электронные государственные услуги и административные регламенты. М.: ИНФРА-М, 2014. 336 с.
7. Дрожжинов В.И., Зиндер Е.З. Электронное правительство: рекомендации по внедрению в Российской Федерации. М.: Экотрендз, 2013. 275 с.
8. Золочевская Е.Ю., Кривошеева Т.Д. Стратегическое управление государственными инновационными проектами // Государственное и муниципальное управление // Ученые записки. 2014. № 2.
9. Иванов В.В., Малинецкий Г.Г. Цифровая экономика: мифы, реальность, перспектива. М.: РАН, 2017.
10. Игнатова Т.В., Аширова М.Н. Рыночная рационализация предоставления государственных услуг // ФЭС: финансы, экономика, стратегия. 2015. № 2.

11. Индекс готовности регионов России к информационному обществу. М.: Ин-т информационного общества, 2017. 244 с.
12. Информационные технологии управления. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2014. 211 с.
13. Когаловский М.Р. Перспективные технологии информационных систем. М.: ДМК Пресс : Компания АйТи, 2013. 288 с.
14. Локтионова Ю.Н. Финансовый анализ инвестиционных проектов: основные направления и методы проведения // Социальная политика и социология. Т. 16. 2017. № 2 (121). С. 47–55.
15. Петров М., Буров В., Шклярук М., Шаров А. Государство как платформа. (Кибер) государство для цифровой экономики / Доклад ЦСР. М., 2018. URL: www.csr.ru.
16. Рокотян А.Ю. Неклассическая концепция телекоммуникаций // ИнформКурьерСвязь. 2016. № 4.
17. Смирнова Г.Н. Проектирование экономических информационных систем. М.: Финансы и статистика, 2012. 510 с.
18. Сморгунов Л.В. Электронное правительство 2.0: от порталов к платформе // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2017. № 2 (39). С. 66–74.
19. Стратегия модернизации российской экономики / отв. ред. В.М. Полтерович. СПб.: Алетейя, 2014. 424 с.
20. Kuotsai T. E-Government Development and China's Administrative Reform // International Journal of Public Administration. 2007. Vol. 31. P. 76–95.
21. Mehdi Asgarkhani. The Effectiveness of e-Service in Local Government: A Case Study // Electronic Journal of e-Government. Vol. 3. 2005. Is. 4. P. 157–166.
22. UN e-Government Survey 2018. Gearing e-government to support transformation towards sustainable and resilient societies. N.Y.: UNPAN. Retrieved July 23, 2018.

References

1. Badykov I.I., Valeev A.A. Sovershenstvovanie upravleniya chelovecheskim kapitalom v interesakh innovacionnogo razvitiya Respubliki Tatarstan // Ekonomika i predprinimatel'stvo. 2017. № 12 (ch. 1). S. 32–41.
2. Beketov N.V. Problemy formirovaniya gosudarstvennoj innovacionnoj politiki v oblasti okhrany intellektual'noj sobstvennosti // Innovacii. 2013. № 8. S. 21–24.
3. Volgina T.E. Sovremennye problemy vnedreniya «elektronnogo pravitel'stva»// Uchenye zametki TOGU. T. 6. 2016. № 3. S. 80–86.
4. Volkova M.I. Vyyavlenie faktorov udovletvorennosti zhizn'yu v Rossii i Evrope // Social'naya politika i sociologiya. T. 16. 2017. № 5 (124). S. 6–15.
5. Gotovnost' Rossii k informacionnomu obshchestvu. Ocenka klyuchevykh napravlenij i faktorov elektronnogo razvitiya. M.: In-t razvitiya informacionnogo obshchestva, 2014.
6. Danilin A. Elektronnye gosudarstvennye uslugi i administrativnye reglamenty. M.: INFRA-M, 2014. 336 s.
7. Drozhzhinov V.I., Zinder E.Z. Elektronnoe pravitel'stvo: rekomendacii po vnedreniyu v Rossijskoj Federacii. M.: Ekotrendz, 2013. 275 s.
8. Zolochevskaya E.Yu., Krivosheeva T.D. Strategicheskoe upravlenie gosudarstvennymi innovacionnymi proektami // Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie // Uchenye zapiski. 2014. № 2.
9. Ivanov V.V., Malineckiĭ G.G. Cifrovaya ekonomika: mify, real'nost', perspektiva. M.: RAN, 2017.
10. Ignatova T.V., Ashirova M.N. Rynochnaya racionalizaciya predostavleniya gosudarstvennykh uslug // FES: finansy, ekonomika, strategiya. 2015. № 2.
11. Indeks gotovnosti regionov Rossii k informacionnomu obshchestvu. M.: In-t informacionnogo obshchestva, 2017. 244 s.
12. Informacionnye tekhnologii upravleniya. M.: YuNITI-DANA, 2014. 211 s.
13. Kogalovskij M.R. Perspektivnye tekhnologii informacionnykh sistem. M.: DMK Press : Kompaniya AjTi, 2013. 288 s.
14. Loktionova Yu.N. Finansovyj analiz investicionnykh proektov: osnovnye napravleniya i metody provedeniya // Social'naya politika i sociologiya. T. 16. 2017. № 2 (121). S. 47–55.
15. Petrov M., Burov V., Shklyaruk M., Sharov A. Gosudarstvo kak platforma. (Kiber) gosudarstvo dlya cifrovoiĭ ekonomiki / Doklad CSR. M., 2018. URL: www.csr.ru.
16. Rokotyan A.Yu. Neklassicheskaya koncepciya telekommunikacij // InformKur'erSvyaz'. 2016. № 4.

17. Smirnova G.N. Proektirovanie ekonomicheskikh informacionnykh sistem. M.: Finansy i statistika, 2012. 510 s.
18. Smorgunov L.V. Elektronnoe pravitel'stvo 2.0: ot portalov k platforme // Kaspijskij region: politika, ekonomika, kul'tura. 2017. № 2 (39). S. 66–74.
19. Strategiya modernizacii rossijskoj ekonomiki / otv. red. V.M. Polterovich. SPb.: Aletejya, 2014. 424 s.
20. Kuotsai T. E-Government Development and China's Administrative Reform // International Journal of Public Administration. 2007. Vol. 31. P. 76–95.
21. Mehdi Asgarkhani. The Effectiveness of e-Service in Local Government: A Case Study // Electronic Journal of e-Government. Vol. 3. 2005. Is. 4. P. 157–166.
22. UN e-Government Survey 2018. Gearing e-government to support transformation towards sustainable and resilient societies. N.Y.: UNPAN. Retrieved July 23, 2018.

Библиографическое описание статьи / Reference to article

Бадыков И.И. Внедрение инновационного государственного сервиса «Электронное правительство»: требования и сложности реализации // Социальная политика и социология. Т. 17. 2018. № 4 (129). С. 13–21. DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-4-13-21 (Библиографическое описание согласно российским стандартам).

Badykov I.I. Vnedrenie innovacionnogo gosudarstvennogo servisa «Elektronnoe pravitel'stvo»: trebovaniya i slozhnosti realizacii // Social'naya politika i sociologiya. T. 17. 2018. № 4 (129). S. 13–21. DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-4-13-21 (Reference in Roman script).

Badykov, I.I. (2018) Introduction of Innovative State Service «E-Government»: Requirements and Difficulties of Implementation, *Social Policy and Sociology.* Vol. 17. No. 4 (129). P. 13–21. DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-4-13-21 (International bibliographic description).

А.В. Кравцова,
аспирантка, Российский государственный социальный университет, Москва.
A.V. Kravtsova,
postgraduate student, Russian State Social University, Moscow.
E-mail: Alina.kotova.92@gmail.com

УДК 338.012
DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-4-22-30

Цифровая экономика и консалтинговый рынок услуг: проблемы взаимодействия

Digital Economy and Consulting Services Market: Problems of Interaction

Дата поступления	*Дата препринта*	*Дата публикации*
20.09.2018	20.11.2018	19.12.2018

Аннотация: *развитие мобильных технологий, высоких скоростей передачи информации, широкополосного доступа привели к увеличению требований потребителей и распространению цифровой экономики. Согласно рейтингу Digital Evolution Index, Россия является перспективной страной в сфере развития цифровых технологий с высокими темпами развития цифровых технологий, но с малым количеством уже готовых внедрений. Автором статьи проанализирована степень влияния консалтинговых компаний на темпы развития цифровой экономики в Российской Федерации, приведена расширенная характеристика субъектов рынка предоставления консалтинговых услуг, а также сформированы рекомендации по качественному использованию услуг консалтинговых компаний для целей увеличения темпов развития цифровой экономики в Российской Федерации.*

Annotation: *the development of mobile technology, high data exchanging rates, broadband access have led to an increase in consumer demand and the spread of the digital economy. According to the Digital Evolution Index rating, Russia is a promising country in the development of digital technologies, with high rates of digital technology development, but with a small number of active and finished implementations. The author of the research has analyzed the influence of consulting companies in the process of digital economy development in the Russian Federation, provides an extended description of the consulting services market entities and provides recommendations on the use of the consulting companies services to increase the rate of digital economy development in the Russian Federation.*

Ключевые слова: *консалтинг, консалтинговые компании, цифровая экономика, цифровизация.*
Key words: *consulting, consulting companies, digital economy, digitalization.*

Введение. Президент России В.В. Путин в Послании Федеральному Собранию 1 декабря 2016 года поручил развить программу «Цифровая экономика». Президент подчеркнул, что ***цифровая экономика*** – это не отдельная отрасль, а уклад жизни, новая парадигма для развития разных сфер экономики [21].

Цифровизация экономики – это средство для увеличения гибкости производства, приспособленности предприятия к новым потребностям клиентов, а также сохранения конкурентоспособности предприятия в нарождающемся «цифровом мире». Цифровая трансформация, таким образом – это процесс перехода предприятия в «гибкое» состояние из текущего.

Цифровизация экономики происходит во всех отраслях экономики и отражается на всех отраслях (промышленность, муниципальное хозяйство, транспорт, логистика, энергетика,

страхование и др.). Существуют категоризаторы основных идей цифровых приложений / программ, доступных для использования в конкретной отрасли экономики. Например, в сфере здравоохранения получила широкое распространение идея безбумажного обмена информацией о здоровье (электронная медицинская карта) и назначенных препаратах пациента между всеми операторами в сфере здравоохранения: кабинетом врача, результатами лабораторных анализов в сторонних организациях, фармацевтом. При этом если предыдущие ветви развития Интернета в основном концентрировались на смежных областях экономики, то настоящий этап цифровой экономики влияет на традиционно менее подверженные изменениям сферы экономики, такие как промышленность, здравоохранение и образование. Проекты в этих областях экономики приносят наиболее значительный вклад в понимание того, как будет выглядеть экономика в новом, цифровом обществе.

В отличие от стран-лидеров в сфере цифровой экономики, в России в настоящее время отсутствуют отработанные методики по внедрению цифровых технологий. В мировой практике расстояние между теоретическими инновационными ИТ-разработками и их практическим воплощением стремительно уменьшается, в связи с чем становится необходимо сокращать время, затрачиваемое на внедрение инновационных ИТ-технологий, искать новые методики внедрения, максимально полно отвечающие потребностям конкретного бизнеса в минимально краткие временные сроки. Количество инновационных технологий и разработок, предлагаемых предприятиям стремительно растет, усложняя тем самым выбор конкретной технологии. В этой связи предприятия всё чаще обращаются к услугам сторонних консультантов для целей поиска, анализа и дизайна цифрового продукта, таким образом, особенно важно оценить степень влияния консалтинговых компаний на внедрение цифровых технологий для компаний, осуществляющих свою деятельность в Российской Федерации.

Методика.

1. Оценка степени развития цифровой экономики в Российской Федерации. Сравнительный анализ темпов цифровизации экономики в Российской Федерации и в других странах, например в странах Европейского Союза (ЕС):

- анализ степени распространенности цифровых технологий в современной России, а также зарубежного опыта внедрения цифровых технологий;
- рассмотрение факторов, сдерживающих развитие цифровых технологий в экономике России, в том числе особенностей правового регулирования;
- анализ существующих подходов к внедрению инновационных технологий в рамках предприятия, в том числе опыта внедрения на российских предприятиях таких современных технологий, как: блокчейн, интернет вещей, роботизация, виртуальные агенты, микросервисы, облачные технологии.

2. Характеристика субъектов консалтингового рынка, оказывающих влияние на деятельность консалтинговых компаний.

Результаты. Анализ темпов развития цифровой экономики в Российской Федерации и в странах ЕС показал, что в развитых странах доля цифровой экономики в ВВП возросла (по данным Boston Consulting Group) с 2010 г. до 5,5%, в развивающихся странах – до 4,9% ВВП. У многих стран с передовой экономикой разработаны стратегии перехода к цифровой экономике, направленные на анализ больших данных, облачные вычисления, внедрение интернет-технологий в разных отраслях промышленности. Примерами подобных стратегий являются «Цифровая Европа 2020», запущенная в ЕС в 2010 г., «Индустрия 4.0», запущенная в Германии в 2011 г.

По данным специалистов The Boston Consulting Group (BCG), 85 стран, в которых проводилась оценка цифровизации экономик, можно разделить на четыре группы:

- лидеры: Южная Корея, Великобритания, Дания, Швеция, Норвегия;
- вторая группа: Германия, США, Япония, развитые экономики Евросоюза;

- третья группа: страны Азии с высоким ВВП, такие как ОАЭ и Саудовская Аравия;
- четвертая группа: страны, в которых уровень развития цифровой экономики опережает развитие самой экономики, например Китай.

Россия в данном рейтинге заняла 39 место. *Основными условиями дальнейшего развития цифровой экономики в России* являются:

– развитие интернет-услуг (социально значимых и государственных);

– внедрение цифровых технологий в государственном аппарате и в ведомствах;

– развитие IoT (Internet of things – интернета вещей) в частном секторе и в промышленности;

– замещение иностранного программного обеспечения и технологий за счет развития отечественных аналогов.

Согласно данным Global Digitalization Index [19], доля использования услуг консалтинговых компаний в проектах внедрения цифровых технологий составляет 65,3%. Для оценки влияния консалтинговых компаний и распространенности привлечения консалтинговых компаний для целей внедрения инновационных программных продуктов необходимо сначала выделить субъекты непосредственного влияния на рынок предоставления консалтинговых услуг, к которым можно отнести всех внешних и внутренних консультантов, и субъекты опосредованного влияния, формирующие информационное пространство управленческого консультирования и способствующие формированию новых управленческих идей для разработки консалтинговых продуктов, стимулирующих спрос и улучшающих качество конкурентной среды консалтинга (табл. 1).

Таблица 1

Характеристика субъектов рынка управленческого консультирования*

Субъект	Назначение	Механизм воздействия на предложение	Механизм воздействия на спрос
Опосредованный характер влияния:			
Исследовательские центры консалтинговых компаний	Обобщение практики внедрения консалтинговых продуктов в целях разработки новых инструментов развития компаний, развития методик консультирования	Расширение портфеля консалтинговых продуктов, качества консультирования	Повышение уровня информированности клиентов об эффективности инновационных консалтинговых продуктов
Профессиональные объединения консультантов	Разработка профессиональных стандартов, сертификация консультантов, создание информационного пространства для обмена опытом и знаниями	Введение определенных профессиональных стандартов консультирования; должно повышать качество консалтинговых продуктов и услуг, ограничивать доступ на рынок некачественных консультантов	Информирование потенциальных клиентов о содержании консалтинговых продуктов, повышение качества консультирования, распространение знаний о консалтинговом взаимодействии и эффективном сотрудничестве с консультантами
Тренинговые компании	Распространение знаний, популяризация новейших управленческих идей, концепций и методов, сфокусированных на качественных улучшениях определенного направления деятельности предприятий	Поиск и привлечение потенциальных клиентов консалтингового сотрудничества через маркетинговые коммуникации, косвенную рекламу консалтинговых продуктов, повышающих качество управления предприятием	Активизация процесса управления знаниями в компании, повышение осведомленности управленческого персонала компаний о современных инструментах, создание импульсов для поиска направлений и методов повышения эффективности функционирования и развития предприятий

Окончание таблицы 1

Субъект	Назначение	Механизм воздействия на предложение	Механизм воздействия на спрос
Профессиональные, научные, научно-популярные издания	Создание и поддержка информационной среды, обнародование гипотез, новых идей по развитию компаний, распространение опыта использования технологий, публикация экспертных оценок действенности инструментов и технологий развития компаний	Активное информирование научного, профессионального сообщества по инновационным инструментам, проверка гипотез, особенностей использования управленческих технологий в практике отечественных предприятий для информационного обеспечения бенчмаркетинга консалтингового сотрудничества	Получение независимых экспертных оценок, профессиональных аналитических отчетов о возможностях, предпосылках и выгодах привлечения консультантов для дальнейшего развития предприятий. Источник информационной поддержки процесса управления развитием и оценки готовности и необходимости сотрудничества с консультантами
Учебные заведения бизнес-образования	Подготовка и переподготовка специалистов по экономике и управлению в соответствии с современными требованиями бизнеса	Подготовка квалифицированного персонала для работы в консалтинговой сфере	Обеспечение квалифицированными кадрами предприятий, открытых к инновациям, способных управлять внедрением изменений на предприятии
Научные институты, лаборатории	Выполнение фундаментальных и прикладных исследований, разработка научных гипотез относительно источников и направлений качественных улучшений управления предприятиями, адаптация международного опыта в экономику РФ	Разработка новых управленческих идей, которые должны стать источниками развития консалтинговых продуктов, их дифференциации и совершенствования методики их применения в клиентских организациях	Наличие экспертных оценок, получение знаний о перспективах развития экономической и управленческой методик позволяет повысить уровень подготовленности руководства и менеджеров к будущему сотрудничеству с консультантами
Непосредственный характер влияния:			
Аналитические департаменты компаний, отделы развития, аудита (внутренние консультанты)	Диагностирование и выявление противоречий, проблем развития предприятия, своевременное информирование руководства по направлениям повышения результативной работы, выявление потенциала развития, возможностей и целесообразности привлечения внешних консультантов	Информирование руководства о потенциале развития и получения выгод сотрудничества с консалтинговыми компаниями. Активизация сотрудничества работы с внутренними консультантами повышает качество и результативность консалтинговых проектов	Могут сдерживать спрос на консалтинговые услуги извне в результате самостоятельного решения проблем развития или стимулировать спрос на привлечение внешней консалтинговой помощи вследствие ограниченности собственных ресурсов и специфических знаний, которые необходимы для повышения эффективности и результативности деятельности
Консалтинговые компании	Независимая объективная экспертная помощь в диагностике проблемных зон функционирования, направлений качественных улучшений в компании, содействие разработке и реализации результативных изменений в системе управления компании	Постоянный поиск новых управленческих идей, совершенствование методик применяемых в практике проектов консалтинговых компаний и консалтингового процесса для усиления стратегических компетенций на консалтинговом рынке, повышение степени дифференцированности для обеспечения конкурентных преимуществ	Активная маркетинговая работа по информированию потенциальных клиентов о содержании, принципах альтернативы консалтингового сотрудничества в целях получения клиентской компанией конкурентных преимуществ и усиления рыночных позиций
Клиентские организации	Формируют спрос на консалтинговые услуги	Определяют функциональную и отраслевую сегментацию рынка консалтинговых услуг	Формируют запрос на формы и методы консалтингового сотрудничества, типы консалтинговых продуктов

*Составлено автором.

По мнению автора, методика внедрения инноваций с использованием услуг консалтинговых компаний должна состоять из следующих ключевых элементов (табл. 2).

Таблица 2

Основные стадии методики внедрения инновационных технологий с использованием услуг консалтинговых компаний

Наименование стадии	Продолжительность	Описание стадии
Открытие	2–4 часа	Исследование подходящих цифровых технологий; описание задач, целей и контекста для внедрения новых технологий
Описание	1–3 дня	Создание дорожных карт, проектных чертежей
Идеи и прототипы	1–3 дня	Использование иллюстрационных карт; создание эскизов программного продукта; создание прототипов будущего программного продукта, визуальных эскизов; использование интерактивного моделирования и создание рабочего кода
Тестирование	2–4 недели	A/B-тестирование; мультивариантное тестирование и другие виды тестирования, используемые в зависимости от типа внедряемого приложения
Внедрение	1–2 месяца	Непрерывное внедрение; постоянное совершенствование продукта; выпуск новых итераций; развертывание решения

Стадия «Открытие» заключается в исследовании всех возможностей, предоставляемых новыми цифровыми технологиями. Так как почти каждый программный продукт цифровой экономики является уникальным, особенно важным этапом является анализ всех известных внедрений, идей, возможностей.

Стадия «Описание» заключается в глубоком анализе деятельности компании, выявлении узких мест и выборе возможностей для улучшения. Эта стадия особенно важна для понимания всей операционной структуры компании. На данной стадии могут проводиться интервью с руководителями компании, создаваться опросники, проводиться демонстрации операционных процессов в компании. В рамках стадий «Открытие» и «Описание» может быть также сделан выбор в пользу использования дополнительных методик внедрения цифровых технологий, таких как DevOps, Agile, Lightweight Architecture, Application Modernization. Таким образом, разработанная методика позволяет использовать любые известные принципы внедрения инновационных продуктов и не противоречит их содержанию.

Стадия «Идеи и прототипы» позволяет в максимально творческой и открытой атмосфере предлагать идеи для решения тех проблем, которые стоят внутри компании. Данная стадия нацелена на соединение технических, отраслевых знаний сотрудников консалтинговых компаний и предметных, процессных знаний компаний-клиентов. Создание прототипа цифрового продукта является обязательным, так как позволяет максимально полно рассмотреть только что созданную идею, возможно, оценить ее возможности и недостатки и, самое главное, впервые увидеть возможную реализацию созданной идеи.

Стадия «Тестирование» заключается в программной реализации идеи и прототипа, созданного на этапе «Идеи и прототипы». Современные инновационные цифровые технологии имеют быстрый срок реализации и при условии использования квалифицированных специалистов в выбранной области (в рамках фазы «Идеи и прототипы») создание первой версии нового цифрового решения может, действительно, произойти за 2–4 недели. В рамках данной фазы технические специалисты не только работают над решением, но и постоянно получают обратную связь от клиента, который тестирует новое решение на каждом этапе его создания.

Стадия «Внедрение» подразумевает пилотное (или полноценное) внедрение полученного на стадии «Тестирование» цифрового решения. В рамках этой стадии также происходит

постоянное тестирование и совершенствование цифрового решения, однако тестирование и изменения происходят уже в продуктивной среде.

Обсуждение. Ускоряющиеся темпы роста ожиданий клиентов оказывают давление на каждую компанию и вызывают необходимость использования возможностей цифровой экономики: создание оригинальных веб-сайтов, мобильных и диалоговых интерфейсов, уникального цифрового клиентского опыта. Использование цифровых технологий выходит за рамки только самих внедрений – чтобы быть гибкими и удовлетворяющими потребности бизнеса, изменения должны поддерживаться цифровой операционной моделью компании.

Таким образом, внедрение новых цифровых технологий невозможно без наличия обширной экспертизы в данной области, которая не всегда доступна в рамках самой компании. К *факторам, стимулирующим использование консалтинговых услуг*, можно отнести следующие:

- консалтинговые компании сочетают в себе как экспертизу в необходимой отрасли экономики, так и технологические навыки, необходимые для реализации различных новых технологий;
- консалтинговые компании могут предоставить обширный анализ деятельности компаний-клиентов, так как инновационные цифровые решения исходят из более глубокого понимания потребностей клиентов, создания новой операционной системы для перевода клиентов на онлайн-каналы или оптовой трансформации их бизнес-модели, то есть цифровые изменения могут повлечь за собой глобальные изменения в операционной деятельности компаний;
- консалтинговые компании обладают обширной экспертизой в новых инновационных решениях, часто владеют компаниями-стартапами в области цифровой экономики и могут предлагать компаниям решения, недоступные без использования услуг консалтинговых компаний.

На основе доступных источников [7; 10] о количестве проектов в сфере цифровой экономики можно сделать вывод о том, что в российском консалтинге наиболее широко представлены в сфере внедрения цифровых технологий следующие консалтинговые компании: Accenture, Deloitte, PwC, Крок, IBS, Ланит, AT Consulting, Техносерв.

Заключение. Цифровая экономика – это масштабно структурированный мир людей, бизнеса и вещей, ориентированных на устойчивое развитие на глобальном, макро-, мезо- и микроуровнях с ориентацией на использование интеллектуального капитала в условиях широкого применения цифровых платформ, алгоритмов, облачной инфраструктуры и изменения социально-этических аспектов общества.

Результаты проведенного исследования подтвердили уникальные возможности консалтинговых компаний в части услуг по внедрению цифровых технологий, наличие экспертизы во многих видах современных технологий. Расширенная характеристика субъектов рынка предоставления консалтинговых услуг позволяет оценить влияние различных структур как непосредственно, так и опосредованно на деятельность консалтинговых компаний. Разработанная авторская методика внедрения инновационных технологий с использованием услуг консалтинговых компаний позволяет осуществлять внедрения в кратчайшие сроки, что является особенно важным показателем в связи с увеличивающимися темпами экономического развития.

Проведенное исследование показало, что услуги консалтинговых компаний для целей внедрения инноваций и цифровизации экономики обладают уникальными факторами, недоступными в случае использования только внутренних ресурсов компаний-клиентов:

- возможность использования / покупки передовых стартапов и использования их интеллектуальной собственности / технологий при внедрениях различных инновационных технологий;
- возможность постоянного обучения и развития сотрудников, работающих с новыми технологиями;

• накопленный опыт консалтинговых компаний по созданию прототипов приложений / технологий, а также расширенная экспертиза по различным видам новых технологий.

Таким образом, использование услуг консалтинговых компаний позволяет ускорить вывод на рынок инновационных цифровых продуктов и улучшить их качество с помощью нейтрализации основных факторов, мешающих развитию цифровых технологий в Российской Федерации.

Список литературы

1. Авдеенко Т.В., Алетдинова А.А. Цифровизация экономики на основе совершенствования экспертных систем управления знаниями // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Серия: Экономические науки. 2017. № 1. С. 7–11.
2. Анализ рынка консалтинговых услуг в России. URL: http://drgroup.ru/98-issledovanie-rinka-konsaltingovix-uslug-v-rossii.html.
3. Андриянова М.В. Функции менеджмент-консалтинга в инфраструктурном комплексе национальной экономики в переходный период // Современное научное знание: теория, методология, практика: матер. Междун. науч.-практ. конф.: сб. науч. тр. Смоленск, 2017. С. 204–206.
4. Андрющенко Г.И., Котова А.В. Конкурентная среда рынка консалтинговых услуг в России // Проблемы теории и практики управления. 2018. № 7. С. 53–56.
5. Андрющенко Г.И., Котова А.В. Теоретический анализ конкурентной среды рынка консалтинговых услуг в Российской Федерации // Проблемы современной экономики. 2017. № 2 (62). С. 186–190.
6. Берберов А.Б. На пути к цифровизации российской экономики: проблемы и перспективы // УЭкС. 2017. № 7 (101). С. 30–32.
7. Васильев Р.Б., Левочкина Г.А. Критические факторы успеха в ИТ-консалтинге // М.: ИНТУИТ, 2014.
8. Иванова О.А. Рынок консалтинговых услуг: основные подходы к классификации // Социальная политика и социология. Т. 16. 2017. № 4 (123). С. 25–32.
9. Иванова О.А., Леонова В.П. Механизм оказания консалтинговых услуг предприятиям розничной торговли // Социальная политика и социология. Т. 16. 2017. № 6 (125). С. 14–24.
10. Калянов Г.Н. Подготовка ИТ-консультантов в разрезе проблематики отечественного консалтинга // Открытое образование. 2017. № 2. С. 40–46.
11. Калянов Г.Н. Проблемы отечественного ИТ-консалтинга и подготовка ИТ-консультантов в вузах // Современные информационные технологии и ИТ-образование: труды 3 Междунар. науч.-практ. конф. М., 2008. С. 106–110.
12. Кантор В.Е., Степанов Д.А. К вопросу организации консалтинговой деятельности в условиях информационной экономики // Экономика нового мира. 2016. № 1-2 (вып. 1-2). С. 96–106.
13. Пельменев В.К., Лукашеня З.В. Методика определения успешности реализации консалтинговых процедур // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2014. № 11. С. 39–48.
14. Поплавская В.А., Горшкова Л.А. Обеспечение конкурентоустойчивости организации на разных стадиях ее жизненного цикла // Экономика и социум. 2017. № 1-2 (32). С. 1759–1763.
15. Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации на долгосрочный период. URL: https://sntr-rf.ru/.
16. Черновалов А.В., Солодуха П.В. Институциональное измерение цифровой экономики // Социальная политика и социология. Т. 16. 2017. № 2 (121). С. 104–112.
17. Юдина Т.Н. Цифровизация как тенденция современного развития экономики Российской Федерации: Pro y contra // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2017. № 3. С. 139–143.
18. Chaplyuk V.Z. Problems of the Russian economy / Andryushchenko G.I., Sorokina L.N., Kukharenko O.G., Petrovskaya M.V. // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2016. No. 3 (7). P. 206–211.
19. Digital Evolution Index. URL: https://newsroom.mastercard.com/press-releases/singapore-uk-new-zealand-and-uae-among-worlds-stand-out-digital-economies/.

20. European Consulting Industry 2017–2021. URL: https://www.reportlinker.com/report-summary/Consulting/11443/European-Consulting-Industry.html.
21. Forrester. URL: https://www.forrester.com/search?N=10001&range=504005&sort=3&searchRefinement=report.
22. Microsoft Dynamics. URL: http://www.microsoft.com/Rus/dynamics/about/overview.mspx.
23. SAP: delivering it-powered business innovation. URL: http://www.sap.com/about/index.epx.

References

1. Avdeenko T.V., Aletdinova A.A. Cifrovizaciya ekonomiki na osnove sovershenstvovaniya ekspertnykh sistem upravleniya znaniyami // Nauchno-tekhnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Seria: Ekonomicheskie nauki. 2017. № 1. S. 7–11.
2. Analiz rynka konsaltingovykh uslug v Rossii. URL: http://drgroup.ru/98-issledovanie-rinka-konsaltingovix-uslug-v-rossii.html.
3. Andriyanova M.V. Funkcii menedzhment-konsaltinga v infrastrukturnom komplekse nacional'noj ekonomiki v perekhodnyj period // Sovremennoe nauchnoe znanie: teoriya, metodologiya, praktika: mater. Mezhdun. nauch.-prakt. konf.: sb. nauch. tr. Smolensk, 2017. S. 204–206.
4. Andryushchenko G.I., Kotova A.V. Konkurentnaya sreda rynka konsaltingovykh uslug v Rossii // Problemy teorii i praktiki upravleniya. 2018. № 7. S. 53–56.
5. Andryushchenko G.I., Kotova A.V. Teoreticheskij analiz konkurentnoj sredy rynka konsaltingovykh uslug v Rossijskoj Federacii // Problemy sovremennoj ekonomiki. 2017. № 2 (62). S. 186–190.
6. Berberov A.B. Na puti k cifrovizacii rossijskoj ekonomiki: problemy i perspektivy // UEkS. 2017. № 7 (101). S. 30–32.
7. Vasil'ev R.B., Levochkina G.A. Kriticheskie faktory uspekha v IT-konsaltinge // M.: INTUIT, 2014.
8. Ivanova O.A. Rynok konsaltingovykh uslug: osnovnye podkhody k klassifikacii // Social'naya politika i sociologiya. T. 16. 2017. № 4 (123). S. 25–32.
9. Ivanova O.A., Leonova V.P. Mekhanizm okazaniya konsaltingovykh uslug predpriyatiyam roznichnoj torgovli // Social'naya politika i sociologiya. T. 16. 2017. № 6 (125). S. 14–24.
10. Kalyanov G.N. Podgotovka IT-konsul'tantov v razreze problematiki otechestvennogo konsaltinga // Otkrytoe obrazovanie. 2017. № 2. S. 40–46.
11. Kalyanov G.N. Problemy otechestvennogo IT-konsaltinga i podgotovka IT-konsul'tantov v vuzakh // Sovremennye informacionnye tekhnologii i IT-obrazovanie: trudy 3 Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. M., 2008. S. 106–110.
12. Kantor V.E., Stepanov D.A. K voprosu organizacii konsaltingovoj deyatel'nosti v usloviyakh informacionnoj ekonomiki // Ekonomika novogo mira. 2016. № 1-2 (vyp. 1-2). S. 96–106.
13. Pel'menev V.K., Lukashenya Z.V. Metodika opredeleniya uspeshnosti realizacii konsaltingovykh procedur // Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Filologiya, pedagogika, psikhologiya. 2014. № 11. S. 39–48.
14. Poplavskaya V.A., Gorshkova L.A. Obespechenie konkurentoustojchivosti organizacii na raznykh stadiyakh ee zhiznennogo cikla // Ekonomika i socium. 2017. № 1-2 (32). S. 1759–1763.
15. Strategiya nauchno-tekhnologicheskogo razvitiya Rossijskoj Federacii na dolgosrochnyj period. URL: https://sntr-rf.ru/.
16. Chernovalov A.V., Solodukha P.V. Institucional'noe izmerenie cifrovoj ekonomiki // Social'naya politika i sociologiya. T. 16. 2017. № 2 (121). S. 104–112.
17. Yudina T.N. Cifrovizaciya kak tendenciya sovremennogo razvitiya ekonomiki Rossijskoj Federacii: Pro y contra // Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski SKAGS. 2017. № 3. S. 139–143.
18. Chaplyuk V.Z. Problems of the Russian economy / Andryushchenko G.I., Sorokina L.N., Kukharenko O.G., Petrovskaya M.V. // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2016. No. 3 (7). P. 206–211.
19. Digital Evolution Index. URL: https://newsroom.mastercard.com/press-releases/singapore-uk-new-zealand-and-uae-among-worlds-stand-out-digital-economies/.
20. European Consulting Industry 2017–2021. URL: https://www.reportlinker.com/report-summary/Consulting/11443/European-Consulting-Industry.html.

21. Forrester. URL: https://www.forrester.com/search?N=10001&range=504005&sort=3&searchRefinement=report.
22. Microsoft Dynamics. URL: http://www.microsoft.com/Rus/dynamics/about/overview.mspx.
23. SAP: delivering it-powered business innovation. URL: http://www.sap.com/about/index.epx.

Библиографическое описание статьи / Reference to article

Кравцова А.В. Цифровая экономика и консалтинговый рынок услуг: проблемы взаимодействия // Социальная политика и социология. Т. 17. 2018. № 4 (129). С. 22–30. DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-4-22-30 (Библиографическое описание согласно российским стандартам).

Kravcova A.V. Cifrovaya ekonomika i konsaltingovyj rynok uslug: problemy vzaimodejstviya // Social'naya politika i sociologiya. T. 17. 2018. № 4 (129). S. 22–30. DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-4-22-30 (Reference in Roman script).

Kravtsova, A.V. (2018) Digital Economy and Consulting Services Market: Problems of Interaction, *Social Policy and Sociology*. Vol. 17. No. 4 (129). P. 22–30. DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-4-22-30 (International bibliographic description).

А.Ч. Кылгыдай,
научный сотрудник, Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов Сибирского отделения Российской академии наук, Кызыл.
A.Ch. Kylgyday,
research scientist, Tuvinian Institute for Exploration of Natural Resources Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Kyzyl.
E-mail: aikys_k@mail.ru

УДК 331.5
DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-4-31-40

Методика к исследованию рынка труда региона: новые подходы[1]

Methodology for the Study of the Labor Market in the Region: New Approaches

Дата поступления	*Дата препринта*	*Дата публикации*
05.09.2018	20.11.2018	19.12.2018

Аннотация: *современное состояние экономики России характеризуется формированием институциональных основ рыночной экономики, включая рынок труда. С одной стороны, рынок расширил многообразие форм занятости и мест приложения труда, увеличив, таким образом, возможность самореализации населения в сфере экономики, с другой – преобразования и кризисные явления в российском обществе привели к значительному росту уровня безработицы. Необходимыми являются научно обоснованный поиск выхода из современной сложной ситуации на рынке труда регионов, выявление резервов развития, формирование новых стратегических подходов, регулирующих мер, адекватных современным социально-экономическим трансформациям. В статье рассматривается методический подход к исследованию рынка труда. Представлена авторская методика, позволяющая сформировать информационную базу для комплексного анализа рынка труда региона, выявления особенностей функционирования, основных проблем и эффективных путей их разрешения.*

Annotation: *the current state of the Russian economy is characterized by the formation of the institutional foundations of the market economy, including the labor market. On the one hand, the market has broadened the diversity of forms of employment and places of employment, increasing, thus, the possibility of self-realization of the population in the economic sphere, with another transformation and crisis phenomena in the Russian society has led to a significant increase in the unemployment rate. Need a scientifically based search out of today's difficult situation in the labor market regions, identification of reserves for development, the formation of new strategic approaches, regulatory measures, adequate to modern socio-economic transformation. The paper considers a methodological approach to the study of the labor market. The author presents a methodology allowing to form an informational base for a complex analysis of the region's labor market, identifying features of its functioning, main problems and effective ways to solve them.*

Ключевые слова: *методика, методы, рынок труда региона.*
Key words: *methodology, methods, regional labor market.*

Введение. Для России, располагающей обширной территорией и разнообразием внутрихозяйственных связей, характерны региональные различия в протекании социально-экономических процессов [20, с. 227], создающие объективные предпосылки для более комплексного изучения специфики рынков труда регионов, которые основываются на различиях параметров социально-экономического развития, обусловленных ходом становле-

[1] Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ №18-410-170001 р_а.

ния рыночных отношений и многими другими обстоятельствами [1, с. 22–23]. В отношении занятости и безработицы, как и применительно почти к любым социальным проблемам, для России характерна исключительно высокая региональная дифференциация [14, с. 1006], поэтому возникает необходимость изучения подходов к регулированию рынков труда регионов в зависимости от особенностей их социально-экономического потенциала, географо-демографической и природно-ресурсной базы, территориально-расселенческих факторов, сложившихся социальных, культурных, трудовых традиций населения и других факторов, которые определяют региональную специфику рынка труда.

Недостаточность исследований региональных рынков труда с учетом местных особенностей, специфических проблем и возможностей их решения [4; 9; 11; 18–20], при этом остающиеся вне поля зрения сфера общественного сознания, трудовая мотивация, социальные и профессиональные ориентации личности, ее психологическая адаптация к современным рыночным условиям детерминируют необходимость совершенствования методических подходов к их исследованию и регулированию. Изучение указанного круга вопросов требует изучения специфики функционирования рынка труда конкретного региона, различий в социально-экономических позициях, в том числе в уровне урбанизации, воспроизводства трудовых ресурсов, особенностях адаптационного поведения населения в период социально-экономических трансформаций и стремительных современных урбанизационных процессов.

Урбанизированность (урбанизация) – общемировой, сложный и многоплановый процесс, которому сложно дать краткое определение, характеризующее все главные стороны процесса [17]. Для его оценки предлагались комплексные показатели, учитывающие такие параметры, как доля горожан, доля крупных городов в структуре поселений, людность этих центров, площадь региона и т.д. Их набор и сочетание зависят от расчетных методик, используемых при изучении урбанизации. Желательно использовать сочетание признаков, однако состояние статистики не всегда позволяет это сделать.

В силу многогранности урбанизационного влияния универсальные критерии оценки уровня урбанизации еще не придуманы. Наиболее распространенным элементарным показателем, который позволяет судить о достигнутом уровне урбанизации, служит доля городского населения в общей численности страны или региона, позволяющая оперировать только двумя составляющими – пространством и населением: здесь имеется в виду концентрация населения в определенных территориях (городах, поселках городского типа). Далее под урбанизацией мы будем понимать именно эту сторону процесса, т.е. долю городского населения, которая используется и в официальной статистике.

На основе имеющихся статистических материалов по уровню урбанизации мы сгруппировали регионы Российской Федерации в следующие условные группы (табл. 1): высокоурбанизированные, среднеурбанизированные и слабоурбанизированные. Границы групп регионов определены на основе работ отечественных ученых-урбанистов [13, с. 192–199; 16, с. 10–27;] и официальной статистики.

Региональные различия в уровне урбанизации связаны с характером освоения территории и разным временем начала урбанизационных процессов. Как и положено, самым высоким уровнем урбанизации (свыше 80%) отличаются регионы с экстремальными природно-климатическими условиями, непригодными для проживания в сельской местности и ведения сельского хозяйства. К ним относятся регионы Дальнего Востока и Европейского Севера, старопромышленные регионы с густой городской сетью вокруг г. Санкт-Петербурга, г. Москвы и соседних областей. Третий мощный очаг урбанизации сложился из индустриальных регионов Урало-Поволжья и Западной Сибири (Самарская, Свердловская, Челябинская, Кемеровская области) [14]. На аграрном юге страны и в наименее развитых республиках юга Сибири и Кавказа доля городского населения не превышает 40–60%.

Принадлежность к разным по уровню урбанизации территориям накладывает существенный отпечаток на функционирование региональных рынков труда, формирует их особенности

(табл. 2), что детерминируется территориальной дифференциацией важнейших составляющих рынков труда, наличием специфических условий и разных возможностей решения проблем.

Таблица 1

Регионы РФ по уровню урбанизации, по данным 2017 г.

Высокоурбанизированные регионы (доля городского населения выше 80%)	**Среднеурбанизированные регионы** (доля городского населения от 60 до 79%)	**Слабоурбанизированные регионы** (доля городского населения до 59%)
г. Санкт-Петербург, г. Москва, Магаданская обл., г. Севастополь, Хабаровский край, Сахалинская обл., Московская обл., Тюменская обл., Самарская обл., Мурманская обл., Кемеровская обл., Свердловская обл., Челябинская обл., Ярославская обл., Ивановская обл., Республика Карелия	Нижегородская обл., Камчатский край, Калининградская обл., Красноярский край, Приморский край, Волгоградская обл., Республика Татарстан, Калужская обл., Саратовская обл., Тульская обл., Омская обл., Костромская обл., Чукотский авт. окр., Пензенская обл., Ростовская обл., Воронежская обл., Белгородская обл., Липецкая обл., Ленинградская обл., Чувашская Республика, Республика Башкортостан, Тамбовская обл., Новосибирская обл., Иркутская обл., Владимирская обл., Республика Коми, Архангельская обл., Кировская обл., Тверская обл., Пермский край, Ульяновская обл., Ненецкий авт. окр., Вологодская обл., Томская обл., Рязанская обл., Смоленская обл., Новгородская обл., Псковская обл., Брянская обл., Республика Хакасия, Еврейская авт. обл., Курская обл., Амурская обл., Орловская обл., Астраханская обл., Республика Марий Эл, Удмуртская Республика, Республика Саха (Якутия), Республика Мордовия, Курганская обл., Оренбургская обл.	Ставропольский край, Краснодарский край, Республика Крым, Республика Бурятия, Алтайский край, Республика Адыгея, Республика Дагестан, Чеченская Республика, Республика Ингушетия, Республика Тыва, Кабардино-Балкарская Республика, Республика Калмыкия, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Алтай

Примечание. Группировка регионов проведена по данным: Регионы России. Социально-экономические показатели: стат. сб. М.: Росстат, 2018. С. 212–213.

Таблица 2

Особенности функционирования рынка труда в регионах с разным уровнем урбанизации

Регионы	**Рынок труда**
Высоко-урбанизированные	Характеризуется высокой степенью саморегуляции, обусловленной плотной сетью городов с развитой инфраструктурой, создающих условия высокой территориальной мобильности рабочей силы, привлекательностью для трудовых мигрантов, возможностями более быстрого трудоустройства вследствие своей емкости и разнообразия трудовых занятий, высокой скоростью создания новых рабочих мест в результате активного развития новых отраслей экономики, высоким уровнем заработной платы. Отмечается очень низкий уровень безработицы
Средне-урбанизированные	Наблюдается высокая мобильность работников, поддерживаемая развитой сетью городов и городских поселений, диверсифицированной отраслевой структурой, эффективно формируемой системой социальных лифтов. Динамичное расширение рыночного сектора экономики и развитие предпринимательства, самозанятости населения приводит к диверсификации сфер занятости и, следовательно, к относительно низкому уровню безработицы
Слабо-урбанизированные	Структуры рынка труда слаборазвиты, представлены значительно меньшим количеством отраслей вследствие недиверсифицированности экономики, наблюдаются низкая территориальная мобильность, непропорциональность изменений в структуре спроса и предложения труда, высокий уровень безработицы, застойный характер безработицы, особенно сельской

Примечание. Составлено по материалам [2; 3; 8; 13].

Уровень урбанизации регионов оказывает двоякое влияние на функционирование рынков труда регионов. Тем не менее здесь мы согласны с Е.А. Коломак в том, что «эффекты от урбанизации для экономического развития неоднозначны, но в России в данное время положительные эффекты доминируют над отрицательными» [10, с. 59].

Положительная сторона процесса урбанизации заключается в предпосылках успешного разрешения проблем на рынке труда региона в связи с социально-экономической, инфраструктурной развитостью, многообразием отраслей, сфер услуг по мере урбанизированности территории, что предполагает многообразие сфер занятости. Отрицательная сторона данного процесса, препятствующая развитию рынка труда в менее урбанизированных регионах, заключается в недиверсифицированности экономики, слабом развитии социальной и производственной инфраструктур, узости сфер приложения труда, низкой территориальной мобильности населения в силу его бедности и замкнутости территорий, обусловленной низким развитием транспортной инфраструктуры.

Сложная ситуация, сохраняющаяся долгое время на российском рынке труда [5; 7], в частности на рынке труда ряда слабоурбанизированных регионов (Чеченская Республика, Дагестан, Ингушетия, Тыва), несмотря на разрабатываемые и реализуемые целевые программы по снижению напряженности на рынке труда, требует новых подходов, регулирующих мер, обеспечивающих развитие рынка труда как механизма позитивных социально-экономических трансформаций [12] с учетом специфических условий их функционирования.

Методика. В настоящей работе нами предлагается методический подход к исследованию рынка труда региона, целью которого является разработка основ методики для комплексного анализа рынка труда региона и определения эффективных направлений регулирования рынка труда с учетом особенностей функционирования и возможностей его развития в регионах с разным уровнем урбанизации.

Для реализации поставленной цели необходимо получение наиболее полной информации о состоянии и динамике процессов, происходящих на рынке труда региона, в связи с чем требуется применение разных методов исследования рынка труда, способствующих формированию научной основы для комплексного анализа рынка труда, для чего наряду с общенаучными методами анализа и синтеза, научных абстракций, системного подхода, сравнения и обобщения используются методы построения интегрального показателя напряженности, корреляционно-регрессионного анализа, социологических исследований, прогнозных расчетов.

Исследование мы предлагаем осуществить по схеме, включающей в себя четыре этапа (рис. 1), причем каждый последующий этап должен базироваться на результатах предшествующего. Соответственно, будет усложняться и объект анализа: от отдельных структурных составляющих рынка труда – к его целостному представлению, от него – к изучению основных факторов и условий функционирования, определения возможностей развития.

I этап. Аналитическая часть. Начальным этапом исследования рынка труда региона является проведение терминологических соглашений, определение основных понятий и базовых принципов. Определяется тип исследуемого региона по уровню урбанизации. Далее проводится исследование рынка труда региона с применением базовых принципов (объективности, развития, репрезентативности, вариантности) для решения исследовательских задач.

II этап. Основные характеристики функционирования рынка труда. На этом этапе осуществляется анализ динамики показателей рынка труда, отражающих количественные характеристики его составляющих: проводятся сбор, группировка и анализ статистической информации, на основе которых определяется ситуация на рынке труда региона. Изучаются основные факторы и условия, влияющие на функционирование рынка труда.

III этап. Применение комплекса методов для анализа рынка труда. На данном этапе с использованием метода построения интегрального показателя на основе анализа основ-

Рис. 1. **Блок-схема исследования рынка труда региона**

ных показателей рынка труда регионов рассчитывается степень напряженности на рынке труда в регионах с разной степенью урбанизации. Использование данного метода объясняется тем, что он наиболее прост в применении, не требует подготовки специальной информации, проводится с использованием данных официальной статистики, результаты расчетов легко интерпретируются.

С использованием корреляционно-регрессионого анализа изучается взаимосвязь уровня безработицы и социально-экономических показателей региона.

Далее проводятся эмпирические исследования, включающие в себя социологические опросы (анкетный опрос населения региона и экспертная оценка), которые имеют аналитический и компаративистский характер. Анкетирование является наиболее подходящим приемом для выявления мнения населения, так как позволяет обследовать значительное число респондентов [22]. Техника анкетного опроса позволяет также получить данные, которые в дальнейшем легко поддаются математико-статистической обработке.

В целях более объективного суждения об исследуемых проблемах целесообразно проведение опроса экспертов (не менее 25 человек), в качестве которых могут быть привлечены работники государственных органов управления, политики, ученые, журналисты, представители бизнеса, т.е. люди, имеющие сложившееся мнение о проблемах развития региона, рынка труда.

IV этап. Пути совершенствования развития рынка труда. Результаты исследования, полученные на I, II и III этапах, дают возможность получить более разносторонние данные по изучаемой проблеме, создают научные основы для анализа рынка труда региона,

формирования информационной базы для выявления особенностей, проблем в его функционировании, определения приоритетных направлений по развитию рынка труда регионов в условиях разного уровня урбанизации территорий (IV этап).

В соответствии со сложившейся ситуацией на рынках труда регионов различаются подходы и направления регулирования, как и методы государственной поддержки их развития. В разных регионах исходные методы решения проблем на рынке труда являются общими как для отдельных регионов, так и для страны в целом, но при этом должны быть определены свои приоритетные направления и пути их реализации.

Результаты. Понятно, что восприимчивость к регулирующим мерам и воздействиям на рынок труда в разных по уровню урбанизации регионах неодинаковая, что требует анализа ситуации в них, выявления наиболее острых проблем и возможностей их решения.

Нами проведена оценка регионов РФ по степени напряженности на рынке труда, по данным ряда лет (2005, 2010, 2015, 2017 гг.), с использованием метода построения интегрального показателя (табл. 3) с учетом региональной дифференциации по уровню урбанизации.

Таблица 3

Интегральные показатели напряженности на рынках труда регионов РФ, по данным 2005, 2010, 2015, 2017 гг.

Регион	2005	2010	2015	2017	Регион	2005	2010	2015	2017
г. Санкт-Петербург	0,292	0,25	0,25	0,333	Новгородская обл.	0,458	0,667	0,667	0,708
г. Москва	0,25	0,208	0,208	0,292	Псковская обл.	0,583	0,625	0,625	0,708
Магаданская обл.	0,458	0,375	0,375	0,417	Чукотский автономный округ	0,417	0,458	0,458	0,417
г. Севастополь	///	///	///	0,333	Брянская обл.	0,625	0,625	0,625	0,583
Мурманская обл.	0,375	0,542	0,542	0,625	Республика Хакасия	0,542	0,625	0,625	0,583
Кемеровская обл.	0,5	0,667	0,667	0,708	Еврейская автономная обл.	0,458	0,542	0,542	0,625
Свердловская обл.	0,5	0,5	0,5	0,583	Пензенская обл.	0,458	0,417	0,417	0,458
Челябинская обл.	0,542	0,542	0,542	0,542	Забайкальский край	0,667	0,708	0,708	0,75
Хабаровский край	0,583	0,458	0,458	0,458	Ростовская обл.	0,375	0,5	0,5	0,458
Сахалинская обл.	0,5	0,417	0,417	0,458	Курская обл.	0,625	0,625	0,625	0,542
Ярославская обл.	0,583	0,625	0,625	0,708	Воронежская обл.	0,583	0,417	0,417	0,417
Московская обл.	0,333	0,375	0,375	0,417	Белгородская обл.	0,375	0,292	0,292	0,333
Ивановская обл.	0,5	0,542	0,542	0,542	Амурская область	0,458	0,625	0,625	0,542
Тюменская обл.	0,417	0,458	0,458	0,333	Орловская обл.	0,458	0,583	0,583	0,625
Республика Карелия	0,625	0,667	0,667	0,667	Астраханская обл.	0,625	0,542	0,542	0,542
Самарская обл.	0,458	0,417	0,417	0,458	Республика Марий Эл	0,625	0,417	0,417	0,583
Нижегородская обл.	0,375	0,333	0,333	0,333	Удмуртская Республика	0,542	0,417	0,417	0,5
Новосибирская обл.	0,458	0,542	0,542	0,583	Республика Саха (Якутия)	0,583	0,542	0,542	0,667
Иркутская обл.	0,5	0,542	0,542	0,625	Липецкая обл.	0,458	0,542	0,542	0,333
Владимирская обл.	0,5	0,625	0,625	0,5	Республика Северная Осетия–Алания	0,75	0,708	0,708	0,75
Камчатский край	0,375	0,333	0,333	0,458	Ленинградская обл.	0,375	0,333	0,333	0,292
Республика Коми	0,542	0,5	0,5	0,667	Республика Мордовия	0,542	0,458	0,458	0,542
Архангельская обл.	0,458	0,542	0,542	0,625	Чувашская Республика	0,583	0,375	0,375	0,458
Калининградская обл.	0,583	0,5	0,5	0,458	Республика Башкортостан	0,583	0,542	0,542	0,458

Окончание таблицы 3

Регион	2005	2010	2015	2017	Регион	2005	2010	2015	2017
Красноярский край	0,458	0,542	0,542	0,458	Курганская обл.	0,792	0,708	0,708	0,667
Приморский край	0,375	0,5	0,5	0,417	Тамбовская обл.	0,542	0,5	0,5	0,458
Волгоградская обл.	0,458	0,5	0,5	0,458	Оренбургская обл.	0,583	0,583	0,583	0,583
Республика Татарстан	0,542	0,375	0,375	0,333	Республика Бурятия	0,625	0,667	0,667	0,667
Кировская обл.	0,542	0,5	0,5	0,5	Ставропольский край	0,625	0,542	0,542	0,458
Калужская обл.	0,333	0,458	0,458	0,333	Алтайский край	0,708	0,625	0,625	0,625
Тверская обл.	0,5	0,583	0,583	0,5	Республика Ингушетия	0,708	0,792	0,792	0,792
Пермский край	0,667	0,667	0,667	0,667	Краснодарский край	0,292	0,542	0,542	0,458
Саратовская обл.	0,375	0,458	0,458	0,458	Республика Тыва	0,75	0,792	0,792	0,75
Ульяновская обл.	0,542	0,417	0,417	0,5	Кабардино-Балкарская Республика	0,708	0,792	0,792	0,75
Тульская обл.	0,458	0,417	0,417	0,375	Республика Крым	///	///	///	0,458
Ненецкий автономный округ	0,5	0,375	0,375	0,667	Республика Адыгея	0,583	0,542	0,542	0,708
Омская обл.	0,5	0,5	0,5	0,417	Республика Калмыкия	0,792	0,792	0,792	0,792
Вологодская обл.	0,5	0,625	0,625	0,583	Республика Дагестан	0,708	0,542	0,542	0,625
Томская обл.	0,5	0,542	0,542	0,625	Карачаево-Черкесская Республика	0,833	0,75	0,75	0,75
Костромская обл.	0,417	0,417	0,417	0,458	Чеченская Республика	0,792	0,625	0,625	0,708
Рязанская обл.	0,5	0,5	0,5	0,5	Республика Алтай	0,708	0,833	0,833	0,792
Смоленская обл.	0,5	0,625	0,625	0,625	///	///	///	///	///

Примечание. Составлено автором по данным расчетов интегрального показателя напряженности рынка труда.

Выделены четыре *группы по напряженности на рынке труда*:

- группа регионов с интегральным показателем напряженности на рынке труда со значением в пределах от 0 до 0,249. Регионы характеризуются наиболее благополучной ситуацией на рынке труда, где напряженность проявляется весьма слабо и о которой можно говорить с большой натяжкой. Рынок труда отличается высокой степенью саморегуляции;
- группа регионов со значением интегральных показателей напряженности от 0,25 до 0,499 характеризуется низкой степенью напряженности на рынке труда. Это многочисленная группа с умеренной ситуацией на рынке труда, тем не менее в регионах требуются регулирующие меры, направленные на корректировку ситуации на рынке труда;
- для группы регионов с интегральным показателем напряженности от 0,5 до 0,749 характерна средняя степень напряженности. Самая многочисленная группа, на рынке труда которой нарастает напряженность ситуации, что требует проведения регулирующих мер по снижению напряженности;
- регионы с интегральными показателями от 0,75 до 1 относятся к группе регионов с наиболее напряженной (критической) ситуацией на рынке труда. В отдельных регионах значения напряженности достигают предельных значений, свидетельствующих о катастрофичности ситуации, где требуется дополнительное внимание при разработке регулирующих мер.

Как видим из таблицы 3, по состоянию рынка труда регион может входить в группу благополучных и в группу критических, т.е. со временем ситуация на рынке труда может меняться,

в силу чего регион переходит от группы с худшими показателями в группу с лучшими показателями или наоборот. Это естественный процесс, происходящий при мобилизации ресурсов одних регионов, исчерпании их в рамках существующей структуры хозяйства в других регионах.

Однако возможны ситуации, когда одни и те же регионы входят в группу регионов с критической ситуацией на рынке труда на протяжении длительного времени. При анализе состояния рынков труда в регионах в увязке с уровнем их урбанизации к регионам с критической ситуацией на рынке труда, сохраняющейся долгое время, отнесены ряд слабоурбанизированных регионов (Ингушетия, Тыва, Кабардино-Балкария, Калмыкия, Чечня, Алтай). В этом случае можно говорить о появлении так называемых регионов, находящихся в зоне риска, социального бедствия, требующих срочных мер, новых подходов, направленных на поиск ресурсов для развития рынка труда.

Далее с применением метода корреляционно-регрессионного анализа изучается взаимосвязь уровня безработицы и социально-экономических показателей в группе регионов с наиболее напряженной ситуацией на рынке труда. Метод корреляционно-регрессионного анализа широко применяется в экономических исследованиях, является достаточно надежным и проверенным методом, позволяющим проанализировать взаимосвязи и взаимовлияния исследуемых показателей.

Для получения более полной информации о рынке труда конкретного региона проводятся эмпирические исследования с использованием приемов сбора и анализа информации через социологический опрос населения региона и опроса экспертов.

Опрос населения проводится в целях определения особенностей трудового поведения населения региона на основе учета его склонностей и предпочтений в трудовой сфере через анализ субъективных характеристик (преобладающие жизненные планы, трудовые склонности, культурные традиции и др.), степени готовности населения к трансформационным процессам на рынке труда, социально-экономическим преобразованиям в регионе. Опрос экспертов применяется для выявления, обобщения и формализации мнения экспертов при оценке ситуации на рынке труда региона и потенциала его развития, дает возможность выделить из них наиболее важные для определения основных направлений совершенствования рынка труда региона.

В рамках нашего исследования научный интерес представляет также формирование перспективных сценариев развития экономики, прогнозирование ситуации на рынке труда региона. Для этого на основе анализа сложившихся тенденций социально-демографических процессов и перспектив развития экономики региона методом экстраполяции проводятся прогнозные расчеты численности населения региона и уровня безработицы. Оценка возможных состояний будущего необходима для принятия полезных управленческих решений, выбора приоритетных направлений совершенствования регионального рынка труда.

Обсуждение. Комплексное применение предложенных нами методов анализа рынка труда региона поможет выявить особенности функционирования рынка труда в регионах с разной степенью урбанизации, основные проблемы развития, определить приоритетные направления регулирования, с помощью которых можно добиться улучшения ситуации как на рынке труда в наиболее кризисных регионах, так и в экономике в целом.

Заключение. На наш взгляд, предлагаемая методика исследования рынка труда региона на основе классификации региональных рынков труда по уровню урбанизации регионов и степени напряженности на рынке труда представляет методический прием комплексного изучения проблем подобного рода: выявления особенностей функционирования, изучения основных проблем и возможностей развития на основе как внешних объективных, так и внутренних субъективных факторов и поиска приоритетных направлений совершенствования рынка труда конкретного региона. Данная методика универсальна, применима для каждого

региона, но различается направлениями и методами регулирования рынка труда в регионах с разным уровнем урбанизации.

Список литературы

1. Балакина Г.Ф., Кылгыдай А.Ч. Исследование особенностей рынка труда слабоурбанизированного региона // Экономический анализ: теория и практика. 2015. № 35. С. 22–32.
2. Буфетова А.Н. Структура урбанизации и тенденции внутрирегиональной дифференциации уровня жизни // Вестник Новосибирского государственного университета. Т. 13. 2013. Вып. 1. С. 57–66.
3. Вартанова М.Л. Специфика урбанизации населения в России // В мире научных открытий: матер. XI Междунар. науч.-практ. конф.: сб. науч. тр. / науч. ред. И.А. Рудакова. М.: Перо, 2014. С. 204–207.
4. Дадашев А. Региональный рынок труда в России: формирование и эффективность управления // Вопросы экономики. 1995. № 5. С. 63–70.
5. Заславский И.Е. Современные проблемы регулирования рынка труда: федеральные и региональные аспекты. М.: Парнас-Пресс, 2000. 166 с.
6. Ильина И.Ю. Занятость и статусные характеристики преподавателей российских вузов // Социальная политика и социология. Т. 16. 2017. № 5 (124). С. 34–41.
7. Капелюшников Р., Ощепков А. Российский рынок труда: парадоксы посткризисного развития // Вопросы экономики. 2015. № 7. С. 66–92.
8. Карачурина Л. Урбанизация по-российски // Отечественные записки. 2012. № 3. URL: http://magazines.russ.ru/oz/201-российски ///3/k6.html (дата обращения: 04.04.2016).
9. Карташов С.А., Одегов Ю.Г. Рынок труда: проблемы формирования и управления (на примере г. Москвы). М.: Финстатинформ, 1998. 694 с.
10. Коломак Е.А. Влияет ли структура городской системы на экономическое развитие территорий // ЭКО. 2016. № 1. С. 49–60.
11. Костин Л.А. Российский рынок труда. М.: Профсоюзы и экономика, 1998. 296 с.
12. Кылгыдай А.Ч. Рынок труда региона: проблемы формирования и регулирования (на примере Республики Тыва) // Региональная экономика: теория и практика. 2012. № 35. С. 31–38.
13. Лаппо Г.М. Историко-географические особенности российской урбанизации // Новые факторы регионального развития: сб. ст. М.: ИГ РАН, 1999. С. 192–199.
14. Лаппо Г.М., Полян П.М. Результаты урбанизации в России к концу XX века // Русский Архипелаг. URL: http://www.archipelag.ru/agenda/povestka/evolution/prostranstvo_goroda/results_urbanizatsii/ (дата обращения: 26.05.2016).
15. Лексин В.Н., Швецов А.Н. Реформы и регионы: системный анализ процессов реформирования региональной экономики, становления федерализма и местного самоуправления. М.: ЛЕНАНД, 2012. 1024 с.
16. Майергойз И.М. Географическое учение о городах. М.: Наука, 1987. 118 с.
17. Маергойз И.М., Гохман В.М., Лаппо Г.М., Пивоваров Ю.Л. Географические аспекты урбанизации // Проблемы урбанизации в СССР. М.: Изд-во МГУ, 1971. С. 46–52.
18. Маслова И. Особенности российского рынка труда // Человек и труд. 1993. № 4. С. 24–29.
19. Нехода Е.В., Кучинова Э.С. Сегментация рынка труда: междисциплинарный подход // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2012. № 4. С. 40–53.
20. Никифорова А.А. Рынок труда: занятость и безработица. М.: Междунар. отношения, 1991. 188 с.
21. Причина О.С., Орехов В.Д., Есипова Э.Ю. Закономерности трудовой деятельности коллективов в области R&D: факторы и резервы повышения производительности труда // Социальная политика и социология. Т. 16. 2017. № 6 (125). С. 25–35.
22. Радаев В. Социологические подходы к анализу рынка труда: спрос на труд // Вопросы экономики. 1995. № 1. С. 86–92.
23. Руднев В.Д., Русскова А.В., Вишнякова В.А. Заработная плата в России: от интегральной политики к государственному регулированию // Социальная политика и социология. Т. 16. 2017. № 2 (121). С. 88–95.

References

1. Balakina G.F., Kylgydaj A.Ch. Issledovanie osobennostej rynka truda slabourbanizirovannogo regiona // Ekonomicheskij analiz: teoriya i praktika. 2015. № 35. S. 22–32.
2. Bufetova A.N. Struktura urbanizacii i tendencii vnutriregional'noj differenciacii urovnya zhizni // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. T. 13. 2013. Vyp. 1. S. 57–66.

3. Vartanova M.L. Specifika urbanizacii naseleniya v Rossii // V mire nauchnykh otkrytij: mater. XI Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.: sb. nauch. tr. / nauch. red. I.A. Rudakova. M.: Pero, 2014. S. 204–207.
4. Dadashev A. Regional'nyj rynok truda v Rossii: formirovanie i effektivnost' upravleniya // Voprosy ekonomiki. 1995. № 5. S. 63–70.
5. Zaslavskij I.E. Sovremennye problemy regulirovaniya rynka truda: federal'nye i regional'nye aspekty. M.: Parnas-Press, 2000. 166 s.
6. Il'ina I.Yu. Zanyatost' i statusnye kharakteristiki prepodavatelej rossijskikh vuzov // Social'naya politika i sociologiya. T. 16. 2017. № 5 (124). S. 34–41.
7. Kapelyushnikov R., Oshchepkov A. Rossijskij rynok truda: paradoksy postkrizisnogo razvitiya // Voprosy ekonomiki. 2015. № 7. S. 66–92.
8. Karachurina L. Urbanizaciya po-rossijski // Otechestvennye zapiski. 2012. № 3. URL: http://magazines.russ.ru/oz/201-rossijski ///3/k6.html (data obrashcheniya: 04.04.2016).
9. Kartashov S.A., Odegov Yu.G. Rynok truda: problemy formirovaniya i upravleniya (na primere g. Moskvy). M.: Finstatinform, 1998. 694 s.
10. Kolomak E.A. Vliyaet li struktura gorodskoj sistemy na ekonomicheskoe razvitie territorij // EKO. 2016. № 1. S. 49–60.
11. Kostin L.A. Rossijskij rynok truda. M.: Profsoyuzy i ekonomika, 1998. 296 s.
12. Kylgydaj A.Ch. Rynok truda regiona: problemy formirovaniya i regulirovaniya (na primere Respubliki Tyva) // Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika. 2012. № 35. S. 31–38.
13. Lappo G.M. Istoriko-geograficheskie osobennosti rossijskoj urbanizacii // Novye faktory regional'nogo razvitiya: sb. st. M.: IG RAN, 1999. S. 192–199.
14. Lappo G.M., Polyan P.M. Rezul'taty urbanizacii v Rossii k koncu XX veka // Russkij Arkhipelag. URL: http://www.archipelag.ru/agenda/povestka/evolution/prostranstvo_goroda/results_urbanizatsii/ (data obrashcheniya: 26.05.2016).
15. Leksin V.N., Shvecov A.N. Reformy i regiony: sistemnyj analiz processov reformirovaniya regional'noj ekonomiki, stanovleniya federalizma i mestnogo samoupravleniya. M.: LENAND, 2012. 1024 s.
16. Majergojz I.M. Geograficheskoe uchenie o gorodakh. M.: Nauka, 1987. 118 s.
17. Maergojz I.M., Gokhman V.M., Lappo G.M., Pivovarov Yu.L. Geograficheskie aspekty urbanizacii // Problemy urbanizacii v SSSR. M.: Izd-vo MGU, 1971. S. 46–52.
18. Maslova I. Osobennosti rossijskogo rynka truda // Chelovek i trud. 1993. № 4. S. 24–29.
19. Nekhoda E.V., Kuchinova E.S. Segmentaciya rynka truda: mezhdisciplinarnyj podkhod // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika. 2012. № 4. S. 40–53.
20. Nikiforova A.A. Rynok truda: zanyatost' i bezrabotica. M.: Mezhdunar. otnosheniya, 1991. 188 s.
21. Prichina O.S., Orekhov V.D., Esipova E.Yu. Zakonomernosti trudovoj deyatel'nosti kollektivov v oblasti R&D: faktory i rezervy povysheniya proizvoditel'nosti truda // Social'naya politika i sociologiya. T. 16. 2017. № 6 (125). S. 25–35.
22. Radaev V. Sociologicheskie podkhody k analizu rynka truda: spros na trud // Voprosy ekonomiki. 1995. № 1. S. 86–92.
23. Rudnev V.D., Russkova A.V., Vishnyakova V.A. Zarabotnaya plata v Rossii: ot integral'noj politiki k gosudarstvennomu regulirovaniyu // Social'naya politika i sociologiya. T. 16. 2017. № 2 (121). S. 88–95.

Библиографическое описание статьи / Reference to article

Кылгыдай А.Ч. Методика к исследованию рынка труда региона: новые подходы // Социальная политика и социология. Т. 17. 2018. № 4 (129). С. 31–40. DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-4-31-40 (Библиографическое описание согласно российским стандартам).

Kylgydaj A.Ch. Metodika k issledovaniyu rynka truda regiona: novye podkhody // Social'naya politika i sociologiya. T. 17. 2018. № 4 (129). S. 31–40. DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-4-31-40 (Reference in Roman script).

Kylgyday, A.Ch. (2018) Methodology for the Study of the Labor Market in the Region: New Approaches, *Social Policy and Sociology.* Vol. 17. No. 4 (129). P. 31–40. DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-4-31-40 (International bibliographic description).

А.Н. Малолетко,
д-р экон. наук, профессор, проректор по научной работе, Российский государственный социальный университет, Москва.
A.N. Maloletko,
doctor of economic sciences, professor, vice-rector for research, Russian State Social University, Moscow.
E-mail: maloletkoan@rgsu.net

Н.П. Пашин,
д-р экон. наук, профессор, советник генерального директора ФГБУ «Всероссийский научно-исследовательский институт труда» Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации, Москва.
N.P. Pashin,
doctor of economic sciences, professor, Advisor to the Director General of the All-Russian Research Institute of Labor, Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation, Moscow.
E-mail: pashin.np@gmail.com

О.В. Каурова,
д-р экон. наук, профессор, декан факультета подготовки научных и научно-педагогических кадров, Российский государственный социальный университет, Москва.
O.V. Kaurova,
doctor of economic sciences, professor, dean of the faculty of training of scientific and scientific-pedagogical personnel, Russian State Social University, Moscow.
E-mail: KaurovaOV@rgsu.net

С.Б. Калмыков,
д-р социол. наук, руководитель научно-исследовательского центра социально-трудовых проблем ООО «Экспертный центр СОУТ», Москва.
S.B. Kalmykov,
doctor of sociological sciences, head of the Research Center of Social and Labor Problems of LLC «Expert Center SOUT», Moscow.
E-mail: sbkalmykov@gmail.com

УДК 331
DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-4-41-53

Служба занятости населения: реагирование на современные вызовы[1]

Employment Service: Responding to Modern Challenges

Дата поступления	*Дата препринта*	*Дата публикации*
11.09.2018	20.11.2018	19.12.2018

Аннотация: *в статье авторами проведено обоснование проблемно-конструктивной модели обеспечения устойчивости государственной службы занятости к современным вызовам, обусловленных*

[1] Статья подготовлена в рамках НИР «Комплексная оценка эффективности деятельности органов службы занятости в современных социально-экономических условиях» (ГК от 07.07.2017 № 17-К-16-152).

внедрением цифровой экономики и изменением квалификационного уровня современного рынка труда. На основе экспертного метода рассмотрены финансовая и кадровая составляющие, оказывающее заметное влияние на совершенствование деятельности центров занятости населения.

Annotation: *the article substantiates the problem-constructive model of ensuring the sustainability of the state employment service to modern challenges, caused by the introduction of the digital economy and changes in the qualification level of the modern labor market. On the basis of the expert method, the financial and personnel components that have a noticeable impact on the improvement of the activity of employment centers of the population are considered.*

Ключевые слова: *государственная служба занятости населения, центр занятости населения, экспертная оценка, государственные услуги, современный вызов, проблемное поле, субсидии, активная политика, пассивная политика, внебюджетные средства, инструментарий расчета штатной численности работников центра занятости населения, профессиональный стандарт.*

Key words: *public employment service, employment center, expert assessment, public services, modern challenge, problem field, subsidies, active policies, passive policies, extrabudgetary funds, tools for calculating the staffing level of employment center employees, professional standard.*

Современные вызовы в сфере занятости населения. На сессии «Модернизация служб занятости населения. Служба занятости 2.0», проведенной 15 сентября 2017 г. АНО «Агентство стратегических инициатив по продвижению новых программ» при участии Минтруда России, Роструда, Минэкономразвития, Ворлдскиллс России, служб занятости населения субъектов РФ сформулированы основные вызовы государственной службе занятости: внедрение цифровой экономики и изменение рынка труда через вытеснение и замену групп занятости со средним уровнем квалификации (целевая аудитория сегодняшней службы занятости населения) на квалифицированных работников с положительной мотивацией. Современные вызовы прогнозируют оптимизацию численного состава центров занятости и новый качественный уровень квалификации его работников.

Оценка современного состояния эффективности деятельности органов службы занятости в существующих социально-экономических условиях. Экспертная оценка деятельности служб занятости на указанной сессии показала, что:

1) отмечается недостаточный сервис в предоставлении государственных услуг;

2) не сформирована система продвижения государственных услуг среди граждан и работодателей, ограничиваясь теми, кто воспользовался существующими информационными ресурсами;

3) не созданы эффективные механизмы работы с инвалидами, молодежью, студентами, которые хотят найти работу, выпускниками высших и средних профессиональных образовательных учреждений;

4) не развито профилирование, не выделяются группы адресности, не используются существующие инструменты;

5) недостаточно внимания уделяется внедрению предоставления государственных услуг онлайн в сфере содействия занятости населения;

6) существуют значительные резервы использования органами службы занятости системы межведомственного электронного взаимодействия.

Среди экспертов: Кирсанов М.В. – директор Департамента занятости населения Министерства труда и занятости Российской Федерации; Васильев Д.А. – заместитель руководителя Федеральной службы по труду и занятости; Чернейко Д.С. – председатель Комитета по труду и занятости населения Санкт-Петербурга; Герасимов Д.В. – руководитель Агентства по развитию человеческого потенциала и трудовых ресурсов Ульяновской области; Лаптев Н.В. – директор областного государственного казенного учреждения «Кадровый центр Ульяновской области»; Задоров Н.Н. – начальник Управления занятости населения Министерства труда и социального развития Краснодарского края; Мальцева М.В. – заместитель директора Департамента по труду и занятости населения Администрации Владимирской области; Лаврова О.И. – заместитель начальника Управления, начальник отдела тру-

доустройства, профессиональной ориентации и обучения Управления занятости населения Министерства труда и занятости Новосибирской области.

Приведенная экспертная оценка состояния службы занятости населения обусловлена многофакторным характером влияющих причин [19], среди которых можно выделить: финансовую, инфраструктурную, кадровую и информационную. Остановимся на анализе двух из них – финансовой и кадровой, оказывающих заметное влияние на формирование устойчивости службы занятости населения к отмеченным вызовам.

Графическая интерпретация предлагаемого в статье обеспечения достоверности доказательной базы в процессе создания устойчивости государственной службы населения к современным вызовам приведена на рисунке 1.

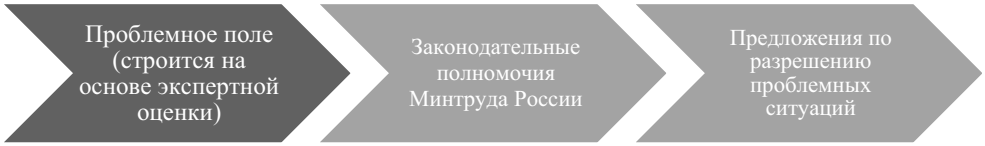

Рис. 1. **Обеспечение достоверности формируемой устойчивости центров занятости населения к современным вызовам**

Результаты. Рассматривая финансовые аспекты развития центров занятости населения, можно выделить несколько проблемных зон.

Проблемные зоны рассматриваемого аспекта целесообразно структурировать следующими ***критическими элементами***.

Первый – среди целевых показателей, включенных в региональную программу повышения мобильности трудовых ресурсов, отсутствует количество инвестиционных проектов.

Второй – отсутствие научно обоснованных среднесрочных и долгосрочных прогнозов трудовых ресурсов, включая их квалификационный аспект, не позволяет добиться достоверного прогнозирования количества участников и мероприятий в обосновании субсидий из федерального бюджета на программы дополнительных мероприятий по снятию напряженности рынка труда и развитию трудовой мобильности для субъектов РФ, а также оценки эффективности их реализации.

Третий – не обеспечивается достаточная эффективность регулирования затрат на активную политику по отношению к пассивной [2; 18].

Четвертый – в разрабатываемых рейтингах субъектов РФ при проведении Минтрудом России мониторинга и оценки качества и доступности государственных услуг в области содействия занятости населения [8]: а) недостаточна взаимосвязь с состоянием рынков труда регионов; б) необоснованно исключены из рассмотрения ряд государственных услуг по критерию «доля получивших государственную услугу к общему количеству безработных».

Пятый – отсутствие нормативного определения назначения и механизма реализации дополнительных мероприятий по снижению напряженности на рынке труда, например мероприятие «опережающее профессиональное обучение и стажировка» вносит некорректность в определении возможного числа их участников при обосновании размеров субсидий.

Шестой – Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года [13; 16] не содержит целевых показателей по стимулированию занятости и профессиональной подготовки пожилых граждан, финансирование не имеет дополнительного характера, осуществляется за счет бюджетов субъектов РФ; выполнение утвержденного плана реализации Стратегии по итогам 2016 года не рассматривалось Минтрудом и Рострудом.

Седьмой – План мероприятий по реализации в 2016–2025 годах Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской

Федерации [14] не предусматривает дополнительного субсидирования из федерального бюджета, не анализировался при подведении итогов 2016 года Минтрудом и Роструд.

Восьмой – установлено отсутствие финансирования из государственных внебюджетных фондов Российской Федерации, территориальных государственных внебюджетных фондов, от юридических лиц государственной программы Российской Федерации «Содействие занятости населения» [11] в 2015–2016 годах. Не начал работать механизм привлечения внебюджетных средств, в том числе средств страховых, благотворительных и частных фондов по реализации первого этапа «Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года». Отсутствует практика популяризации указанного направления работы у Минтруда России в системе проводимых мониторингов, информационных порталов Роструда, Общероссийской базе вакансий «Работа в России» [9; 17] и Федерального реестра инвалидов. Не сформирована учебная и методическая составляющие популяризации указанной практики на уровне системы повышения квалификации работников центров занятости населения, объединений работодателей, в работе Российской трехсторонней комиссии по урегулированию социально-трудовых отношений.

Девятый – не выполняется целевой показатель по безработным гражданам, трудоустроенным в другой местности при содействии органов службы занятости, в связи с низким уровнем финансовой поддержки безработных граждан субъектами РФ.

Десятый – отмечается многократное (в 14–15 раз) превышение общих расходов (в % к ВВП) стран Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) по отношению к России на содействие занятости населения [2; 18] (рис. 2).

Рис. 2. **Сравнительный анализ соотношения общих расходов на программы содействия занятости населения в Российской Федерации и странах ОЭСР, в % к ВВП**
(использованы материалы из [2])

Одиннадцатый – размер страхования при безработице в странах Организации экономического сотрудничества и развития многократно превосходит суммарные расходы по государственной программе на мероприятия по содействию занятости населения Российской Федерации [7].

Обсуждение. Сформулируем основные предложения по совершенствованию финансовой составляющей обеспечения занятости населения (подготовлены с учетом полномочий Минтруда России [15; 21]).

Используемые законодательные полномочия Минтруда России в соответствии с [21] и [15] для формирования предложений по решению проблем органами службы занятости населения в рассматриваемой сфере приведены в таблице 1.

Таблица 1

Используемые законодательные полномочия Минтруда России [15; 21]

№ п/п	Наименование полномочия Минтруда России
1	Вносит в Правительство Российской Федерации проекты федеральных законов, нормативных правовых актов Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации и другие документы, по которым требуется решение Правительства Российской Федерации, по вопросам, относящимся к установленной сфере ведения Министерства и к сфере ведения подведомственной ему федеральной службы, а также проект плана работы и прогнозные показатели деятельности Министерства (п. 5.1)
2	Осуществляет мониторинг и оценку качества и доступности государственных услуг в области содействия занятости населения, эффективности реализации дополнительных мероприятий на рынке труда субъектов Российской Федерации (п. 5.6.26)
3	Осуществляет разработку прогноза баланса трудовых ресурсов (п. 5.6.20)
4	Самостоятельно принимает следующие нормативные правовые акты: методические рекомендации по предоставлению государственных услуг и исполнению государственных функций в сфере занятости населения, по разработке региональных программ повышения мобильности трудовых ресурсов (п. 5.2.56)
5	Осуществляет разработку и реализацию федеральных программ в установленной сфере деятельности и контроль за их исполнением (п. 5.6.23)
6	Осуществляет обобщение практики применения законодательства о занятости населения, анализ причин нарушений и подготовку предложений по его совершенствованию (п. 5.6.22)
7	Разработка и реализация мер в сфере занятости населения, за исключением мер в области содействия занятости населения, реализация которых отнесена к полномочиям органов государственной власти субъектов Российской Федерации (п. 5 ст. 7)

По прогнозированию трудовых ресурсов целесообразно разработать:

1) изменения в ст. 7 и 25 Закона Российской Федерации от 19 апреля 1991 г. № 1032-I «О занятости населения в Российской Федерации», устанавливающие полномочия органов исполнительной власти и органов местного самоуправления по формированию прогноза дополнительной потребности в квалифицированных кадрах, а также обязанность работодателей предоставлять информацию о потребности в кадрах;

2) предложения в Правительство РФ по включению показателя «количество инвестиционных проектов» в целевые показатели рынка труда государственной программы Российской Федерации «Содействие занятости населения»;

3) изменения в постановление Правительства РФ от 3 июня 2011 г. № 440 «О разработке прогноза баланса трудовых ресурсов» с включением прогнозирования потребности в трудовых ресурсах на среднесрочную (3–5 лет) и долгосрочную перспективы, включая квалификационный сегмент: квалификационный уровень, профессии, специальности, исходя из запросов работодателей и приоритетов социально-экономического развития страны, субъекта РФ;

4) методику разработки прогноза баланса трудовых ресурсов, включая их квалификационный сегмент;

5) распространение лучшей практики Ульяновской области по апробации современных информационных технологий в прогнозировании трудовых ресурсов «О применении в Ульяновской области программного комплекса прогнозирования потребности в профессиональных кадрах для обеспечения социально-экономического развития субъекта на среднесроч-

ный и долгосрочный периоды (до 20 лет) в разрезе укрупненных групп направлений подготовки и специальностей».

Необходимо также включить анализ показателя «количество инвестиционных проектов» при проведении мониторинга и оценки качества и доступности государственных услуг в области содействия занятости населения.

По регулированию соотношения затрат на активную и пассивную политику востребовано включение в перечень вопросов по подведению итогов деятельности Минтруда России в 2017 и 2018 годах анализа соотношения затрат на активную и пассивную политику и его динамику в разрезе субъектов РФ.

По усилению взаимосвязи рейтингов субъектов РФ с состоянием рынка труда целесообразно включить при их разработке в рамках проводимого мониторинга и оценки качества и доступности государственных услуг в области содействия занятости населения:

1) показатели «доля получивших государственные услуги (по восьми государственным услугам) к общей численности экономически активного населения»;

2) по критерию «доля получивших государственную услугу к общему количеству безработных» дополнительно следующие государственные услуги:

а) организация временного трудоустройства несовершеннолетних граждан в возрасте от 14 до 18 лет в свободное от учебы время,

б) организация временного трудоустройства безработных граждан, испытывающих трудности в поиске работы,

в) организация профессиональной ориентации граждан,

г) психологическая поддержка безработных граждан,

д) организация временного трудоустройства безработных граждан в возрасте от 18 до 20 лет, имеющих среднее профессиональное образование и ищущих работу впервые.

По пожилым гражданам назрела необходимость подготовить предложение в проект распоряжения Правительства Российской Федерации о включении в дополнительные мероприятия в сфере занятости населения, направленные на снижение напряженности на рынке труда субъектов Российской Федерации, двух программ:

1) профессионального обучения и переобучения пожилых граждан;

2) стимулирования занятости пожилых граждан.

Кроме того, уместно разработать проект приказа Минтруда России «О мониторинге реализации в 2018 году дополнительных мероприятий в сфере занятости населения, направленных на снижение напряженности на рынке труда субъектов Российской Федерации», предусматривающий наряду в установленными в 2016 году отчетными формами форму сведений о реализации в 2018 году дополнительных мероприятий в сфере занятости населения, направленных на снижение напряженности на рынке труда субъектов Российской Федерации, по стимулированию занятости и профессиональной подготовке, обучению граждан старшего возраста. Включить в перечень вопросов по подведению итогов деятельности Минтруда России в 2017 и 2018 годах анализ стимулирования занятости и профессиональной подготовки граждан старшего возраста. Разработать изменения в форму № 2-Т (трудоустройство) федерального статистического наблюдения:

1) в первом разделе «I. Содействие в поиске подходящей работы» вместо 15 строки «60 лет и старше» разместить строки: «60–64, 65–69, 70 лет и старше» (письмо Минтруда России в Росстат);

2) во втором разделе «II. Динамика численности безработных граждан» вместо строки 10г «50 лет и старше» разместить строки: «50–54, 55–59, 60–64, 65–69, 70 лет и старше» со строками под каждой – «из них женщины»;

3) в восьмом разделе «VIII. Профессиональное обучение (профобучение) и дополнительное профессиональное образование (ДПО)» после строки 2 «из них безработные

граждане» включить строки: «55–59 лет и из них женщин»; после строки 3 «пенсионеры, стремящиеся возобновить трудовую деятельность» включить строки: «60–64, 65–69, 70 лет и старше», сохранив после каждой строку «из них женщин».

По коренным малочисленным народам Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ – подготовить предложение по проекту распоряжения Правительства РФ о включении в дополнительные мероприятия в сфере занятости населения, направленные на снижение напряженности на рынке труда заинтересованных субъектов Российской Федерации, двух программ активной политики:

1) профессионального обучения коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации;

2) стимулирования их занятости.

Подготовить проект приказа Минтруда России «О мониторинге реализации в 2018 году дополнительных мероприятий в сфере занятости населения, направленных на снижение напряженности на рынке труда субъектов Российской Федерации», предусматривающий наряду с установленными в 2016 году отчетными формами форму сведений о реализации в 2018 году дополнительных мероприятий в сфере занятости населения, направленных на снижение напряженности на рынке труда субъектов РФ, по стимулированию занятости и профессиональной подготовке коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ. Включить в перечень вопросов по подведению итогов деятельности Минтруда России в 2017 и 2018 годах анализ стимулирования занятости и профессиональной подготовки коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ.

По дополнительным средствам для финансирования мероприятий по содействию занятости населения из внебюджетных источников – подготовить информационное письмо Департамента занятости населения Минтруда России в адрес органов исполнительной власти субъектов РФ и Российского союза промышленников и предпринимателей о критическом состоянии привлечения дополнительных средств для финансирования мероприятий по содействию занятости населения из внебюджетных источников. Рассмотреть вопрос привлечения дополнительных средств для финансирования мероприятий по содействию занятости населения из внебюджетных источников на ближайшем заседании Российской трехсторонней комиссии по урегулированию социально-трудовых отношений. Ввести рубрику «Содействие занятости – общая забота партнеров рынка труда» в карту информационных порталов Общероссийской базы вакансий «Работа в России», сайтов Роструда и Минтруда России, федерального реестра инвалидов. Включить анализ привлечения дополнительных средств для финансирования мероприятий по содействию занятости населения из внебюджетных источников в ежегодный мониторинг и оценку качества и доступности государственных услуг в области содействия занятости населения (по итогам деятельности органов службы занятости в 2018 г.). Распространить практику г. Москвы по проведению конкурсов среди работодателей с включением в критерии оценки их затрат на участие в реализации активной политики занятости населения и определением для победителя реальных преференций по удовлетворению их интересов.

По безработным гражданам, трудоустроенным в другой местности при содействии органов службы занятости – подготовить письмо Минтруда России руководителям органов исполнительной власти субъектов РФ «О недостаточном уровне финансовой поддержки безработных граждан при переезде и безработных граждан и членов их семей при переселении в другую местность для трудоустройства по направлению органов службы занятости».

По страховой медицине – рассмотреть на заседании Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений вопрос «О внедрении страховой модели защиты от безработицы в Российской Федерации». Проанализировать особенности внедрения страховой модели защиты от безработицы на заседании коллегии Минтруда России. Подготовить проект федерального закона «О внесении изменений в статью 30 Федерального закона Российской Федерации “О занятости населения в Российской Федерации”».

Кадровые аспекты развития центров занятости населения. Характеристика проблемного поля кадровой составляющей.

Первое – произошло снижение:

1) востребованности службы занятости населения у граждан, нуждающихся в содействии занятости;

2) уровня регулирования (с использованием полномочий федерального центра) деятельности службы занятости населения субъектов РФ по законодательному, методическому, обучающему аспектам, внедрению электронного предоставления государственных услуг, а также межведомственному взаимодействию.

Второе – несоответствие фактической численности работников центров занятости населения субъектов РФ нормативной минимальной, установленной Минтрудом России (в 60% регионов).

Третье – передача полномочий субъектам РФ [22] препятствует выполнению центрами занятости населения федеральных задач, реализуемых государственными услугами, а именно:

1) содействие безработным гражданам в переезде и безработным гражданам и членам их семей в переселении в другую местность для трудоустройства по направлению органов службы занятости;

2) содействие безработным гражданам в переезде в другую местность для временного трудоустройства по имеющейся у них профессии (специальности);

3) активное участие в Дальневосточной программе.

Положение службы занятости населения определяется отношением к указанной проблеме руководителя администрации субъекта РФ, имеет не правовой, а субъективный, личностный характер, что отражается на мотивации работников центров занятости населения, уровне их оплаты труда, состоянии инфраструктуры.

Четвертое – нами доказана прямая зависимость: чем больше отклонение от норматива минимальной численности, тем выше средний полезный фонд рабочего времени одного работника. Указанная взаимосвязь ухудшает условия труда персонала центров занятости населения по напряженности трудового процесса и обосновывает необходимость приведения численности группировок субъектов РФ с наибольшими отклонениями в соответствие с установленными Минтрудом России нормативами.

Пятое – действующий инструментарий расчета штатной численности работников центра занятости населения [10; 12] фактически не используется, преобладают административные методы регулирования численности (организационно-штатные мероприятия). Указанный инструментарий не отражает в полной мере специфику рынков труда субъектов Российской Федерации и современную законодательно-нормативную базу.

Шестое – внедрение профессионального стандарта «Специалист по оказанию государственных услуг в области занятости населения» [20] реализуется фрагментарно, нет системы административного, методического и учебного сопровождения.

Седьмое – востребовано обучение работников центров занятости населения с включением следующих вопросов: основы психологии общения, технологии работы с «трудными» клиентами, технологии по работе с инвалидами, рассмотрение сложившейся ситуации на рынке труда субъектов Российской Федерации с применением дистанционных образовательных технологий.

Восьмое – назрели кардинальные изменения по обучению: 1) граждан, заинтересованных в поиске подходящей работы; 2) работодателей.

Предложения по кадровому развитию центров занятости населения. По снижению уровня востребованности у нуждающихся в трудоустройстве граждан и федерального регулирования центров занятости населения субъектов РФ:

1) целесообразно подготовить проект федерального закона «О внесении изменений в статьи 15, 25 и 26 Федерального закона Российской Федерации “О занятости населения

в Российской Федерации"», включив следующие концептуальные обобщения: разработать миссию государственной службы занятости, отвечающую современному вариативному состоянию рынка труда, подчеркнув ее экономико-социальный характер, полномочия службы привести в соответствие с контролируемыми критериями; сделать удовлетворение потребностей работодателя не ниже уровня, определенного законодательно в отношении гражданина, нуждающегося в трудоустройстве; определить механизм влияния службы занятости населения на работодателя;

2) разработать:

а) федеральный государственный стандарт службы занятости населения в соответствии с Федеральным законом «О внесении изменений в статьи 15, 25 и 26 Федерального закона Российской Федерации "О занятости населения в Российской Федерации"»;

б) федеральный государственный стандарт о взаимодействии службы занятости с работодателями;

3) подготовить изменения:

а) в Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», которые предусматривают участие объединений работодателей в формировании контрольных цифр приема на обучение в системе среднего профессионального и высшего образования;

б) в статью 29 постановления Правительства РФ от 25 августа 2015 г. № 885 «Об информационно-аналитической системе Общероссийская база вакансий "Работа в России"», исключающую рассмотрение факта регистрации в указанной системе работодателя как выполнение законодательного требования о предоставлении вакансий в службу занятости населения;

4) подготовить проект приказа Минтруда России о внедрении электронного предоставления государственных услуг: а) содействия гражданам в поиске подходящей работы, а работодателям в подборе необходимых работников; б) содействие самозанятости безработных граждан;

5) подготовить предложение в проект постановления Правительства РФ «Об изменениях в статьи 18, 38 и 42 постановления Правительства РФ от 25 августа 2015 г. № 885 "Об информационно-аналитической системе Общероссийская база вакансий «Работа в России»"», развивающее указанную электронную систему через внедрение технологического взаимодействия с Автоматизированной информационной системой Федеральной налоговой службы России (АИС «Налог-3»);

6) подготовить «Методическое обеспечение поэтапного цифрового сопровождения деятельности служб занятости населения субъектов Российской Федерации».

По несоответствию фактической численности работников центров занятости населения субъектов РФ нормативной минимальной, установленной Минтрудом России, и передаче полномочий субъектам РФ: провести совещание на тему «Анализ взаимодействия органов исполнительной власти федерального и регионального уровней по реализации полномочий в сфере содействия занятости населения».

По ухудшению условий труда персонала центров занятости населения, по напряженности трудового процесса – рассмотреть на заседании Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений вопрос «О состоянии напряженности трудового процесса работников центров занятости населения при предоставлении государственных услуг в сфере содействия занятости».

По действующему инструментарию расчета штатной численности работников центра занятости населения – подготовить проект приказа Минтруда России «Методические рекомендации расчета, оценки и регулирования нормативной численности работников центра занятости населения для администрации, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации».

По внедрению профессионального стандарта – доработать проект приказа Минтруда России «Об утверждении методических рекомендаций по применению профессиональных стандартов», подготовленного Минтрудом России 2 сентября 2014 г. Подготовить письмо Департамента занятости населения Минтруда России «О методических рекомендациях по внедрению в деятельность государственной службы занятости населения субъектов РФ профессионального стандарта «Специалист по оказанию государственных услуг в области занятости населения». Провести повышение квалификации членов рабочих групп служб занятости населения субъектов РФ по внедрению профессионального стандарта (очная форма обучения). Объявить открытый конкурс на предоставление образовательной услуги по программе повышения квалификации с вопросами внедрения профессионального стандарта «Специалист по оказанию государственных услуг в области занятости населения» для работников служб занятости населения субъектов РФ на основе применения дистанционных образовательных технологий.

По обучению работников центров занятости населения – подготовить и провести открытый конкурс на разработку программ и проведение курсов повышения квалификации работников службы занятости населения субъектов РФ с включением вопросов психологии общения, работы с «трудными» клиентами и инвалидами, учета ситуации на региональном рынке труда. Форма – очная, а также с применением дистанционных образовательных технологий. Проведение обучающих семинаров с лучшими практиками субъектов РФ по указанной тематике на базе АНО «Агентство стратегических инициатив по продвижению новых программ» и Всероссийского научно-исследовательского института труда Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации. Форма обучения – очная.

По кардинальным изменениям по обучению – подготовить письма Департамента занятости населения Минтруда России:

1) «О совершенствовании адресности предоставления услуг»;

2) «О достижении адресности и заинтересованности в обучении работодателей эффективному взаимодействию со службами занятости населения».

Заключение. Таким образом, нами предложена проблемно-конструктивная модель повышения устойчивости государственной службы занятости населения с учетом современных вызовов в сфере занятости. Модель интерпретирует финансовую и кадровую составляющие проблемного поля, сформированного экспертным методом по результатам проведения АНО «Агентство стратегических инициатив по продвижению новых программ» при участии Минтруда России, Роструда, Минэкономразвития, Ворлдскиллс России, служб занятости населения субъектов РФ 15 сентября 2017 г. сессии «Модернизация служб занятости населения. Служба занятости 2.0». Модель включает в себя методику обеспечения достоверности формируемой устойчивости центров занятости населения к современным вызовам со следующими элементами: разработка проблемного поля (строится на основе экспертной оценки), систематизация законодательных полномочий Минтруда России в сфере содействия занятости населения, подготовка предложений по разрешению проблемных ситуаций.

Список литературы

1. Аванесова А.Э., Бугаев О.Н., Концевич Г.Е., Саркисян Н.А. Политика стимулирования труда персонала: теоретический аспект // Социальная политика и социология. Т. 15. 2016. № 3 (116). С. 8–15.
2. Безработица в России и зарубежных странах в условиях кризиса: социальный бюллетень. 2015. Март. № 1. 2015 23 с. М.: Аналит. центр при Правительстве Рос. Фед., 2015. 33 с.
3. Вишнякова В.А. Занятость и безработица как объекты социальной политики // Социальная политика и социология. Т. 15. 2016. № 6 (119). С. 6–15.
4. Горелова Г.В., Каурова О.В., Саак А.А., Вишнякова В.А. Когнитивный подход к исследованию проблем занятости молодежи на рынке труда // Социальная политика и социология. Т. 16. 2017. № 1 (120). С. 18–27.

5. Ильина И.Ю. Стратегии адаптации преподавателей на внутривузовском рынке труда // Социальная политика и социология. Т. 16. 2017. № 2 (121). С. 38–46.
6. Мельник М.С., Митюшина Е.А. Создание единого рынка труда ЕАЭС: проблемы и перспективы // Социальная политика и социология. Т. 16. 2017. № 1 (120). С. 37–44.
7. Министр труда предложил вернуть в России страхование от безработицы // Инвестиционный форум в Сочи. 22 февраля 2017 г. URL: http://www.rbc.ru/rbcfreenews/59d0be419a79475ad51e4b64.
8. Мониторинг и оценка качества и доступности государственных услуг в области содействия занятости населения (по итогам деятельности органов службы занятости в 2016 году) (дата проведения: 22 февраля 2017 г.) / Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации. 2017.
9. Об информационно-аналитической системе Общероссийская база вакансий «Работа в России» (принят постановлением Правительства Российской Федерации от 25 августа 2015 г. № 885): офиц. текст: по состоянию на 31 авг. 2015 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 35. Ст. 5000.
10. Об утверждении временного порядка определения численности персонала органов государственной службы занятости (принят приказом Федеральной службы занятости России от 27 июня 1994 г. № 88. URL: http://docs.cntd.ru/document/9026639.
11. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Содействие занятости населения» (принята постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 298): офиц. текст: по состоянию на 30 марта 2017 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 18. Ч. I. Ст. 2147.
12. Об утверждении нормативов времени на работы, выполняемые работниками городских (районных) центров государственной службы занятости в условиях автоматизированной обработки информации, и нормативов времени на работы, выполняемые работниками городских (районных) центров государственной службы занятости (приняты постановлением Министерства труда и социальной защиты Российской от 9 октября 1995 г. № 57): офиц. текст: по состоянию на 9 октября 1995 г. URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=133857.
13. Об утверждении плана мероприятий на 2016–2020 годы по реализации первого этапа Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года (принят Распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2016 г. № 2539-р). // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 50. Ст. 7125.
14. Об утверждении Плана мероприятий по реализации в 2016–2025 годах Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации (принято распоряжением Правительства Российской Федерации от 25 августа 2016 г. № 1792-р). URL: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71375714/.
15. Об утверждении Положения о Министерстве труда и социальной защиты Российской Федерации (принято постановлением Правительства Российской Федерации от 19 июня 2012 г. № 610): офиц. текст: по состоянию на 5 июля 2017 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 26. Ст. 3528.
16. Об утверждении Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения до 2025 г. (принято распоряжением Правительства Российской Федерации от 5 февраля 2016 г. № 164-р. URL: https://lawnotes.ru/pravitelstvo/Rasporyazhenie-Pravitelstva-RF-ot-05.02.2016-N-164-r/.
17. Общероссийская база вакансий «Работа в России»: раздел «Органы государственной службы занятости населения». URL: https://trudvsem.ru/czn?_page=0&_regionCode=5000000000000.
18. Практика реализации дополнительных мероприятий в сфере занятости населения, направленных на снижение напряженности на рынках труда субъектов Российской Федерации: социальный бюллетень. 2015. Сентябрь. № 3. М.: Аналит. центр при Правительстве Рос. Фед., 2015. 33 с.
19. Российский рынок труда: тенденции, институты, структурные изменения: доклад Центра трудовых исследований и Лаборатории исследований рынка труда / под ред. В. Гимпельсона, Р. Капелюшникова, С. Рощина. М.: НИУ ВШЭ, 2017. 148 с. URL: http://csr.ru/wp-content/uploads/2017/03/Doklad_trud.pdf.

20. Специалист по оказанию государственных услуг в области занятости населения: приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 28 ноября 2016 года № 676н // Российская газета. 2016. 9 дек.
21. Федеральный закон «О занятости населения в Российской Федерации» (принят Верховным Советом Российской Федерации 19 марта 1991 г.) // Бюллетень нормативных актов министерств и ведомств Российской Федерации. 1992. № 1. С. 4–18.
22. Федеральный закон Российской Федерации от 30 ноября 2011 г. № 361-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

References

1. Avanesova A.E., Bugaev O.N., Koncevich G.E., Sarkisyan N.A. Politika stimulirovaniya truda personala: teoreticheskij aspekt // Social'naya politika i sociologiya. T. 15. 2016. № 3 (116). S. 8–15.
2. Bezrabotica v Rossii i zarubezhnykh stranakh v usloviyakh krizisa: cocial'nyj byulleten'. 2015. Mart. № 1. 2015 23 s. M.: Analit. centr pri Pravitel'stve Ros. Fed., 2015. 33 s.
3. Vishnyakova V.A. Zanyatost' i bezrabotica kak ob"ekty social'noj politiki // Social'naya politika i sociologiya. T. 15. 2016. № 6 (119). S. 6–15.
4. Gorelova G.V., Kaurova O.V., Saak A.A., Vishnyakova V.A. Kognitivnyj podkhod k issledovaniyu problem zanyatosti molodezhi na rynke truda // Social'naya politika i sociologiya. T. 16. 2017. № 1 (120). S. 18–27.
5. Il'ina I.Yu. Strategii adaptacii prepodavatelej na vnutrivuzovskom rynke truda // Social'naya politika i sociologiya. T. 16. 2017. № 2 (121). S. 38–46.
6. Mel'nik M.S., Mityushina E.A. Sozdanie edinogo rynka truda EAES: problemy i perspektivy // Social'naya politika i sociologiya. T. 16. 2017. № 1 (120). S. 37–44.
7. Ministr truda predlozhil vernut' v Rossii strakhovanie ot bezraboticy // Investicionnyj forum v Sochi. 22 fevralya 2017 g. URL: http://www.rbc.ru/rbcfreenews/59d0be419a79475ad51e4b64.
8. Monitoring i ocenka kachestva i dostupnosti gosudarstvennykh uslug v oblasti sodejstviya zanyatosti naseleniya (po itogam deyatel'nosti organov sluzhby zanyatosti v 2016 godu) (data provedeniya: 22 fevralya 2017 g.) / Ministerstvo truda i social'noj zashchity Rossijskoj Federacii. 2017.
9. Ob informacionno-analiticheskoj sisteme Obshcherossijskaya baza vakansij «Rabota v Rossii» (prinyat postanovleniem Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 25 avgusta 2015 g. № 885): ofic. tekst: po sostoyaniyu na 31 avg. 2015 g. // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2015. № 35. St. 5000.
10. Ob utverzhdenii vremennogo poryadka opredeleniya chislennosti personala organov gosudarstvennoj sluzhby zanyatosti (prinyat prikazom Federal'noj sluzhby zanyatosti Rossii ot 27 iyunya 1994 g. № 88. URL: http://docs.cntd.ru/document/9026639.
11. Ob utverzhdenii gosudarstvennoj programmy Rossijskoj Federacii «Sodejstvie zanyatosti naseleniya» (prinyata postanovleniem Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 15 aprelya 2014 g. № 298): ofic. tekst: po sostoyaniyu na 30 marta 2017 g. // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2014. № 18. Ch. I. St. 2147.
12. Ob utverzhdenii normativov vremeni na raboty, vypolnyaemye rabotnikami gorodskikh (rajonnykh) centrov gosudarstvennoj sluzhby zanyatosti v usloviyakh avtomatizirovannoj obrabotki informacii, i normativov vremeni na raboty, vypolnyaemye rabotnikami gorodskikh (rajonnykh) centrov gosudarstvennoj sluzhby zanyatosti (prinyaty postanovleniem Ministerstva truda i social'noj zashchity Rossijskoj ot 9 oktyabrya 1995 g. № 57): ofic. tekst: po sostoyaniyu na 9 oktyabrya 1995 g. URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=133857.
13. Ob utverzhdenii plana meropriyatij na 2016–2020 gody po realizacii pervogo etapa Strategii dejstvij v interesakh grazhdan starshego pokoleniya v Rossijskoj Federacii do 2025 goda (prinyat rasporyazheniem Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 29 noyabrya 2016 g. № 2539-r). // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2016. № 50. St. 7125.
14. Ob utverzhdenii Plana meropriyatij po realizacii v 2016–2025 godakh Koncepcii ustojchivogo razvitiya korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka Rossijskoj Federacii (prinyato rasporyazheniem Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 25 avgusta 2016 g. № 1792-r). URL: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71375714/.
15. Ob utverzhdenii Polozheniya o Ministerstve truda i social'noj zashchity Rossijskoj Federacii (prinyato postanovleniem Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 19 iyunya 2012 g. № 610): ofic.

tekst: po sostoyaniyu na 5 iyulya 2017 g. // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2012. № 26. St. 3528.
16. Ob utverzhdenii Strategii dejstvij v interesakh grazhdan starshego pokoleniya do 2025 g. (prinyato rasporyazheniem Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 5 fevralya 2016 g. № 164-r. URL: https://lawnotes.ru/pravitelstvo/Rasporyazhenie-Pravitelstva-RF-ot-05.02.2016-N-164-r/.
17. Obshcherossijskaya baza vakansij «Rabota v Rossii»: razdel «Organy gosudarstvennoj sluzhby zanyatosti naseleniya». URL: https://trudvsem.ru/czn?_page=0&_regionCode=5000000000000.
18. Praktika realizacii dopolnitel'nykh meropriyatij v sfere zanyatosti naseleniya, napravlennykh na snizhenie napryazhennosti na rynkakh truda sub"ektov Rossijskoj Federacii: cocial'nyj byulleten'. 2015. Sentyabr'. № 3. M.: Analit. centr pri Pravitel'stve Ros. Fed., 2015. 33 s.
19. Rossijskij rynok truda: tendencii, instituty, strukturnye izmeneniya: doklad Centra trudovykh issledovanij i Laboratorii issledovanij rynka truda / pod red. V. Gimpel'sona, R. Kapelyushnikova, S. Roshchina. M.: NIU VShE, 2017. 148 s. URL: http://csr.ru/wp-content/uploads/2017/03/Doklad_trud.pdf.
20. Specialist po okazaniyu gosudarstvennykh uslug v oblasti zanyatosti naseleniya: prikaz Ministerstva truda i social'noj zashchity Rossijskoj Federacii ot 28 noyabrya 2016 goda № 676n // Rossijskaya gazeta. 2016. 9 dek.
21. Federal'nyj zakon «O zanyatosti naseleniya v Rossijskoj Federacii» (prinyat Verkhovnym Sovetom Rossijskoj Federacii 19 marta 1991 g.) // Byulleten' normativnykh aktov ministerstv i vedomstv Rossijskoj Federacii. 1992. № 1. S. 4–18.
22. Federal'nyj zakon Rossijskoj Federacii ot 30 noyabrya 2011 g. № 361-FZ «O vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii».

Библиографическое описание статьи / Reference to article

Малолетко А.Н., Пашин Н.П., Каурова О.В., Калмыков С.Б. Служба занятости населения: реагирование на современные вызовы // Социальная политика и социология. Т. 17. 2018. № 4 (129). С. 41–53. DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-4-41-53 (Библиографическое описание согласно российским стандартам).

Maloletko A.N., Pashin N.P., Kaurova O.V., Kalmykov S.B. Sluzhba zanyatosti naseleniya: reagirovanie na sovremennye vyzovy // Social'naya politika i sociologiya. T. 17. 2018. № 4 (129). S. 41–53. DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-4-41-53 (Reference in Roman script).

Maloletko, A.N., Pashin, N.P., Kaurova, O.V. & Kalmykov, S.B. (2018) Employment Service: Responding to Modern Challenges, *Social Policy and Sociology*. Vol. 17. No. 4 (129). P. 41–53. DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-4-41-53 (International bibliographic description).

Е.В. Потехина,
д-р экон. наук, профессор кафедры информатики и прикладной математики,
Российский государственный социальный университет,
Москва.
E.V. Potekhina,
doctor of economic sciences, professor of the department of informatics and applied mathematics, Russian State Social University, Moscow.
E-mail: elengapotechina@mail.ru

М.В. Фаминская,
канд. физ.-мат. наук, доцент кафедры информатики и прикладной математики,
Российский государственный социальный университет, Москва.
M.V. Faminskaya,
candidate of physical and mathematical sciences, associate professor of the department of informatics and applied mathematics, Russian State Social University, Moscow.
E-mail: faminskaya@mail.ru

УДК 330.3; 330.4; 338.27
DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-4-54-66

Моделирование бизнес-процессов на предприятиях розничной торговли

Modeling Business Processes at the Enterprises of Retail Outlets

Дата поступления	*Дата препринта*	*Дата публикации*
14.09.2018	20.11.2018	19.12.2018

Аннотация: *в данной статье на основе изучения рынка программных продуктов моделирования бизнес-процессов, предъявляемых к ним требований предлагается для выбора программного продукта использовать эффективный метод принятия решений, а именно метод анализа иерархий. Предлагается выбор критериев и сравнение некоторых популярных программных продуктов по каждому из этих критериев для моделирования бизнес-процесса в сфере малого бизнеса розничной торговли.*

Annotation: *in this article, based on the study of the market of software modeling of business processes, the requirements for them are proposed to select a software product to use an effective method of decision-making, namely the method of analysis of hierarchies. The choice of criteria and comparison of some popular software products for each of these criteria for modeling the business process in the sphere of small retail business are offered.*

Ключевые слова: *программное обеспечение, бизнес-моделирование, метод анализа иерархий.*
Key words: *software, business modeling, hierarchy analysis method.*

Введение. Основу современных рыночных отношений составляет конкуренция; вместе с тем существует способ, посредством которого можно как удерживать на плаву свой бизнес, так и начать с нуля свое успешное дело. Этот способ – грамотная организация бизнес-процессов (БП) своей организации. Сегодня модели бизнес-процесса разрабатываются с использованием следующих способов:

а) описание текстом;
б) построение таблиц;
в) графическое описание;

г) комбинации вышеуказанных способов (методологии специализированного программного продукта) [5].

Сейчас, учитывая уровень развития информационных технологий, уже неактуально вручную расписывать все бизнес-процессы, поэтому наиболее применяемо и быстро развивается построение бизнес-моделей с применением методологий специализированных программных продуктов, что подтверждается ростом числа автоматизирующих бизнес-процесс программных продуктов бизнес-моделирования (далее – ППБМ). Применение таких программ дает возможность руководителю не только построить детальную модель своего бизнеса, где четко представлен каждый бизнес-процесс, но и управлять ими, оценивая производительность, стоимость затрат, эффективность работы всех сотрудников и т.д.

Основная цель бизнес-моделирования – систематизация имеющейся информации о компании и происходящих внутри нее бизнес-процессах, представление полученной информации о них в удобной для аналитической обработки наглядной графической форме [11]. В построенной модели необходимо отражение структуры происходящих на предприятии бизнес-процессов, элементов их исполнения и последовательности текущего документооборота.

Главным достоинством моделирования рассматриваемых процессов выступает то, что появилась возможность увидеть, как всю деятельность предприятия в совокупности, так и его взаимосвязь с окружающей средой (другими предприятиями, учреждениями, поставщиками), и детально описать организацию трудового процесса на каждом отдельном рабочем месте.

Большое количество программных продуктов для успешного бизнес-моделирования имеет и свою обратную сторону – предпринимателям нелегко выбрать продукт, наиболее соответствующий их интересам. Основываясь на изучении рынка ППБМ и требований, предъявляемых к ним, предлагается при выборе программного продукта пользоваться эффективным методом принятия решений, конкретно – ***методом анализа иерархий***. В статье проводится выбор критериев и сравнительный анализ некоторых популярных программных продуктов для каждого из критериев при моделировании бизнес-процесса в сфере малого бизнеса розничной торговли, например цветочного магазина.

Методика. При практическом моделировании происходящих бизнес-процессов используют известные программные продукты, в основе которых лежат разные методологии современного моделирования, под которыми принято понимать совокупность графических элементов (нотаций), а также четких правил их применения.

Сегодня рынок продуктов для моделирования в достаточной мере обширен и предлагает потребителям широкий ассортимент программных продуктов, предоставляющих пользователям разнообразные функциональные возможности. Из всего многообразия существующих на сегодняшний день программ, можно выделить:

1) ARIS Express;
2) Business Studio;
3) ELMA;
4) Fox Manager;
5) Microsoft Visio.

Существующие программные продукты (ПП) бизнес-моделирования должны максимально соответствовать ряду критериев, чтобы удовлетворять потребность пользователя в качественном продукте (табл. 1).

Определим критерии, которые выступают, на наш взгляд, важными для малого бизнеса в сфере розничной торговли непродовольственными товарами. В основном это:

1) цена;
2) интерфейс;
3) быстрота и простота в установке;

Таблица 1

Критерии, предъявляемые к ППБМ

№ п/п	Критерий	Характеристика
1	Широта методологии	– Количество поддерживаемых методологий – Количество моделируемых систем управления
2	Технологические возможности	– Графическое отображение информации – Групповая работа – Настройки параметров проекта – Самостоятельная доработка ППБМ – Простота установки – Интеграция с другими продуктами – Устойчивость в работе – Защита информации – Управление правами пользователей – Хранение данных
3	Функциональность	– Формирование отчетов и регламентов – Синхронизация и интеграция бизнес-моделей – Возможность декомпозиции – Функции анализа – Управление изменениями – Проверка на ошибки и целостность – Публикация в WEB (HTML) бизнес-моделей – Информирование сотрудников о достижении показателей – Разработка новых моделей – Сбор и доведение показателей эффективности – Импорт информации в бизнес-модели
4	Коммуникативность	– Соответствие стандартам и рекомендациям в области моделирования бизнеса и менеджмента – Возможность адаптации к специфике бизнеса – Русификация – Интерфейс – Наличие специальной подготовки для работы с ПП – Оперативная поддержка и необходимая документации – Удобство работы
5	Цена	– Стоимость ППБМ (стоимость лицензий, стоимость сервера и т.п.) – Стоимость пользования и технической поддержки (оплата труда и подготовки (переподготовки) сотрудников – Зависимость стоимости труда работников от трудоемкости и сложности использования ПП

4) надежность программного продукта и устойчивость в работе;
5) возможности настроек программного продукта и параметров проекта;
6) формирование отчетов и регламентов, исходя из бизнес-модели;
7) наличие аналитических функций;
8) русификация.

Проведем анализ указанных выше программных продуктов на основе выбранных критериев.

ARIS Express – это программный продукт, используемый для моделирования, анализа и управления бизнес-процессами [15; 16]. Рассмотрим версию ARIS Express 2.4, которой пользуются не только начинающие предприниматели, но и крупные компании (МТС «Банк», «Сургутнефтегаз», «Enter Связной»). Преимущества программы: бесплатность, простота ин-

терфейса, несложная установка, возможность проведения стоимостного анализа, экспорт моделей в формате PDF. К недостаткам можно отнести: наличие интерфейса только на немецком и английском языках, отсутствие инструментов, формирующих отчеты, сбои в работе (проблемы с активацией, потеря данных, ошибки при сохранении моделей).

Возможности, предоставляемые пользователям программой Business Studio 4.2 Professional [4; 18]: использование нотаций моделирования бизнес-процессов, которые понятны работникам без дополнительного обучения, формирование регламентирующей документации, предоставление возможности проверки построенных бизнес-моделей на ошибки и целостность, удобный и простой русскоязычный интерфейс, надежность и техническая поддержка в течение года. Программу используют многие крупные компании («Альфа-Банк», «ИНВИТРО»). Недостатками программы являются: сложность установки, отсутствие возможности одновременного открытия нескольких окон для сравнения процессов.

Программа ELMA Community Edition предоставляет следующие возможности [19]: моделирование бизнес-процессов компании с помощью нотации BPMN 2.0. в виде простых схем, автоматизация и контроль бизнес-процессов, модуль электронного документооборота (ECM), а также модуль управления процессами продаж (CRM). Она обеспечена простым и удобным русскоязычным интерфейсом, который может настраиваться под конкретного сотрудника или группу сотрудников, есть возможность бесплатного пользования полнофункциональной версией программы. Недостатки программы: отсутствие технической поддержки у бесплатной версии, трудности при установке, невозможность декомпозиции бизнес-процесса. Программу используют: банк «Агророс», компания «Градиент», «Балтийская Перевозочная Компания».

Используя последнюю версию Fox Manager 2.5 BPA [20], можно производить анализ, синтез и оптимизацию бизнес-модели, контролировать работу организации. К достоинствам программы можно отнести: небольшую стоимость, наличие удобного и простого русскоязычного интерфейса, большое количество шаблонов, существенно сокращающих время построения бизнес-моделей, простоту установки. С программой работает очень большое количество пользователей. Проведенный анализ работы программы выявил следующие недостатки: средняя устойчивость в работе, по результатам опроса пользователей программы, недостаточные настройки модели под некоторые индивидуальные и специфические задачи крупных корпораций.

Программный продукт Microsoft Office Visio 16.0 [21] осуществляет визуализацию разных деловых и технических задач посредством обычных графических средств. Достоинствами являются: простота освоения, надежность, гарантированная компанией Microsoft, удобный русскоязычный интерфейс, возможность работы с изображениями, видеофайлами и звуками, как из коллекции Microsoft Office, так и сторонними. К недостаткам можно отнести следующее: не предусмотрена возможность составления отчетов на основе описанных бизнес-процессов, проведения стоимостного анализа; недостаточная интеграция и синхронизация бизнес-модели; отсутствие возможности разработки бизнес-модели с помощью декомпозиции.

Выбранные программы в разной мере соответствуют запросам каждого пользователя и конкретным видам деятельности. Определить программу, обладающую преимуществами по всем критериям, не представляется возможным. Каждая программа имеет свои достоинства и недостатки. Всё это обусловливает возникновение многокритериальной задачи о выборе ППБМ. Для решения используем один из методов принятия решений – метод анализа иерархий (далее – МАИ), разработанный американским математиком Томасом Саати [11; 12], который нашел применение в разных областях деятельности: от управления персоналом до анализа рисков информационной безопасности [1; 2]. Для данного метода характерна эффективность и возможность решать слабоструктурированные задачи по принятию решения. Суть МАИ заключается в декомпозиции проблемы на более простые части, составляющие, нахождении отношений между ними и дальнейшем проведении ее синтеза [3; 5]. Так формируется иерархия задачи в МАИ. На вершине находится главная цель, следом – незави-

симые критерии оценки имеющихся ниже альтернатив, на третьем (самом нижнем) уровне находятся альтернативы, среди которых нужно выбрать ту, которая наилучшим образом отвечает критериям. В нашем случае иерархия представлена на рисунке 1.

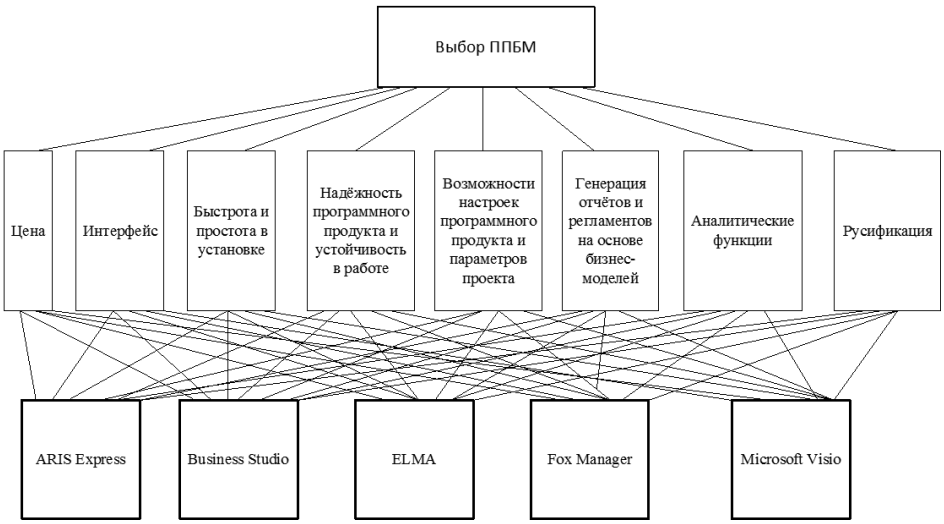

Рис. 1. **Представление задачи в виде иерархии**

Анализ проводится в несколько шагов. На первом шаге МАИ составляются матрицы парных сравнений для критериев (далее – МПСК), исходя из поставленной цели. Матрица строится на основе качественной шкалы [11; 12], описанной в таблице 2. Значение элемента a_{ij} находится через сравнение критерия *i* и критерия *j*. Если критерий *i* получается более значимым, то целые значения определяем к элементу a_{ij}. Элемент a_{ji} имеет в данном концепте обратные значения $1/a_{ij}$.

Таблица 2

Качественная шкала метода анализа иерархий

Важность критерия	**Определение**	**Комментарий**
1	Критерии одинаковой важности	Критерии вносят равный вклад в решение задачи для достижения цели
3	Критерии, слабо отличающиеся по своей значимости	Практика и опыт отдают небольшое предпочтение одному из критериев
5	Критерии, существенно отличающиеся по своей значимости	Практика и опыт отдают значительное предпочтение одному из критериев
7	Очевидное превосходство значимости одного из критериев перед другими	Бесспорное превосходство одного критерия над другим
9	Абсолютная значимость	Полное и убедительное превосходство одного критерия над остальными
2, 4, 6, 8	Пограничные между соседними шкалами значения критериев	Компромиссные решения в возникающих ситуациях
	Обратные значения сравнения критериев	Имея при сравнении критерия *i* с критерием *j* одно из вышеуказанных значений, получим обратную величину как результат отношения критерия *j* к критерию *i*

Затем находится вектор приоритетов для МПСК. Для чего решается задача определения собственного вектора *X* для максимального (наибольшего) собственного значения $\lambda_{\max}$ матрицы парных сравнений А размером $n \times n$ (n=8), при этом собственный вектор необходимо нормировать на единицу.

Далее проводится проверка транзитивной согласованности построенной матрицы парных сравнений (далее – МПС). Под кардинальной несогласованностью имеется в виду следующая ситуация. Существует объект А: он в 2 раза лучше объекта В, в свою очередь, объект В лучше объекта С в 4 раза, следовательно, объект С хуже объекта А в 8 раз. Нарушение этого условия говорит о транзитивной несогласованности оценок МПС. Для этого рассчитываются индекс согласованности (далее – ИС):

$$ИС = \frac{\lambda_{max} - n}{n-1}$$

и отношение согласованности (далее – ОС):

$$\text{ОС} = \frac{ИС}{CIS},$$

где *CIS* – среднее значение (математическое ожидание). Эти значения были рассчитаны в лаборатории Окриджа для матриц размерностью от 1 до 15 на базе 100 случайных выборок [11] (табл. 3).

Таблица 3

Таблица средних значений

n	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
CIS	0	0	0,58	0,9	1,12	1,24	1,32	1,41	1,45	1,49

В представленном методе считают, что показатель ОС не должен быть более 0,1–0,2 (10–20%) [3]. Чем больше число критериев, тем выше порог, который недопустимо превышать. Если это не выполняется, то необходимо оценить транзитивную согласованность полученной МПС и снова повторить указанные шаги. Важно помнить, что добиваться абсолютной согласованности матрицы оценок не имеет смысла, иначе, чтобы значение ОС=0, вполне достаточно нахождение этого показателя в вышеуказанных пределах.

Далее спускаемся по иерархии на одну ступень ниже, и для каждого критерия следует построить свою обратно-симметричную матрицу парных сравнений альтернатив (далее – МПСА) A_j (j – номер критерия) размером $m \times m$, где m – число альтернатив, m=5. Матрица строится с использованием представленной в таблице, аналогичной таблице 2 качественной шкалой. Количество построенных матриц равно числу критериев.

Для каждой МПСА A_j находится вектор приоритетов, т.е. для каждой указанной матрицы A_j формируется собственный вектор Φ_j для максимального (наибольшего) собственного значения $\lambda_{\max}^{(j)}$, где собственный вектор необходимо нормировать на единицу.

Для каждой МПСА также требуется проверка на согласованность, т.е. вычисляются индексы согласованности (ИС): $ИС = \frac{\lambda_{max} - m}{m-1}$ для каждого $\lambda_{\max}^{(j)}$, и отношение согласованности $\text{ОС} = \frac{ИС}{CIS}$, причем требуется, чтобы получилось $\text{ОС} \le 0{,}1$. Если этого не происходит, то проверяется транзитивная согласованность полученной МПС и указанные шаги повторяются вновь.

Для проведения сравнительного анализа альтернатив следует построить вектор приоритетов всей полученной иерархии. Для чего: а) составляется матрица приоритетов альтернатив (далее – МПА) размером $m \times n$, по отношению к критериям Ψ ее столбцами выступают

векторы приоритетов $\Phi_1,...,\Phi_m$; б) умножается матрица Ψ справа на вектор приоритетов критериев *X*, и получается вектор приоритетов альтернатив по отношению к цели $v = \Psi \cdot X$, имеющий длину *m*; в) в полученном векторе выбирается максимальный (наибольший) элемент. Его номер указывает нужную альтернативу.

На последнем шаге следует провести проверку построенной иерархии на согласованность. Для чего используем индекс согласованности иерархии:

$$M = IC_0 + W \cdot IC_1,$$

где: IC_0 – индекс согласованности верхнего уровня для критериев;

IC_1 – вектор, представленный индексами согласованности нижнего уровня для альтернатив.

Сравним *M* со случайным индексом $\overline{M} = CI_0 + W \cdot CI_1$,

где: CI_0 – случайный индекс для верхнего уровня, определяемый числом критериев верхнего уровня *n*,

CI_1 – вектор, имеющий одинаковые элементы, равные случайному индексу для нижнего уровня, определяемый числом альтернатив *m*.

Определим согласованность построенной иерархии по формуле

$$OC = \frac{M}{\overline{M}},$$

Желательно, чтобы полученное значение не превышало 10%.

Следует отметить, что метод анализа иерархий в значительной мере приближен к алгоритму принятия решения живым человеком: он представляет возможность не только выбрать самое грамотное решение, но и выразить количественно посредством рейтинговой шкалы степень предпочтительности.

Нахождение вектора приоритетов и максимального собственного значения проводилось в программе Excel. Значения рассчитываются приближенно, что вполне достаточно. Метод, дающий наилучшее приближение, – это метод, описанный в книге Саати [11, с. 24]. Для этого для каждой матрицы парных сравнений следует перемножить элементы каждой строки с последующим извлечением корня $E_i = \sqrt[n]{\prod_j a_{ij}}$ (*n* – размерность матрицы, *i* – номер строки) и нормализовать результаты:

$$W_i^E = \frac{E_i}{\sum_i E_i}.$$

Для определения максимального собственного значения следует сложить элементы матрицы парных сравнений по строчкам и получим для каждого столбца *j* значение S_j и

$$\lambda_{\max} = \sum_i S_i \cdot W_i^E.$$

Результаты. Метод анализа иерархий был применен для выбора программного продукта из выбранных выше пяти программ и обозначаемых далее:

N1 – ARIS 2.4;

N2 – Business Studio 4.2 Professional;

N3 – ELMA Community Edition;

N4 – Fox Manager 2.5 BPA;

N5 – Microsoft Office Visio 16.0 Professional.

В таблице 4 расставим восемь критериев в порядке убывания важности, которая, по нашим представлениям, соответствует ведению малого бизнеса в розничной торговле непродовольственными товарами.

Таблица 4

Таблица выбранных критериев и их порядок

Обозначение критерия	Критерий	Порядок
А1	Надежность программного продукта и устойчивость в работе	1
А2	Цена	2
А3	Возможности настроек программного продукта и параметров проекта	3
А4	Формирование отчетов и регламентов на основе бизнес-моделей	4
А5	Функции анализа	5
А6	Интерфейс	6
А7	Быстрота и простота в установке	7
А8	Русификация	8

Для составления матрицы парных сравнений согласно качественной шкале, представленной в таблице 2, воспользуемся разницей в выбранном порядке расстановки критериев, считая, что степень важности в парных сравнениях равна разности в порядке расстановки критериев.

На основании значений таблицы 4 построена матрица парных сравнений для критериев, а по ней – вектор приоритетов.

Таблица 5

Матрица парных сравнений и вектор приоритетов для критериев

	А1	А2	А3	А4	А5	А6	А7	А8	Вектор приоритетов
А1	**1**	2	3	4	5	6	7	8	**0,325**
А2	1/2	**1**	2	3	4	5	6	7	0,23
А3	1/3	1/2	**1**	2	3	4	5	6	0,157
А4	1/4	1/3	1/2	**1**	2	5	4	7	0,118
А5	1/5	1/4	1/3	1/2	**1**	2	3	4	0,071
А6	1/6	1/5	1/4	1/5	1/2	**1**	2	3	0,045
А7	1/7	1/6	1/5	1/4	1/3	1/2	**1**	2	0,032
А8	1/8	1/7	1/6	1/7	1/4	1/3	1/2	**1**	0,022
ИС =	0,136		ОС =	**0,096**					

Индекс согласованности IC=0,096, что говорит о согласованном построении матрицы парных сравнений для критериев.

На следующем этапе следует построить матрицы парных сравнений для альтернатив – выбранных пяти программ по каждому критерию.

Для оценки программы по критерию А1 (Надежность программного продукта и устойчивость в работе) и А4 (Генерация отчетов и регламентов на основе бизнес-моделей) выбирались три значения: «2» – хорошая работа, «1» – средняя, «0» – наличие данных о недостатках программ по данному критерию.

Для оценки программы по критерию А3 (Возможности настроек программного продукта и параметров проекта), А5 (Аналитические функции), А6 (Русификация) выбирались два значения: «1» – наличие возможности и «0» – отсутствие возможности.

Для оценки программы по критерию А7 (Интерфейс) выбирались следующие значения: «3» – очень удобен и прост в освоении для пользователя, «2» – есть определенные трудности при работе, «1» – в освоении сложен для пользователя.

Для оценки программы по критерию А8 (Быстрота и простота в установке) выбирались три значения: «3» – программа устанавливается быстро и просто, «2» – возникают некоторые сложности с установкой, «1» – установка программы сложна.

Определение степени важности согласно качественной шкале таблицы 2 для каждого критерия представлено в таблице 6.

Таблица 6

Степень важности для альтернатив относительно каждого критерия

	А1		А2		А3		А4		А5		А6		А7		А8	
N1	1		0		1		0		0		0		2		2	
N2	2		51000		1		2		1		1		1		1	
N3	2		0		0		2		1		1		2		2	
N4	1		3000		1		2		1		1		3		3	
N 5	2		33000		0		1		1		1		3		3	
	разница	важность	разница	важность	разница	важность	разница	важность	разница	важность	разница	важность	разница	важность	разница	важность
	0	1	0-500	1	0	1	0	1	0	1	0	1	0	1	0	1
	1	3	500-5000	3	1	9	1	3	1	9	1	9	1	3	1	3
	2	5	5000-15000	5			2	5					2	5	2	5
			15000-30000	7												
			более 30000	9												

Матрицы парных сравнений с полученными векторами приоритетов для каждого критерия, которые рассчитаны по приведенной выше методике, представлены в таблице 7.

Таблица 7

Матрицы парных сравнений для альтернатив и векторы приоритетов для каждого критерия

А1	N1	N2	N3	N4	N5	Вектор приоритетов	ИС=	0
N1	**1**	1/3	1	1	1/3	0,111	ОС=	**0**
N2	3	**1**	3	3	1	**0,333**		
N3	1	1/3	**1**	1	1/3	0,111		
N4	1	1/3	1	**1**	1/3	0,111		
N5	3	1	3	3	**1**	**0,333**		
А2	N1	N2	N3	N4	N5	Вектор приоритетов	ИС=	0,08915
N1	**1**	9	1	3	9	**0,372**	ОС=	**0,079598**
N2	1/9	**1**	1/9	1/9	1/7	0,022		
N3	1	9	**1**	3	9	**0,372**		
N4	1/3	9	1/3	**1**	7	0,183		
N5	1/9	7	1/9	1/7	**1**	0,051		
А3	N1	N2	N3	N4	N5	Вектор приоритетов	ИС=	0
N1	**1**	1	9	1	9	0,31	ОС=	**0**

Окончание таблицы 7

N2	1	**1**	9	1	9	0,31		
N3	1/9	1/9	**1**	1/9	1	**0,034**		
N4	1	1	9	**1**	9	0,31		
N5	1/9	1/9	1	1/9	**1**	**0,034**		
A4	N1	N2	N3	N4	N5	Вектор приоритетов	ИС=	0
N1	**1**	1/3	1/3	1/3	1	0,091	ОС=	**0**
N2	3	**1**	1	1	3	**0,273**		
N3	3	1	**1**	1	3	**0,273**		
N4	3	1	1	**1**	3	**0,273**		
N5	1	1/3	1/3	1/3	**1**	0,091		
A5	N1	N2	N3	N4	N5	Вектор приоритетов	ИС=	0
N1	**1**	1/3	1/3	1/3	1	0,091	ОС=	**0**
N2	3	**1**	1	1	3	**0,273**		
N3	3	1	**1**	1	3	**0,273**		
N4	3	1	1	**1**	3	**0,273**		
N5	1	1/3	1/3	1/3	**1**	0,091		
A6	N1	N2	N3	N4	N5	Вектор приоритетов	ИС=	0
N1	**1**	1/9	1/9	1/9	1/9	0,027027	ОС=	0
N2	9	**1**	1	1	1	0,243243		
N3	9	1	**1**	1	1	0,243243		
N4	9	1	1	**1**	1	0,243243		
N5	9	1	1	1	**1**	0,243243		
A7	N1	N2	N3	N4	N5	Вектор приоритетов	ИС=	0,006263
N1	1	1/5	1/5	1/3	**1/5**	0,05	ОС=	0,005592
N2	5	1	1	3	**1**	0,28		
N3	5	1	1	3	**1**	0,28		
N4	3	1/3	1/3	1	**1/3**	0,106		
N5	5	1	1	3	**1**	0,28		
A8	N1	N2	N3	N4	N5	Вектор приоритетов	ИС=	0,01117
N1	**1**	3	1	1/3	1/3	0,128928752	ОС=	0,009973
N2	1/3	**1**	1/3	1/5	1/5	0,05436727		
N3	1	3	**1**	1/3	1/3	0,128928752		
N4	3	5	3	**1**	1	0,343887613		
N5	3	5	3	1	**1**	0,343887613		

Из векторов приоритетов для альтернатив по каждому критерию составляем матрицу и умножаем ее на вектор приоритетов таблицы 5. В результате получим вектор приоритетов всей построенной иерархии (табл. 8).

Таблица 8

Вектор приоритетов построенной иерархии

Альтернативы	Вектор приоритетов иерархии
N1	0,1932
N2	**0,235**
N3	0,2012
N4	0,2002
N5	0,1704

Наибольшая координата в векторе приоритетов показывает альтернативу, которую необходимо выбрать, – Business Studio 4.2 Professional. Проведенный далее расчет индекса согласованности всей построенной иерархии дал значение ОС=0,01.

Обсуждение. Представленный анализ подтвердил, что, используя метод анализа иерархий, можно выявить преимущество одной из альтернатив, в частности программу Business Studio 4.2 Professional. Заметим, что не по всем приведенным критериям эта программа имеет преимущество перед другими, но в итоге при заданной иерархии критериев она оказалась лучшей, и она действительно используется многими компаниями.

Заключение. Проведенный анализ показал, что метод анализа иерархий может служить удобным и надежным инструментом при принятии решения в выборе альтернативы по нескольким критериям, т.е. при решении многокритериальной задачи выбора. Выбранная иерархия критериев по желанию может быть изменена, но, если построение матрицы парных сравнений проводить на основании сравнения важности альтернатив и критериев по описанной выше методике, метод позволяет достаточно надежно и правильно выбирать самую подходящую альтернативу.

Список литературы

1. Абакаров А.Ш., Иванов А.Ю., Сушков Ю.А. Об одном подходе к управлению персоналом фирмы // Бесплатная интернет-библиотека. URL: http://net.knigi-x.ru/24raznoe/461721-1-ob-odnom-podhode-upravleniyu-personalom-firmi-abakarov-ash1-ivanov-ayu2-sushkov-yua3-annotaciya-rabote-pr.php.
2. Аникин И.В. Метод анализа иерархий в задачах оценки и анализа рисков информационной безопасности // Вестник Казанского государственного технического университета им. А.Н. Туполева. 2006. № 3. С. 11–18.
3. Баженов Р.И. О методике преподавания метода анализа иерархий в курсе «Информационная безопасность и защита информации» // Современные научные исследования и инновации. 2014. № 4. Ч. 2. URL: http://web.snauka.ru/issues/2014/04/33202.
4. Бизнес-студио // Диалог. М., 2010–2017. URL: http://www.dialogsoft.ru/products/business_studio/program.php.
5. Варзунов А.В., Торосян Е.К., Сажнева Л.П. Анализ и управление бизнес-процессами: учеб. пособие. СПб.: Изд-во Ун-та ИТМО, 2016. 14 с.
6. Метод анализа иерархий // Сущность и содержание анализа иерархий. М., 2014–2017. URL: http://helpiks.org/6-24015.html.
7. Моделирование бизнес-процессов // Менеджмент качества. М., 2007–2017. URL: http://www.kpms.ru/Automatization/BPM.htm.
8. Потехина Е.В. Финансирование системы высшего образования в современных условиях: магистральные направления модернизации // Социальная политика и социология. Т. 16. 2017. № 3 (122). С. 41–50.
9. Репин В.В. Бизнес-процессы. Моделирование, внедрение, управление. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. 502 с.
10. Репин В.В. Сравнительный анализ ARIS/IDEF и продуктов, их поддерживающих (ARIS Toolset/BPWin). М., 2015. URL: https://iteam.ru/publications/it/section_51/article_2518.
11. Саати Т. Принятие решений. Метод анализа иерархий / пер. с англ. Р.Г. Вачнадзе. М.: Радио и связь, 1993. 278 с.

12. Тихомирова А.Н., Сидоренко Е.В. Модификация метода анализа иерархий Т. Саати для расчета весов критериев при оценке инновационных проектов // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 2. URL: http://ru.solverbook.com/spravochnik/matricy/sobstvennye-vektory-sobstvennye-znacheniya-matricy/.
13. Федоров И.Г. Моделирование бизнес-процессов в нотации BPMN 2.0. М.: МЭСИ, 2013. 264 с.
14. Цуканова О.А. Методология и инструментарий моделирования бизнес-процессов: учеб. пособие. СПб.: Изд-во Ун-та ИТМО, 2015.
15. ARIS Community. URL: http://www.ariscommunity.com/aris-express.
16. BmSoft – информационный портал программных продуктов для моделирования бизнес-процессов. URL: http://bpmsoft.org/aris-express/.
17. Business Process Model and Notation (BPMN). URL: http://www.oatsolutions.com.br/artigos/SpecBPMN_v2.pdf
18. Business Studio – система бизнес-моделирования. URL: http://www.businessstudio.ru/.
19. ELMA – система управления бизнес-процессами и эффективностью. URL: https://www.elma-bpm.ru/.
20. Fox Manager – управление бизнес-процессами. URL: http://www.fox-manager.com.ua/.
21. Microsoft Office Visio 16.0. URL: https://microsoft-office-visio.software.informer.com/.

References

1. Abakarov A.Sh., Ivanov A.Yu., Sushkov Yu.A. Ob odnom podkhode k upravleniyu personalom firmy // Besplatnaya internet-biblioteka. URL: http://net.knigi-x.ru/24raznoe/461721-1-ob-odnom-podhode-upravleniyu-personalom-firmi-abakarov-ash1-ivanov-ayu2-sushkov-yua3-annotaciya-rabote-pr.php.
2. Anikin I.V. Metod analiza ierarkhij v zadachakh ocenki i analiza riskov informacionnoj bezopasnosti // Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta im. A.N. Tupoleva. 2006. № 3. S. 11–18.
3. Bazhenov R.I. O metodike prepodavaniya metoda analiza ierarkhij v kurse «Informacionnaya bezopasnost' i zashchita informacii» // Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovacii. 2014. № 4. Ch. 2. URL: http://web.snauka.ru/issues/2014/04/33202.
4. Biznes-studio // Dialog. M., 2010–2017. URL: http://www.dialogsoft.ru/products/business_studio/program.php.
5. Varzunov A.V., Torosyan E.K., Sazhneva L.P. Analiz i upravlenie biznes-processami: ucheb. posobie. SPb.: Izd-vo Un-ta ITMO, 2016. 14 s.
6. Metod analiza ierarkhij // Sushchnost' i soderzhanie analiza ierarkhij. M., 2014–2017. URL: http://helpiks.org/6-24015.html.
7. Modelirovanie biznes-processov // Menedzhment kachestva. M., 2007–2017. URL: http://www.kpms.ru/Automatization/BPM.htm.
8. Potekhina E.V. Finansirovanie sistemy vysshego obrazovaniya v sovremennykh usloviyakh: magistral'nye napravleniya modernizacii // Social'naya politika i sociologiya. T. 16. 2017. № 3 (122). S. 41–50.
9. Repin V.V. Biznes-processy. Modelirovanie, vnedrenie, upravlenie. M.: Mann, Ivanov i Ferber, 2013. 502 s.
10. Repin V.V. Sravnitel'nyj analiz ARIS/IDEF i produktov, ikh podderzhivayushchikh (ARIS Toolset/BPWin). M., 2015. URL: https://iteam.ru/publications/it/section_51/article_2518.
11. Saati T. Prinyatie reshenij. Metod analiza ierarkhij / per. s angl. R.G. Vachnadze. M.: Radio i svyaz', 1993. 278 s.
12. Tikhomirova A.N., Sidorenko E.V. Modifikaciya metoda analiza ierarkhij T. Saati dlya rascheta vesov kriteriev pri ocenke innovacionnykh proektov // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. 2012. № 2. URL: http://ru.solverbook.com/spravochnik/matricy/sobstvennye-vektory-sobstvennye-znacheniya-matricy/.
13. Fedorov I.G. Modelirovanie biznes-processov v notacii BPMN 2.0. M.: MESI, 2013. 264 s.
14. Cukanova O.A. Metodologiya i instrumentarij modelirovaniya biznes-processov: ucheb. posobie. SPb.: Izd-vo Un-ta ITMO, 2015.
15. ARIS Community. URL: http://www.ariscommunity.com/aris-express.
16. BmSoft – informacionnyj portal programmnykh produktov dlya modelirovaniya biznes-processov. URL: http://bpmsoft.org/aris-express/.
17. Business Process Model and Notation (BPMN). URL: http://www.oatsolutions.com.br/artigos/SpecBPMN_v2.pdf

18. Business Studio – sistema biznes-modelirovaniya. URL: http://www.businessstudio.ru/.
19. ELMA – sistema upravleniya biznes-processami i effektivnost'yu. URL: https://www.elma-bpm.ru/.
20. Fox Manager – upravlenie biznes-processami. URL: http://www.fox-manager.com.ua/.
21. Microsoft Office Visio 16.0. URL: https://microsoft-office-visio.software.informer.com/.

Библиографическое описание статьи / Reference to article

Потехина Е.В., Фаминская М.В. Моделирование бизнес-процессов на предприятиях розничной торговли // Социальная политика и социология. Т. 17. 2018. № 4 (129). С. 54–66. DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-4-54-66 (Библиографическое описание согласно российским стандартам).

Potekhina E.V., Faminskaya M.V. Modelirovanie biznes-processov na predpriyatiyakh roznichnoj torgovli // Social'naya politika i sociologiya. T. 17. 2018. № 4 (129). S. 54–66. DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-4-54-66 (Reference in Roman script).

Potekhina, E.V. & Faminskaya, M.V. (2018) Modeling Business Processes at the Enterprises of Retail Outlets, *Social Policy and Sociology*. Vol. 17. No. 4 (129). P. 54–66. DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-4-54-66 (International bibliographic description).

Б.В. Салихов,
д-р экон. наук, профессор; профессор кафедры теории регионоведения Московского государственного лингвистического университета; профессор кафедры экономики городского хозяйства и сферы обслуживания Московского университета им. С.Ю. Витте, Москва.
B.V. Salikhov,
doctor of economic sciences, professor; professor of theory regional studies department of the Moscow state linguistic University; Professor of urban economics and service areas department of the Moscow University named after S.Y. Vitte, Moscow.
E-mail: mgsusalikhov@yandex.ru

УДК 330.16
DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-4-67-75

Качественная целостность дивергентного мышления предпринимателя в современной цифровой экономике

Qualitative Integrity of Divergent Thinking of an Entrepreneur in the Modern Digital Economy

Дата поступления	*Дата препринта*	*Дата публикации*
04.09.2018	20.11.2018	19.12.2018

Аннотация: *предметом статьи является анализ качественной целостности элементов дивергентного мышления предпринимателя. Цель исследования заключается в системно-интеграционной декомпозиции дивергентных мыслительных компетенций экономического агента как императива в условиях современной цифровой экономики. Методологическим основанием исследования является системная парадигма, а также междисциплинарный подход к характеристике качественных свойств дивергентного мышления предпринимателя. Основные результаты работы: предложена трактовка качественной целостности дивергентного мышления, а также дана его декомпозиция в рамках подсистем объекта, среды, проекта, процесса и субъекта. Научная новизна статьи заключается: в использовании системно-интеграционного подхода к анализу качественных свойств дивергентного мышления предпринимателя; в обосновании вывода о необходимости формирования «критической массы» логически связанных, целостных свойств дивергентного мышления предпринимателя. Научно-практическое значение статьи состоит в обосновании необходимости целостного, системно-интеграционного подхода к формированию и развитию данного мышления. Результаты исследования могут использоваться при решении задач повышения эффективности креативного капитала экономического агента любого уровня.*

Annotation: *the subject of the article is the analysis of the qualitative integrity of the elements of the divergent thinking of an entrepreneur. The purpose of the study is to systematically integrate the decomposition of the divergent thinking competencies of an economic agent as an imperative in the modern digital economy. The methodological basis of the study is a systemic paradigm, as well as an interdisciplinary approach to the characterization of the qualitative properties of the divergent thinking of an entrepreneur. The main results of the work: the interpretation of the qualitative integrity of divergent thinking was proposed, as well as its decomposition was given in the framework of the subsystems of the object, environment, project, process and subject. The scientific novelty of the article is: in the use of the system-integration approach to the analysis of the qualitative properties of the divergent thinking of an entrepreneur; in justifying the conclusion about the need to form a «critical mass» of the logically related, holistic properties of the divergent thinking of an entrepreneur. The scientific and practical significance of the article is to justify the need for a holistic, system-integrative approach to the formation and development of this thinking. The results of the study can*

be used in solving problems of increasing the efficiency of the creative capital of an economic agent of any level.

Ключевые слова: *дивергентное мышление, качественная целостность, системно-интеграционный метод, цифровая экономика, инновации.*

Key words: *divergent thinking, qualitative integrity, system-integration method, digital economy, innovations.*

Введение. Ключевым признаком цифровой экономики является, как известно, масштабное и глубокое использование цифровых технологий в рамках всех фаз индивидуального и общественного воспроизводства [8]. Названные технологии приводят к повышению интенсивности когнитивного и информационного пространства, возникновению и тиражированию новых источников знания, формированию и развитию множества сетевых форм дискурса и других механизмов обмена-общения [3; 4]. Цифровые технологии вызвали к жизни такие явления, как краудсорсинг, краудинвестинг и краудфандинг; обеспечили условия для дарообмена на рынке знаний, а также других товаров и услуг [1; 24]; ускорили процесс трансформации неявного знания в конечные продукты, минуя стадию формализации нового знания [18]; привели к возникновению такого феномена, как когнитивные технологии, воссоздающие базы знаний [6]; создали условия для повышения эффективности самообучения в рамках домохозяйств и предприятий; и т.д. [22]. В этой ситуации существенно возрастают требования к дивергентному мышлению [9], призванному обеспечить предпринимателю высокую эффективность механизма расширенного воспроизводства новых идей и знаний как когнитивной основы масштабного и непрерывного воссоздания инноваций [28].

Методология и методика. Методологическим основанием и «дисциплинарной матрицей» [13] исследования является системная парадигма, а также структурно-генетический и функциональный подход к выявлению качественных свойств дивергентного мышления предпринимателя. Такая методологическая дисперсность обусловлена междисциплинарной природой дивергентного мышления, под которым понимается ценностно ориентированная компетенция мыслить одновременно, «вокруг» и «по существу», исследовать объект под разными «углами зрения», предлагая множество вариантов решения одной проблемы [9]. Кроме того, в исследовании используются логико-гносеологический анализ и последующий синтез различных элементов дивергентного мышления, а также применяются такие методические исследовательские формы, как научное абстрагирование, диалектика общего, особенного и единичного. Методическим «фокусом» является системно-интеграционный подход к исследовательской актуализации и характеристике дивергентного мышления как системного проявления уникального, прежде всего непередаваемого неявного, знания [18]. Системно-интеграционный метод как бытие методологии системной парадигмы предполагает четкую фиксацию качественных свойств дивергентного мышления предпринимателя применительно к творческому восприятию и эвристическому конструированию следующих комплементарных ***подсистем*** современного предприятия: *объекта, среды, проекта, процесса и субъекта* [15]. Следовательно, методическая эффективность исследования непосредственно связана с выявлением и развитием таких свойств дивергентного мышления, которые охватывают все названные подсистемы, причем в их комплементарном и когерентном единстве.

Обсуждение и результаты. Очевидно, что существующего понимания дивергентного мышления, прежде всего, как способности к моделированию будущего и производству различных вариантов решения какой-либо социально-экономической задачи на основе творческого воображения уже не достаточно [26]. В условиях цифровой и поведенческой экономики требуется развернутый перечень его свойств и характеристик, обусловленных прежде всего растущей когнитивизацией социально-экономического пространства и превращением предприятий в открытые системно-интеграционные хозяйственные системы [11]. *Новое качество дивергентного мышления* заключается в развернутой и одновремен-

но системно-интеграционной его характеристике, обусловленной потребностями высокой скорости производства новых идей, обеспечивающих воссоздание не столько масштабных и непрерывных, сколько *радикальных инноваций*. Общий перечень качественных свойств дивергентного экономического мышления, как это следует из результатов соответствующих исследований [9], декомпозируется в следующие основные элементы.

В рамках подсистем объекта и среды резонно выделить следующие качественные свойства, или компетенции, дивергентного мышления предпринимателя. *Во-первых, это исследовательская гибкость мышления как способность, в том числе и интуитивно-эвристическая, к выявлению и формализации сущностных социально-экономических проблем, то есть умение «погружаться в сущность» и «видеть» главное* на основе анализа глубинных противоречий в рамках какого-либо объектного пространства и предметного «поля». Здесь имеет место как бы «дивергентность наизнанку»: используется большой массив исходной информации и знаний для постановки нескольких важных проблем с последующим выявлением главной проблемы как сущностного основания для рабочей гипотезы предполагаемого исследования. Любой сущностный вывод всегда есть интегральный результат множества слагаемых в форме определенных институциональных условий и соответствующих социально-экономических и других факторов [27].

Например, для точной институциональной оценки делового климата региона, а также для полной характеристики инвестиционной привлекательности конкретной сферы экономической деятельности предпринимателю необходимо не только учесть множество условий и факторов, но и выделить среди них главные, то есть сущностные. Для этого ему сначала необходимо «свести воедино» формальные и неформальные институты, а также социально-политические, ценностно-смысловые и когнитивные аспекты деятельности, функционирующие сетевые, маркетинговые, финансовые и различные другие элементы хозяйственных отношений. При этом какой-нибудь едва «уловимый» элемент, не позволивший выявить и четко артикулировать проблему, может оказаться важнейшим для данной экономической ситуации. В частности, недостаточно глубокий анализ институциональной ценностно-смысловой специфики российской экономики является причиной перманентного отторжения многих элементов «институционального импорта» [17].

Во-вторых, это спонтанная гибкость мышления, то есть способность к видению какого-либо объекта под разными углами зрения, что позволяет воссоздавать идеи и новые знания в нерегламентированной, порой искусственно созданной ситуации. Под спонтанной гибкостью мышления здесь понимается способность предпринимателя к преодолению так называемой функциональной фиксированности, его умение быстро и легко переходить от одного класса явлений к другому, что вполне соответствует императивам креативного мышления и требованиям «бизнеса со скоростью мысли» [5]. Отсутствие названного умения исследователи называют ригидностью (инертностью) мышления, что едва ли соответствует потребностям развития цифровой экономики. Ригидность мышления приводит к «консервации» прежних идей; она является интеллектуальной «таможней» для новых знаний и закрепляет приверженность предпринимателя институциональной траектории предшествующего развития (path dependence) [16].

Спонтанная гибкость дивергентного мышления предпринимателя есть также его способность воспроизводить идеи посредством мыслительного *«механизма отдаленных ассоциаций»*. Можно, к примеру, представить корпоративные финансовые потоки как «кровеносную систему» человеческого организма, а систему внутрифирменного управления рассматривать как его «нервную систему» со всеми возможными мыслительными параллелями. Систему внутрифирменного и межфирменного доверия резонно характеризовать как «ребра жесткости» общей организационной конструкции предприятия. Экономический рост фирмы можно ассоциировать с развитием живых организмов, что, возможно, позволит отчетливо увидеть факторы роста добавленной стоимости либо, напротив, механизма торможения [2].

В-третьих, это *«беглая легкость» и высокая скорость генерирования новых идей в рамках решения конкретных воспроизводственных задач*. Причем дивергентное мышление призвано генерировать новые идеи не только быстро, но и в объеме, создающем необходимую их «критическую массу», обеспечивающую высокоэффективный поиск путей и разработку механизмов решения творчески-трудовых задач. Быстрая и массированная генерация новых идей и знаний всегда актуализируется в условиях кризиса или замедления темпов экономического роста. Именно в этих ситуациях необходим активный поиск новых форм предпринимательства, требуется быстрое и расширенное воссоздание методик сетевых взаимодействий и механизмов развивающего обмена-общения, а также быстрая переподготовка и переквалификация сотрудников при одновременном создании оригинальных форм организационного и институционального управления [10]. Примером спонтанной гибкости мышления и легкости генерирования новых идей может быть брейнсторминговый стиль корпоративного управления [7].

В-четвертых, это способность видеть скрытые (латеральные) свойства экономических явлений, системно воспринимать ракурс таких понятий, как «контекст» и «подтекст». Такие латеральные свойства заключают в себе различные вероятные решения государства, оживление на рынке ценных бумаг и банковского кредита, заявление правительства о намерении неуклонно проводить антимонопольную политику и антиинфляционную профилактику и др. Например, объявление правительства о намерении изменить налоговую систему может «подтекстно» означать переход к налоговой «вертикальной справедливости» или, возможно, налоговые послабления на период становления бизнеса. Смягчение экономических санкций может «контекстно» означать укрепление курса национальной валюты и ослабление экспортного потенциала страны, а также ожидаемую выгоду от закупок импортного оборудования, что замедлит реализацию планов импортозамещения. «Контекстом» институциональной «блокады» малого бизнеса является отсутствие перспектив развития среднего класса в стране, что приведет к формированию потенциала социальной нестабильности.

В рамках подсистемы проекта и процесса речь идет о дивергентных мыслительных компетенциях, непосредственно связанных с моделированием разных форм и процессов. *Во-первых, это способность к созданию гештальта (целостного образа) любого экономического явления, а также умение воссоздавать недостающие элементы и детали этого образа на основе синтеза противоположных предпосылок, условий и факторов, определяющих динамику процесса*. Примером может служить разработка целостной концепции креативного капитала и одноименной экономики, создание модели самообучающейся корпорации, формирование гештальта такого явления, как системно-интеграционная модель предприятия в экономике [15]. Сюда же следует отнести системный феномен совокупной факторной производительности, а также смыслопроизводство как неэкономическую основу хозяйственного развития [2]. Критически важными представляются такие микрогештальты, как когнитивный сектор фирмы, корпоративный университет, индивидуализированная система стимулирования сотрудников и другие формы [20; 21].

Во-вторых, это способность к прогнозированию развития предприятия на основе системного охвата дивергентным мышлением множества социально-экономических и других явлений; это умение «видеть будущее» как функция высокоразвитого воображения предпринимателя. Примером может служить прогноз «социальной инфляции», в рамках которого анализируется ожидаемый рост цен на товары первой необходимости и связанные с этим решения об инвестициях и диверсификации бизнеса. Критически важной формой прогнозного проявления дивергентного мышления является расширенное воспроизводство рациональных ожиданий, что всегда предстает как успешный результат предпринимательской «работы с будущим». Здесь же следует отметить творческую способность предвидеть логику развития событий, определяемых, например, сменой собственников компании, результатами

выборов в органы местной власти, планами институциональных реформ, государственными программами структурных изменений и т.д. [7; 10].

В-третьих, дивергентное мышление представляет собой способность предпринимателя к переносу опыта (паттернов) из одной области деятельности в другую, что приводит к взаимообогащению различных когнитивных сфер и повышению общей эффективности творческой деятельности. Наиболее ярким примером может служить широкое использование в разных сферах познания и развития социально-экономической действительности эффекта «критической массы». В частности, этот эффект необходим для начала «цепной реакции» в рамках горизонтальных микросоциальных сетей в целях высокоэффективного производства новых знаний [4]. Большое значение для понимания особенностей и современного качества предпринимательства имеет физический «принцип дополнительности», широко применяются положения, характеризующие функциональность законов термодинамики и методов экономико-математического анализа [13]. Резонно также полагать, что естественно-научное понимание энергии окажет существенное влияние на осознание «энергии креативности», а философское определение материи как «единства вещества и поля» обеспечит продуктивность качественной оценки «атмосферы креативности», «духа творческого магнетизма» и т.д. [12; 14].

В рамках подсистемы субъекта, как показывает анализ релевантной литературы, резонно выделить следующие ключевые свойства дивергентного мышления. *Во-первых, это «статистическая» редкость дивергентного мышления индивида, что заключает в себе созидательный потенциал «перекрестного опыления интеллекта» и расширенного воссоздания корпоративного дивергентного мышления*. Очевидно, что каждый субъект обладает уникальным потенциалом дивергентного мышления как функции его способов восприятия действительности, а также технологий самообучения [21; 23]. В этом же ряду находится и утверждение о том, что все люди онтологически талантливы и что необходим поиск соответствия форм экономического творчества человека естественному творчеству природы. Далее, корпоративное дивергентное мышление есть результат непрерывного «перекрестного опыления интеллекта» сотрудников-индивидов, что требует расширенного воссоздания горизонтальных сетевых форм обмена-общения, а также инвестиций в развитие доверия [19]. Очевидно, что предпринимательский успех всегда есть результат умения организатора бизнеса обеспечивать взаимопроникновение и когерентность «семантических волн» сотрудников [4].

Во-вторых, дивергентное мышление есть функция «чувства» новизны жизни и умения «дышать» проблемами окружающего мира, есть результат любознательности и восприимчивости всего нового и интересного, всегда положительного отношения к риску. Творческое мышление здесь проявляется в сознательном поиске противоречий, а также в азартном отношении к риску как источнику творчески-эмоционального возбуждения. Так ведут себя, например, пассионарные лидеры-предприниматели, стремящиеся найти новые рыночные возможности и объекты для инновационного инвестирования. При этом новые *эмоции-стимуляторы дивергентного мышления* могут быть актуализированы путем решения рисковых творческих задач. В практическом плане речь может идти о качественно новых формах предпринимательской деятельности при одновременном поиске уникальных компетенций на рынке человеческого капитала. Это требует качественного обновления когнитивного пространства фирмы, например путем развития корпоративного самообучения [22].

В-третьих, дивергентное мышление предпринимателя характеризуется его способностью к метафорам и готовностью мысленно «действовать» в фантастическом контексте, используя смыслопереносные средства для выражения своих мыслей при стремлении в простом видеть сложное и наоборот. Примером может служить сравнение творческого мышления с природным вулканом, а бессознательного в психике, то есть непередаваемого неявного знания, с «когнитивным сплавом», или «доменной печью», производящей новые идеи. Можно, например, сформулировать и использовать метафорическую формулу корпо-

ративной креативности: чем больше в организации пассионарных «возмутителей спокойствия», или «неудобных сотрудников», тем «спокойней» предприятию в условиях жесткой рыночной конкуренции и выше уровень его интеллектуальной безопасности.

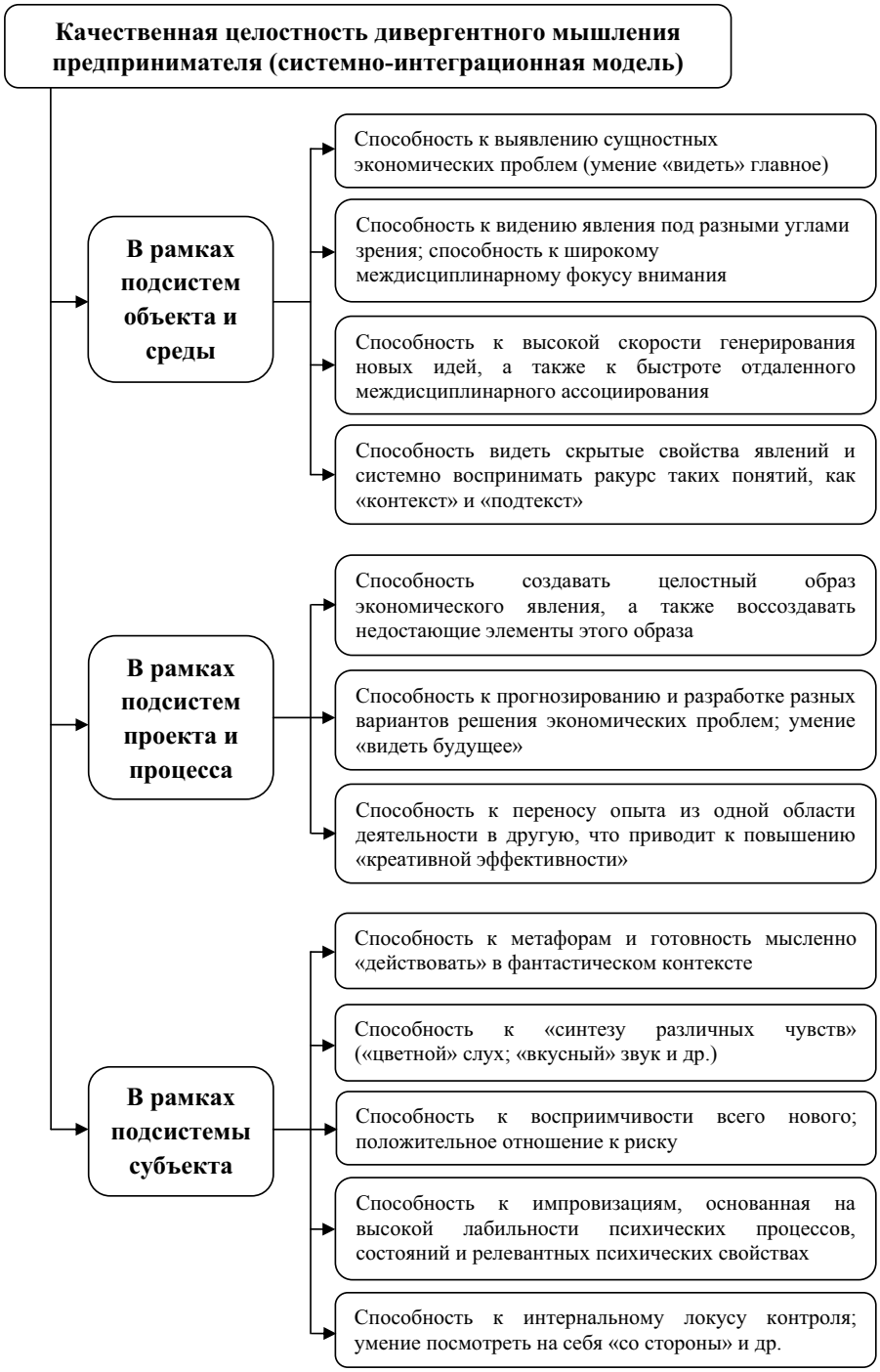

Рис. 1. **Системно-интеграционная форма дивергентного мышления предпринимателя**

В-четвертых, это способность предпринимателя «посмеяться над собой», а также его умение посмотреть на себя «со стороны» и остроумно отыскать смешное в своей деятельности. Именно внутренний юмор не позволяет субъекту зазнаваться, помогает постоянно находиться в жестких рамках-требованиях творческого трудолюбия. Высокоэффективное дивергентное мышление невозможно за пределами *интернального локуса контроля*, в рамках которого предприниматель ищет причины неудач, прежде всего в себе самом. В случае провалов способность «высмеять самого себя» является не только справедливой оценкой собственной деятельности, но и мощным внутренним фактором успокоения и одновременно мотивации для дальнейшего успешного продвижения к намеченным целям. Предприниматель как творческая личность должен понимать, что он не может быть «лучше» кого-то, и смех над собой должен стать сильнейшим инструментом его саморазвития. Системно-интеграционная модель качественной целостности дивергентного мышления предпринимателя показана на рисунке 1.

Заключение. Таким образом, качественная целостность дивергентного мышления есть система его свойств и характеристик, охватывающих эвристическую оценку подсистем объекта, среды, проекта, процесса и субъекта. Очевидно, что в условиях расширяющегося влияния на механизм предпринимательства и экономику в целом новых цифровых технологий первостепенное значение приобретают креативные компетенции, оказывающие непосредственное воздействие на *расширенное воссоздание добавленной стоимости*. К перечню таких компетенций следует прежде всего отнести эвристический (интуитивный, инсайтный) стиль экономического мышления предпринимателя, его способность к междисциплинарным ассоциациям, творческой интуиции и воображению; умение быстро разрабатывать и обосновывать прогнозы социально-экономического и корпоративного развития, а также воссоздавать смыслы созидательной деятельности, рациональные ожидания и воспроизводить систему внутрикорпоративных и межфирменных доверительных отношений. Названные компетенции оказывают наибольшее воздействие, во-первых, на создание добавленной стоимости путем высокой скорости и эффективности производства новых идей, что минимизирует трансформационные издержки; во-вторых, добавленная стоимость растет посредством существенного сокращения трансакционных издержек. При этом важно подчеркнуть, что высокая экономическая эффективность дивергентного мышления есть функция комплементарности и когерентности всех элементов его качественной целостности. Это обстоятельство следует иметь в виду при разработке механизма формирования и развития данного типа мышления предпринимателя.

Список литературы

1. Абанкина Т. Креативная экономика: переход к капитализации культурного наследия // Вопросы экономики. 2017. № 4. С. 100–117.
2. Бессонова Е.В. Анализ динамики совокупной производительности факторов на российских предприятиях // Вопросы экономики. 2018. № 7. С. 82–96.
3. Бондаренко О.Ю. Влиятельные индивиды: подходы к моделированию // Вопросы экономики. № 9. С. 114–132.
4. Ведин Н.В. Экономическая неоднородность обмена в хозяйственной эволюции общества. СПб.: Изд-во НПК «РОСТ», 2006. 218 с.
5. Гейтс Б. Бизнес со скоростью мысли. М.: Эксмо-Пресс, 2001. 241 с.
6. Дресвянников В.А. Построение системы управления знаниями на предприятии. М.: КноРус, 2008. 344 с.
7. Друкер П. Бизнес и инновации. М.: Вильямс, 2007. 432 с.
8. Идрисов Г.И., Княгинин В.Н., Кудрин А.Л., Рожкова Е.С. Новая технологическая революция: вызовы и возможности для России // Вопросы экономики. 2018. № 4. С. 5–26.
9. Ильин Е.П. Психология творчества, креативности, одаренности. СПб.: Питер, 2012. 448 с.
10. Инновационное развитие: экономика, интеллектуальные ресурсы, управление знаниями. М.: ИНФРА-М, 2010. 624 с.

11. Клейнер Г.Б. Три вопроса к политэкономии (попытка системной интроспекции) // Вопросы экономики. 2018. № 8. С. 118–128.
12. Коулопоулос Т.М. Управление знаниями. М.: Эксмо, 2008. 224 с.
13. Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ-Москва, 2009. 317 с.
14. Лукичева Л.И. Управление интеллектуальным капиталом. М.: Омега-Л, 2007. 552 с.
15. Макаров В.Л. Микроэкономика знаний. М.: Экономика, 2007. 204 с.
16. Нестеренко А.Н. Экономика и институциональная теория. М.: Эдиториал УРСС, 2002. 416 с.
17. Нуреев Р.М. Экономическая история России (опыт институционального анализа). М.: КноРус, 2016. 268 с.
18. Полани М. Личностное знание. М.: Книга по требованию, 2013. 342 с.
19. Розинская Н., Розинский И. Национальный проект «Доверие» // Вопросы экономики. 2015. № 12. С. 138–147.
20. Салихова И.С. Качество образовательных услуг: социально-экономическая онтология и основы эффективности управления // Экономика и предпринимательство. 2014. № 3 (44). С. 119–126.
21. Салихова И.С. Предпринимательские университеты и особенности формирования самообучающихся организаций в российской экономике // Путеводитель предпринимателя. 2015. № 25. С. 358–370.
22. Салихова И.С. Управление качеством интеллектуального капитала самообучающейся организации в экономике знаний: монография. М.: Дашков и К°, 2015. 147 с.
23. Салихова И.С., Окороков И.В. Научно-практические императивы развития методов управления корпоративными знаниями // Транспортное дело России. 2012. № 6-2. С. 133–136.
24. Скоробогатов А. Дары, дарообмен и рыночный обмен на шкале организационных форм // Вопросы экономики. 2011. № 11. С. 38–57.
25. Солсо Р. Когнитивная психология. СПб.: Питер, 2011. 589 с.
26. Тамбовцев В.Л. Инновации и культура: важность методологии анализа // Вопросы экономики. 2018. № 9. С. 70–95.
27. Традиции и инновации в современной России. Социологический анализ взаимодействия и динамики. М.: РОСПЭН, 2008. 568 с.
28. Хомутский Д.Ю. Управление инновациями в компании. М.: СОЛОН-ПРЕСС, 2008. 160 с.
29. Царегородцев Ю.Н., Башина О.Э., Матраева Л.В. Креативное мышление как основа современного управления экономической деятельностью // Социальная политика и социология. Т. 16. 2017. № 2 (121). С. 96–103.

References

1. Abankina T. Kreativnaya ekonomika: perekhod k kapitalizacii kul'turnogo naslediya // Voprosy ekonomiki. 2017. № 4. S. 100–117.
2. Bessonova E.V. Analiz dinamiki sovokupnoj proizvoditel'nosti faktorov na rossijskikh predpriyatiyakh // Voprosy ekonomiki. 2018. № 7. S. 82–96.
3. Bondarenko O.Yu. Vliyatel'nye individy: podkhody k modelirovaniyu // Voprosy ekonomiki. № 9. S. 114–132.
4. Vedin N.V. Ekonomicheskaya neodnorodnost' obmena v khozyajstvennoj evolyucii obshchestva. SPb.: Izd-vo NPK «ROST», 2006. 218 s.
5. Gejts B. Biznes so skorost'yu mysli. M.: Eksmo-Press, 2001. 241 s.
6. Dresvyannikov V.A. Postroenie sistemy upravleniya znaniyami na predpriyatii. M.: KnoRus, 2008. 344 s.
7. Druker P. Biznes i innovacii. M.: Vil'yams, 2007. 432 s.
8. Idrisov G.I., Knyaginin V.N., Kudrin A.L., Rozhkova E.S. Novaya tekhnologicheskaya revolyuciya: vyzovy i vozmozhnosti dlya Rossii // Voprosy ekonomiki. 2018. № 4. S. 5–26.
9. Il'in E.P. Psikhologiya tvorchestva, kreativnosti, odarennosti. SPb.: Piter, 2012. 448 s.
10. Innovacionnoe razvitie: ekonomika, intellektual'nye resursy, upravlenie znaniyami. M.: INFRA-M, 2010. 624 s.
11. Klejner G.B. Tri voprosa k politekonomii (popytka sistemnoj introspekcii) // Voprosy ekonomiki. 2018. № 8. S. 118–128.
12. Koulopoulos T.M. Upravlenie znaniyami. M.: Eksmo, 2008. 224 s.
13. Kun T. Struktura nauchnykh revolyucij. M.: AST-Moskva, 2009. 317 s.
14. Lukicheva L.I. Upravlenie intellektual'nym kapitalom. M.: Omega-L, 2007. 552 s.
15. Makarov V.L. Mikroekonomika znanij. M.: Ekonomika, 2007. 204 s.
16. Nesterenko A.N. Ekonomika i institucional'naya teoriya. M.: Editorial URSS, 2002. 416 s.

17. Nureev R.M. Ekonomicheskaya istoriya Rossii (opyt institucional'nogo analiza). M.: KnoRus, 2016. 268 s.
18. Polani M. Lichnostnoe znanie. M.: Kniga po trebovaniyu, 2013. 342 s.
19. Rozinskaya N., Rozinskij I. Nacional'nyj proekt «Doverie» // Voprosy ekonomiki. 2015. № 12. S. 138–147.
20. Salikhova I.S. Kachestvo obrazovatel'nykh uslug: social'no-ekonomicheskaya ontologiya i osnovy effektivnosti upravleniya // Ekonomika i predprinimatel'stvo. 2014. № 3 (44). C. 119–126.
21. Salikhova I.S. Predprinimatel'skie universitety i osobennosti formirovaniya samoobuchayushchikhsya organizacij v rossijskoj ekonomike // Putevoditel' predprinimatelya. 2015. № 25. S. 358–370.
22. Salikhova I.S. Upravlenie kachestvom intellektual'nogo kapitala samoobuchayushchejsya organizacii v ekonomike znanij: monografiya. M.: Dashkov i K°, 2015. 147 s.
23. Salikhova I.S., Okorokov I.V. Nauchno-prakticheskie imperativy razvitiya metodov upravleniya korporativnymi znaniyami // Transportnoe delo Rossii. 2012. № 6-2. S. 133–136.
24. Skorobogatov A. Dary, daroobmen i rynochnyj obmen na shkale organizacionnykh form // Voprosy ekonomiki. 2011. № 11. S. 38–57.
25. Solso R. Kognitivnaya psikhologiya. SPb.: Piter, 2011. 589 s.
26. Tambovcev V.L. Innovacii i kul'tura: vazhnost' metodologii analiza // Voprosy ekonomiki. 2018. № 9. S. 70–95.
27. Tradicii i innovacii v sovremennoj Rossii. Sociologicheskij analiz vzaimodejstviya i dinamiki. M.: ROSPEN, 2008. 568 s.
28. Khomutskij D.Yu. Upravlenie innovaciyami v kompanii. M.: SOLON-PRESS, 2008. 160 s.
29. Caregorodcev Yu.N., Bashina O.E., Matraeva L.V. Kreativnoe myshlenie kak osnova sovremennogo upravleniya ekonomicheskoj deyatel'nost'yu // Social'naya politika i sociologiya. T. 16. 2017. № 2 (121). S. 96–103.

Библиографическое описание статьи / Reference to article

Салихов Б.В. Качественная целостность дивергентного мышления предпринимателя в современной цифровой экономике // Социальная политика и социология. Т. 17. 2018. № 4 (129). С. 67–75. DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-4-67-75 (Библиографическое описание согласно российским стандартам).

Salikhov B.V. Kachestvennaya celostnost' divergentnogo myshleniya predprinimatelya v sovremennoj cifrovoj ekonomike // Social'naya politika i sociologiya. T. 17. 2018. № 4 (129). S. 67–75. DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-4-67-75 (Reference in Roman script).

Salikhov, B.V. (2018) Qualitative Integrity of Divergent Thinking of an Entrepreneur in the Modern Digital Economy, *Social Policy and Sociology*. Vol. 17. No. 4 (129). P. 67–75. DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-4-67-75 (International bibliographic description).

И.В. Трущенко,
соискатель, старший преподаватель кафедры финансов и бухгалтерского учета, Технологический университет, Московская область, г. Королёв.
I.V. Trushchenko,
competitor, senior lecturer of the department of financee and accounting, University of Technology, Moscow region, Korolev.
E-mail: trushenko_irina@mail.ru

УДК 338.46
DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-4-76-84

Теоретические подходы к систематизации и классификации аутсорсинга в сфере услуг

Theoretical Approaches to Systematization and Classification of Outsourcing in the Service Sector

Дата поступления	*Дата препринта*	*Дата публикации*
10.09.2018	20.11.2018	19.12.2018

Аннотация: *в статье рассмотрены существующие классификации видов аутсорсинга в сфере услуг; проведен анализ существующих признаков классификации видов аутсорсинга; систематизированы полученные данные по существующим подходам к формированию классификации различных видов аутсорсинга; разработана единая квалификационная система видов аутсорсинга на основе обобщенных результатов исследований отечественных и зарубежных экономистов, а также с учетом современных экономических условий.*

Annotation: *the article considers the existing classifications of types of outsourcing in the service sector; the analysis of existing signs of the classification of types of outsourcing has been carried out; systematized the data on existing approaches to the formation of the classification of various types of outsourcing; a unified qualification system for the types of outsourcing has been developed on the basis of generalized research results of domestic and foreign economists, as well as taking into account modern economic conditions.*

Ключевые слова: *аутсорсинг, виды аутсорсинга, бизнес-процесс, классификация, аутсорсер.*

Key words: *outsourcing, types of outsourcing, business process, classification, outsourcers.*

Введение. На сегодняшний день каждая коммерческая компания, желающая быть конкурентоспособной на занимаемом ею рынке, сталкивается с проблемами быстрого изменения условий конкурентной борьбы на отраслевых рынках и в экономике в целом. Вследствие этого данные компании вынуждены ежедневно анализировать и пересматривать корпоративные стратегии и тактики, чтобы соответствовать текущему спросу и не потерять свое положение на рынке. Однако в силу ряда обстоятельств компания не всегда располагает достаточным объемом внутренних ресурсов для оперативного реагирования на соответствующие изменения. Решением данной проблемы может послужить привлечение квалифицированных специалистов компаний, которые специализируются на выполнении отдельных функций или бизнес-процессов – аутсорсинговых компаний [18].

В последние годы для многих компаний аутсорсинг стал одной из высокоэффективных форм организации бизнес-процессов, позволяющих компаниям снизить издержки и сосредоточиться на наиболее рентабельных для них видах деятельности [5].

По нашему мнению, ***аутсорсинг*** можно представить как особый вид предпринимательской деятельности, который заключается в предоставлении услуг сторонними компаниями (аутсорсинговыми компаниями) по выполнению отдельных функций или бизнес-процессов компаний-заказчиков. Между сторонами заключается договор на оказание услуг по выполнению отдельных функций или бизнес-процессов на условиях и за плату, зафиксированных в договоре.

Вопросы, раскрывающие содержание аутсорсинга, его виды и формы проявления в национальных экономических системах, нашли свое отражение как в работах зарубежных, так и отечественных экономистов. Среди работ, посвященных аутсорсингу, выделяют исследования известных зарубежных экономистов, таких как М. Доннеллана [4], Э. Спарроу [17], С. Клементса [4], Дж.Б. Хейвуда [20], М. Хаммера [19], С. Рида [4], Д. Чампи [19]. Среди отечественных экономистов исследованию аутсорсинга свои труды посвятили Б.А. Аникин [2], В.В. Синяев [15], А.Х. Курбатов [7], И.Л. Рудая [14], В.А. Плотников [7], К.Ю. Воробьев [3], И.Д. Котляров [5], З.З. Петрачкова [10], Ю.Г. Родина [13], С.В. Юрьев [22] и другие.

По нашему мнению, вопрос классификации видов аутсорсинга требует проведения дальнейших исследований, поскольку необходимо разработать такую систему классификации аутсорсинга, которая позволит однозначно трактовать содержание выделяемых классов. Поэтому классификацию аутсорсинга необходимо уточнять и рассматривать в разрезе таксонометрических рангов.

Методика. Методическую основу исследования составляет анализ существующих позиций и взглядов на классификацию аутсорсинга в сфере услуг. Цель исследования была достигнута путем изучения научных трудов зарубежных и отечественных ученых согласно теоретической и практической направленности исследуемого в настоящей работе вопроса.

Результаты. Актуальность данной темы исследования определяется тем, что в настоящее время существуют множество классификаций аутсорсинга, однако ни одна из них не дает четкого представления о спектре всех возможностей аутсорсинга в сфере услуг, уделяя внимание лишь отдельным его проявлениям. Цель исследования заключается в разработке авторской классификации аутсорсинга в сфере услуг, которая будет отвечать современным экономическим реалиям.

Отсутствие единой системы классификации видов аутсорсинга в сфере услуг не позволяет в полной мере использовать его новые возможности. Для построения эффективной системы управления компанией необходимо классифицировать виды аутсорсинга в сфере услуг и привести их в единую систему, что может позволить компании принимать оперативные и эффективные решения о возможности применения аутсорсинга как одного из ключевых инструментов снижения издержек компании в конкурентной борьбе.

Известно, что «классификация представляет собой распределение предметов по группам (классам), при котором каждый класс имеет свое строго отведенное место. Классификация образует разветвленную систему, каждый член которой вновь делится на множество классов» [19]. Классификация не может быть построена, если нарушаются данные требования целостности построения, например когда для классификации используются абсолютно разные признаки [13].

Как следует из вышесказанного, для целостного построения классификации необходимо определить такие признаки, которые будут включены в систему классификации, позволяющей трактовать выделяемые классы согласно единой системе. По нашему мнению, данной системой классификации аутсорсинга в сфере услуг является биологическая систематика. Данная систематика предполагает иерархически организованную структуру, то есть разные таксоны, последовательно подчиненные друг другу [21]. Для классификации аутсорсинга в сфере услуг нами предлагается использовать следующие категории (таксоны) таксономической иерархии (по восходящей): тип, класс, вид.

На основе анализа трудов отечественных экономистов мы считаем необходимым предложить следующую ***классификацию аутсорсинга в сфере услуг***.

Во-первых, в качестве типов как таксономической категории при классификации аутсорсинга в сфере услуг предлагается выделить *материальный и нематериальный аутсорсинг* (рис. 1 и 2).

Рис. 1. **Классификация материального аутсорсинга**

Рис. 2. **Классификация нематериального аутсорсинга**

Во-вторых, согласно данной систематике *типы распределяются на классы*. В иерархии систематических категорий класс стоит ниже типа. Класс является одним из основных рангов иерархической классификации в биологической систематике. В этой связи предлагается выделить следующие *классы аутсорсинга в сфере услуг*:

1) аутсорсинг учетных операций;
2) аутсорсинг обслуживающих операций;
3) аутсорсинг бизнес-процессов;
4) аутсорсинг предпринимательских способностей;
5) аутсорсинг информационных технологий.

Данные классы объединяются в следующие ранее представленные типы: материальный и нематериальный аутсорсинг (см. рис. 1 и 2).

Обсуждение. Суть аутсорсинга, по нашему мнению, заключается в том, что компания отказывается от выполнения отдельных внутренних функций или бизнес-процессов в пользу аутсорсинговой компании, привлекая внешние ресурсы для решения ряда внутренних задач, возникающих в процессе деятельности компании [18].

На сегодняшний день существуют различные классификации видов аутсорсинга. Так, Дж.Б. Хейвуд выделяет виды аутсорсинга, опираясь на структурное построение компании, выделяя «аутсорсинг бизнес-процессов, аутсорсинг маркетинговых функций, аутсорсинг информационных технологий» [20].

По мнению И.Д. Котлярова, аутсорсинг классифицируют по типам процессов, передаваемых на исполнение аутсорсинговой компании (аутсорсеру) [5]. Так, И.Д. Котляров выделяет несколько подходов к данной классификации. Первый подход заключается в том, что передаваемые на аутсорсинг бизнес-процессы классифицируют согласно их роли в деятельности компании. При данном подходе И.Д. Котляров выделяет «аутсорсинг основных процессов и аутсорсинг вспомогательных процессов» [5]. При втором подходе аутсорсинг классифицируют в зависимости от принадлежности передаваемой функции или бизнес-процесса к виду деятельности. В данной классификации выделяют «аутсорсинг в сфере информационных технологий, производственный аутсорсинг, логистический аутсорсинг, аутсорсинг персонала, бухгалтерский аутсорсинг» [5] и другие виды аутсорсинга. При третьем подходе аутсорсинг подразделяют на «аутсорсинг задач» [5], при котором аутсорсинговой компании передают разовую задачу, выполняемую в строго отведенное время, и «аутсорсинг бизнес-процессов» [5], при котором аутсорсинговая компания берет на себя выполнение конкретной функции на регулярной основе.

С первым подходом согласны и другие авторы, например А.Х. Курбатов, А.В. Плотников, выделяя аутсорсинг основных процессов и аутсорсинг вспомогательных процессов [7].

Б.А. Акунин, И.Л. Рудая, В.В. Синяев, рассматривая классификацию аутсорсинга, опираются на виды деятельности. При этом Б.А. Акунин и И.Л. Рудая выделяют «аутсорсинг информационных технологий, аутсорсинг научно-производственной деятельности, аутсорсинг логистических функций, аутсорсинг функций управления компании, аутсорсинг человеческих ресурсов и т.д.» [4]. В.В. Синяев в своих исследованиях выделяет такие виды аутсорсинга, как «маркетинговый аутсорсинг, логистический аутсорсинг, бухгалтерский аутсорсинг, информационный аутсорсинг, консалтинговый аутсорсинг, рекрутинговый аутсорсинг» [6].

По нашему мнению, данная классификация раскрывает сущность аутсорсинга лишь с управленческой точки зрения, что, в свою очередь, не позволяет понять его экономическую сущность.

И.Д. Котляров предлагает классифицировать аутсорсинг по экономическому критерию. При данной классификации за основу он берет виды ресурсов, которые необходимы для осуществления соответствующих функций. В свете данной классификации И.Д. Котляров справедливо выделяет ряд таких видов аутсорсинга, как:

1) «аутсорсинг капитала;

2) аутсорсинг труда;
3) аутсорсинг информации;
4) аутсорсинг предпринимательских способностей;
5) смешанный аутсорсинг» [5].

Кроме этого, Т. Пешкова, Н.В. Конин, С. Ефимова и С. Рытик выделяют следующие виды аутсорсинга: аутсорсинг бизнес-процессов, производственный аутсорсинг и ИТ-аутсорсинг [11]. Однако Ю.Г. Родина с ними не согласна. Она считает, что более целесообразно выделять не производственный аутсорсинг, а промышленный, который будет подразделяться на производственно-технологический и научно-технологический аутсорсинг [13].

Б.А. Аникин и И.Л. Рудая классифицируют аутсорсинг по полноте передаваемого процесса на частный и полный аутсорсинг. Под частным аутсорсингом Б.А. Аникин и И.Л. Рудая подразумевают, что аутсорсинговая компания получает лишь часть функции или бизнес-процесса, а полный контроль и ответственность за выполнение данных функций или бизнес-процессов остается у компании-заказчика. По мнению Б.А. Аникина и И.Л. Рудой, при полном аутсорсинге аутсорсинговая компания получает от компании-заказчика отдельную функцию или бизнес-процесс в полном объеме, что подразумевает выполнение данных функций или бизнес-процессов силами аутсорсинговой компании и, как следствие, ответственность за результаты их выполнения ложатся на аутсорсинговую компанию [2].

В свою очередь В.В. Синяев по данному признаку выделяет иные виды аутсорсинга. Согласно его исследованиям, по полноте передачи бизнес-процесса аутсорсинг делится на «внутренний, внешний, глобальный и совместный аутсорсинг» [6]. Внутренний аутсорсинг подразумевает, что компания задействует собственные ресурсы, перераспределяя внутренние функции компании между структурными подразделениями. При внешнем аутсорсинге осуществляется передача сторонней организации большинства вспомогательных корпоративных функций компании. Глобальный аутсорсинг подразумевает, что аутсорсинговая компания оказывает свои услуги по всему миру без определенной привязки к какой-либо территории. Совместный аутсорсинг реализуется, когда компания-заказчик становится партнером аутсорсинговой компании для совершенствования своих бизнес-процессов, что позволяет снизить затраты и повысить гибкость системы управления компании.

В работах И. Лароз, В.В. Синяева, Б.А. Аникина, И.Л. Рудой встречается такой признак классификации аутсорсинга, как длительность передачи процесса на сторону. Преимущественно по данному признаку выделяют несколько видов аутсорсинга: первый вид связан с передачей аутсорсинговой компании одноразовых и краткосрочных процессов, второй вид предполагает временный или сезонный характер процесса, третий вид – это полная передача бизнес-процесса аутсорсинговой компании [22].

К.Ю. Воробьев предлагает классифицировать аутсорсинг по следующим основным признакам. По функциональному признаку он выделяет производственно-операционный аутсорсинг, управленческий аутсорсинг и ресурсный аутсорсинг. Производственно-операционный аутсорсинг представляет собой передачу аутсорсинговой компании производственных функций. Управленческий аутсорсинг предполагает передачу на аутсорсинг функций управления. Ресурсный аутсорсинг реализуется при использовании внешних ресурсов компании вместо внутренних. По предметному признаку согласно классификации К.Ю. Воробьева аутсорсинг подразделяют на «аутсорсинг производственных / промышленных процессов, аутсорсинг бизнес-процессов, аутсорсинг познавательных процессов и знаний» [3].

А.И. Микале [9] и А.В. Манойленко [8] представляют в своих работах довольно развернутую классификацию аутсорсинга. А.И. Микале выделяет следующие признаки классификации аутсорсинга: по цели ведения аутсорсинга, по степени привлечения ресурсов компании-заказчика, по характеру и соотношению функций, передаваемых на аутсорсинг, по стране нахождения аутсорсера, а также по сроку предоставления услуг. В классифика-

ции видов аутсорсинга А.В. Манойленко присутствуют следующие признаки: по отношению к внешней среде функционирования компании, по сфере применения аутсорсинга, по географическому признаку, по масштабу и форме применения аутсорсинга, по частоте оказания аутсорсинговых услуг. Данные классификации наполнены большим объемом второстепенной информации, что затрудняет четкое представление сущности отдельных видов аутсорсинга [1].

Из всех приведенных выше взглядов на классификацию видов аутсорсинга нам ближе мнение З.З. Петрачковой о классификации аутсорсинговых услуг в зависимости от видов деятельности компании. Так, соглашаясь с З.З. Петрачковой [10], следует выделить следующие ***виды аутсорсинга***:

– *аутсорсинговые услуги учетных функций* (ведение бухгалтерского учета, налоговое планирование, кадровый учет);

– *аутсорсинговые услуги по информационным технологиям* (развитие и сопровождение IT-систем, обслуживание IT-инфраструктуры);

– *аутсорсинговые услуги обслуживания* (уборка помещений, рабочее питание и другие услуги обслуживания).

По итогам анализа теоретических подходов к классификации видов аутсорсинга нами систематизированы его основные виды (табл. 1).

Таблица 1

Основные виды аутсорсинга

Классификационный признак	Виды аутсорсинга
По отношению передаваемой функции или бизнес-процесса к основному виду экономической деятельности компании	Аутсорсинг основных процессов Аутсорсинг вспомогательных процессов
По видам экономической деятельности компании	Аутсорсинг в сфере информационных технологий Производственный аутсорсинг Логистический аутсорсинг Аутсорсинг персонала Бухгалтерский аутсорсинг
По содержанию передаваемых функций или бизнес-процессов	Аутсорсинг задач Аутсорсинг бизнес-процессов
По месту осуществления передаваемых бизнес-процессов или функций	Внутренний аутсорсинг Внешний аутсорсинг Смешанный аутсорсинг
По содержанию вида экономической деятельности аутсорсера	Функциональный аутсорсинг Операционный аутсорсинг Ресурсный аутсорсинг
По полноте передаваемого процесса	Полный аутсорсинг Частичный аутсорсинг
По полноте передачи бизнес-процесса на управление и контроль	Внутренний аутсорсинг Внешний аутсорсинг Глобальный аутсорсинг Совместный аутсорсинг
По функциональному признаку	Производственно-операционный аутсорсинг Управленческий аутсорсинг Ресурсный аутсорсинг
По предметному признаку	Аутсорсинг производственных / промышленных процессов Аутсорсинг бизнес-процессов Аутсорсинг познавательных процессов и знаний

Проведенное исследование показало, что до сих пор отсутствует четкая структурированная система классификационных признаков видов аутсорсинга в сфере услуг. Однако, как мы видим, аутсорсинг сферы услуг становится довольно востребованным и прогрессивным направлением современного менеджмента. В современных условиях у компаний всё больше возникает потребность в целом комплексе сопутствующих услуг, связанных, например, с планированием, производством, рекламой, доставкой и хранением продукции.

Оказание услуг на условиях аутсорсинга формирует широкую инфраструктуру для многих компаний, способствующую развитию новых отраслей и направлений деятельности. В условиях глобализации аутсорсинг в сфере услуг открывает новые возможности перед национальной экономикой, а также способствует вовлечению трудовых ресурсов в непроизводственную сферу.

В связи с этим мы считаем, что аутсорсинг в сфере услуг выступает как основа формирования эффективной рыночной инфраструктуры для многих российских компаний, что особенно актуально в период экономических преобразований.

Заключение. Практическая значимость представленной классификации видов аутсорсинга в сфере услуг заключается в том, что она может быть применена для разных сфер деятельности, например таких, как:

- производство;
- строительство;
- образование;
- IT-сфера;
- медицина;
- маркетинг; и др.

При передаче на аутсорсинг второстепенных функций или бизнес-процессов компания может сосредоточить и направить свои внутренние ресурсы на совершенствование и продвижение профильного направления деятельности. Это позволяет оптимизировать статьи затрат компании.

Наглядным примером может послужить аутсорсинг в сфере IT-услуг. В настоящее время производится автоматизация практически всех производственных процессов компаний, а также происходит быстрое развитие информационных технологий. В связи с этим многие компании столкнулись с нехваткой квалифицированных IT-специалистов. Для решения данной проблемы компания может воспользоваться услугами IT-специалистов на условиях аутсорсинга. Разработанная нами классификация аутсорсинга информационных технологий как одного из видов аутсорсинга в рамках классификации аутсорсинга в сфере услуг позволит руководителю компании определить основные задачи и функции аутсорсинговой компании, что обеспечит четкое и эффективное взаимодействие между компанией-заказчиком и аутсорсинговой компанией.

Предложенная в данной работе классификация аутсорсинга в сфере услуг позволила систематизировать и обобщить уже имеющиеся классификации, приведя их в общую систему. Внедрение аутсорсинга позволит компании пересмотреть систему управления для получения более эффективных результатов от осуществления основного вида деятельности компании, а также оптимизировать распределение отдельных функций компании для более успешного ведения бизнеса. Применение аутсорсинга поможет повысить отдельные группы показателей компании за счет привлечения высококвалифицированных специалистов в отдельных направлениях деятельности аутсорсинговых компаний.

В целом динамика по внедрению аутсорсинга в сфере услуг российскими компаниями положительная. Проведенные исследования по данному вопросу позволяют сделать вывод о том, что одной из основных причин применения компаниями аутсорсинга является возможность повышения эффективности деятельности компании за счет высвободившихся финансовых и трудовых ресурсов для концентрации имеющихся у компании ресурсов

на приоритетных направлениях деятельности или развития новых направлений бизнеса. Это, в свою очередь, свидетельствует об актуальности исследования и является поводом для дальнейшего анализа понятия и сущности аутсорсинга.

Список литературы

1. Алькарави Х.Дж.В. Современная классификация аутсорсинга на предприятии // Вестник Челябинского государственного университета. 2018. № 3 (413). С. 111–117.
2. Аникин Б.А., Рудая И.Л. Аутсорсинг и аутстаффинг: высокие технологии менеджмента. М.: ИНФРА-М, 2009. 320 с.
3. Воробьев К.Ю. Классификация аутсорсинга с позиции управленческого подхода // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Т. 19. 2013. № 4. С. 53–56.
4. Доннеллан М., Клементс С., Рид С. Аутсорсинг бизнес-процессов. Советы финансового директора. М.: Вершина, 2006. 416 с.
5. Котляров И.Д. Аутсорсинг: опыт теоретического описания // Экономика и экологический менеджмент. 2010. № 2. С. 40–53.
6. Кулакова Я.А., Синяев В.В. Аутсорсинг как инструмент повышения конкурентоспособности предприятий рынка строительных материалов // Международный бухгалтерский учет. 2011. № 10. С. 49–54.
7. Курбатов А.Х., Плотников В.А. Аутсорсинг: история, методология, практика. М.: ИНФРА-М, 2013. 112 с.
8. Манойленко А.В. Аутсорсинг как инструмент повышения эффективности антикризисного управления // Вестник Международного славянского университета. Серия: Экономические науки. 2006. № 1. С. 8–12.
9. Микале А.И. Анализ и классификация форм аутсорсинга // Экономическое пространство. 2010. № 37. URL: http://nbuv.gov.ua/old_jrn/Soc_Gum/Ekpr/2010_37/Statti/25.pdf.
10. Петрачкова З.З. Понятие аутсорсинга и его классификация // Сервис в России и за рубежом. 2013. № 3. С. 129–134.
11. Пешкова Т., Конин Н.В., Ефимова С., Рытик С. Аутсорсинг. М.: Научная книга, 2006. 106 с.
12. Починок Н.Б., Виноградова М.В., Бабакаев С.В., Королева В.А. Социально-экономическое обоснование подходов к исследованию потребительского поведения в сфере услуг // Социальная политика и социология. Т. 15. 2016. № 1 (114). С. 24–34.
13. Родина Ю.Г. К вопросу о понятии и классификации современных видов аутсорсинга // Экономические и гуманитарные науки. 2010. № 6 (221). С. 103–108.
14. Рудая И.Л. Аутсорсинг: методология и практика: монография. Самара: Универс-групп, 2009. 230 с.
15. Синяев В.В. Экономическая целесообразность услуги аутсорсинга // Маркетинг. 2006. № 3 (88). С. 94–98.
16. Солдатов А.А. Ретроспективные и перспективные экономические грани развития сферы услуг // Социальная политика и социология. Т. 15. 2016. № 6 (119). С. 44–53.
17. Спарроу Э. Успешный IT-аутсорсинг. М.: КУДПЦ-ОБРАЗ, 2004. 120 с.
18. Трущенко И.В. Роль и значение аутсорсинга для предприятий малого бизнеса // Вопросы региональной экономики. 2017. № 2 (31). С. 151–155.
19. Хаммер М., Чампи Д. Реинжиниринг корпорации: Манифест революции в бизнесе / пер. с англ. Ю.Е. Корнилович. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2006. 90 с.
20. Хейвуд Дж.Б. Аутсорсинг: в поисках конкурентных преимуществ. М.: Вильямс, 2002. 176 с.
21. Шипунов А.Б. Основы теории систематики: учеб. пособие. М.: Открытый лицей ВЗМШ, Диалог-МГУ, 1999. 56 с.
22. Юрьев С.В. Аутсорсинг как элемент современных экономических отношений в РФ: монография. СПб.: СПГУСиЭ, 2013. 165 с.

References

1. Al'karavi Kh.Dzh.V. Sovremennaya klassifikaciya autsorsinga na predpriyatii // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2018. № 3 (413). S. 111–117.
2. Anikin B.A., Rudaya I.L. Autsorsing i autstaffing: vysokie tekhnologii menedzhmenta. M.: INFRA-M, 2009. 320 s.
3. Vorob'ev K.Yu. Klassifikaciya autsorsinga s pozicii upravlencheskogo podkhoda // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova. T. 19. 2013. № 4. S. 53–56.

4. Donnellan M., Klements S., Rid S. Autsorsing biznes-processov. Sovety finansovogo direktora. M.: Vershina, 2006. 416 s.
5. Kotlyarov I.D. Autsorsing: opyt teoreticheskogo opisaniya // Ekonomika i ekologicheskij menedzhment. 2010. № 2. S. 40–53.
6. Kulakova Ya.A., Sinyaev V.V. Autsorsing kak instrument povysheniya konkurentosposobnosti predpriyatij rynka stroitel'nykh materialov // Mezhdunarodnyj bukhgalterskij uchet. 2011. № 10. S. 49–54.
7. Kurbatov A.Kh., Plotnikov V.A. Autsorsing: istoriya, metodologiya, praktika. M.: INFRA-M, 2013. 112 s.
8. Manojlenko A.V. Autsorsing kak instrument povysheniya effektivnosti antikrizisnogo upravleniya // Vestnik Mezhdunarodnogo slavyanskogo universiteta. Seriya: Ekonomicheskie nauki. 2006. № 1. S. 8–12.
9. Mikale A.I. Analiz i klassifikaciya form autsorsinga // Ekonomicheskoe prostranstvo. 2010. № 37. URL: http://nbuv.gov.ua/old_jrn/Soc_Gum/Ekpr/2010_37/Statti/25.pdf.
10. Petrachkova Z.Z. Ponyatie autsorsinga i ego klassifikaciya // Servis v Rossii i za rubezhom. 2013. № 3. S. 129–134.
11. Peshkova T., Konin N.V., Efimova S., Rytik S. Autsorsing. M.: Nauchnaya kniga, 2006. 106 s.
12. Pochinok N.B., Vinogradova M.V., Babakaev S.V., Koroleva V.A. Social'no-ekonomicheskoe obosnovanie podkhodov k issledovaniyu potrebitel'skogo povedeniya v sfere uslug // Social'naya politika i sociologiya. T. 15. 2016. № 1 (114). S. 24–34.
13. Rodina Yu.G. K voprosu o ponyatii i klassifikacii sovremennykh vidov autsorsinga // Ekonomicheskie i gumanitarnye nauki. 2010. № 6 (221). S. 103–108.
14. Rudaya I.L. Autsorsing: metodologiya i praktika: monografiya. Samara: Univers-grupp, 2009. 230 s.
15. Sinyaev V.V. Ekonomicheskaya celesoobraznost' uslugi autsorsinga // Marketing. 2006. № 3(88). S. 94–98.
16. Soldatov A.A. Retrospektivnye i perspektivnye ekonomicheskie grani razvitiya sfery uslug // Social'naya politika i sociologiya. T. 15. 2016. № 6 (119). S. 44–53.
17. Sparrou E. Uspeshnyj IT-autsorsing. M.: KUDPC-OBRAZ, 2004. 120 s.
18. Trushchenko I.V. Rol' i znachenie autsorsinga dlya predpriyatij malogo biznesa // Voprosy regional'noj ekonomiki. 2017. № 2 (31). S. 151–155.
19. Khammer M., Champi D. Reinzhiniring korporacii: Manifest revolyucii v biznese / per. s angl. Yu.E. Kornilovich. M.: Mann, Ivanov i Ferber, 2006. 90 s.
20. Khejvud Dzh.B. Autsorsing: v poiskakh konkurentnykh preimushchestv. M.: Vil'yams, 2002. 176 s.
21. Shipunov A.B. Osnovy teorii sistematiki: ucheb. posobie. M.: Otkrytyj licej VZMSh, Dialog-MGU, 1999. 56 s.
22. Yur'ev S.V. Autsorsing kak element sovremennykh ekonomicheskikh otnoshenij v RF: monografiya. SPb.: SPGUSiE, 2013. 165 s.

Библиографическое описание статьи / Reference to article

Трущенко И.В. Теоретические подходы к систематизации и классификации аутсорсинга в сфере услуг // Социальная политика и социология. Т. 17. 2018. № 4 (129). С. 76–84. DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-4-76-84 (Библиографическое описание согласно российским стандартам).

Trushchenko I.V. Teoreticheskie podkhody k sistematizacii i klassifikacii autsorsinga v sfere uslug // Social'naya politika i sociologiya. T. 17. 2018. № 4 (129). S. 76–84. DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-4-76-84 (Reference in Roman script).

Trushchenko, I.V. (2018) Theoretical Approaches to Systematization and Classification of Outsourcing in the Service Sector, *Social Policy and Sociology*. Vol. 17. No. 4 (129). P. 76–84. DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-4-76-84 (International bibliographic description).

Н.П. Гончарова,
канд. социол. наук, доцент, заведующая кафедрой государственного и муниципального управления, Алтайский филиал РАНХиГС, Барнаул.
N.P. Goncharova,
candidate of sociological sciences, associate professor, head of the department of state and municipal administration, the Altai Branch of RANEPA, Barnaul.
E-mail: g-natalia@mail.ru

Е.В. Тарасова,
канд. ист. наук, доцент кафедры документоведения, архивоведения и исторической информатики, Алтайский государственный университет, Барнаул.
E.V. Tarasova,
candidate of historical sciences, associate professor of the department of document science, archival science and historical informatics, Altai State University, Barnaul.
E-mail: forschung2005@gmail.com

УДК 314.7
DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-4-85-93

Экспертная оценка реализации социально-экономических программ регулирования миграции трудовых ресурсов в Алтайском крае[1]

Expert Review of the Implementation of Socio-Economic Programs for the Management of Labor Migration in Altai Territory

Дата поступления	*Дата препринта*	*Дата публикации*
06.09.2018	20.11.2018	19.12.2018

Аннотация: *в статье анализируется роль социально-экономических программ в управлении миграцией трудовых ресурсов в Алтайском крае. Рассматриваются региональные программы, с помощью которых происходит перераспределение трудовых ресурсов, привлечение специалистов в сельскую местность и малые города края, сокращается уровень безработицы, привлекаются мигранты-соотечественники, повышается привлекательность Алтайского края. Отмечается значимость программно-целевого подхода к управлению социально-экономическими процессами. В задачи исследования входило изучение экспертного мнения о реализации политики регулирования миграции трудовых ресурсов в регионе. Выявленные на основе данных экспертного опроса противоположные подходы к оценке эффективности социально-экономических программ едины в оценке их значимости для по-*

[1] Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-03-00350-ОГН «Методика оценки результативности демографической политики».

вышения уровня и качества жизни населения края. Сделан вывод о необходимости разработки дополнительных управленческих мер по стабилизации численности населения региона.

Annotation: *the article analyzes the role of socio-economic programs in the management of labor migration in Altai Territory. Regional programs are considered for redistribution of labor resources, attracting specialists to rural areas and small cities of the region, reduction of the unemployment rate, attracting compatriot migrants, increasing the attractiveness of the Altai Territory. The importance of the program-target approach to the management of socio-economic processes is emphasized. The objectives of the study included the study of expert commentary on the implementation of policies for the management of labor migration in the region. Opposing approaches to assessing the efficiency of socio-economic programs identified on the basis of expert survey data are unanimous in assessing their significance for improving the level and quality of life of the population of the region. The conclusion is made about the need to develop additional management measures to stabilize the population of the region.*

Ключевые слова: *миграция, трудовые ресурсы, социально-экономические программы, программно-целевой метод управления, экспертная оценка, Алтайский край.*

Key words: *migration, labor resources, socio-economic programs, program-target management method, expert evaluation, Altai Territory.*

Введение. Миграции трудоспособного населения оказывают противоречивое влияние на происходящие в регионе процессы, структуру его населения, а также детерминируют изменения на рынке рабочей силы в сторону увеличения или уменьшения ее предложения в зависимости от направленности миграционных потоков. Масштабы миграции в современном мире и значимость тех социальных перемен, которые происходят под их влиянием в экономической, политической и социокультурной жизни нашей страны, требуют усиленного внимания к их всестороннему изучению [1].

Будучи сложным по своей природе и социальным последствиям процессом, миграция всегда была и по сей день остается в центре исследовательского интереса. Большой вклад в отечественной науке в изучение миграционных процессов внесли О.Д. Воробьева, А.В. Топилин, Ж.А. Зайончковская, И.Н. Молодикова, В.И. Мукомель, Т.И. Заславская, Л.Л. Рыбаковский, И.В. Ивахнюк, В.А. Ионцев, Е.С. Красинец, В.И. Переведенцев, Е.Л. Плисецкий, В.В. Покшишевский, Н.М. Римашевская, А.У. Хомра, Б.С. Хорев, В.Н. Чапек и др. [8–10; 13; 14; 16; 18–20; 23; 29; 30].

Проблемы миграции и рынка труда представлены в работах Ж.А. Зайончковской, М.К. Кирилловой, Т.М. Малевой, Н.В. Мкртчяна, Ю.Ф. Флоринской. Диспропорции на рынке труда в регионе освещены в работах С.Н. Пенчевой, Л.В. Родионовой и др. [7; 15; 17; 24].

На долгое время в российской науке приоритет был отдан анализу вынужденных, трудовых, учебных видов международных миграций населения. Анализ влияния миграционных факторов на экономику России и ее регионов чаще всего сводился к оценке миграционного прироста за счет обмена с зарубежными странами, использования труда иностранных мигрантов, реализации программ по переселению соотечественников. Тематика межрегиональных миграций только в недавнее время стала выходить из тени исследовательского интереса [26].

При этом роль внутренней миграции в социально-экономическом развитии региона слабо изучена, поэтому не всегда учитывается при разработке целевых программ, инвестиционных проектов, планировании размещения объектов социальной инфраструктуры [26]. В этом плане особое значение представляют научные наработки, посвященные оценке влияния миграции на развитие муниципальных образований, исследованию показателей межмуниципальной миграции в комплексном анализе социально-экономического развития территории. Это работы Л.Б. Карачуриной, Н.В. Мкртчяна [11], И.С. Симаровой [25].

В настоящее время важным инструментом социально-экономического развития страны в целом и ее регионов в частности является программно-целевой подход к управлению социальными процессами (в том числе демографическими, миграционными). Значимую роль в современных условиях развития экономики приобретают вопросы разработки и реализации целевых программ, которые становятся надежным инструментом эффективного исполь-

зования средств федерального бюджета, поскольку позволяют максимально сконцентрировать ресурсы на центральных направлениях роста экономики страны [12].

Методика. В целях оценки реализации социально-экономических программ регулирования миграции трудовых ресурсов в Алтайском крае и разработки управленческих решений в сфере социально-экономического развития региона в июне–сентябре 2017 г. был проведен экспертный опрос (N=26) среди сотрудников органов управления различных уровней, участвующих в реализации демографической и миграционной политики, представителей учреждений и предприятий региона, исследователей миграционной проблематики, а также общественных деятелей (исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-33-01073-ОГН «Трудовая миграция в приграничных регионах России: траектории, масштабы и социальные хронотопы»).

Инструментарий экспертного опроса представлен тремя основными блоками: роль миграции в развитии территорий Алтайского края; результативность регулирования миграции в рамках действующих программ; направления совершенствования регулирования миграции трудовых ресурсов. Результаты опроса экспертов представлены в следующем виде: в тексте проанализированы и описаны обобщенные экспертные оценки, курсивом в кавычках выделены прямые цитаты экспертов, в скобках указан код принадлежности эксперта, который интерпретируется как, например, ОИВ.01.03, где ОИВ – буквенное обозначение принадлежности эксперта (ОИВ – органы исполнительной власти региона, ОМСУ – органы местного самоуправления, ИМ – инфраструктура миграции, директора школ), 01 – порядковый номер эксперта в каждой группе, 03 – номер группы, к которой принадлежит муниципальное образование.

Используя программно-целевой метод, органы государственной власти способны наиболее рационально осуществлять управление социально-экономическими процессами, в силу чего происходит повышение эффективности процесса управления [27].

В 2010 г. на федеральном уровне были утверждены порядок разработки, реализации и оценки эффективности государственных программ, их перечень и методические указания. Благодаря принятым мерам появилось большое количество программ на федеральном, региональном и муниципальном уровнях управления [32].

Субъекты Российской Федерации определяют цели и задачи, порядок разработки и механизм реализации региональных программ. По сравнению с федеральными государственными программами региональным программам свойственны целевая направленность и адресность, относительно небольшие объемы работ и ресурсов, ограниченность по времени и связь с общегосударственной концепцией регионального развития [2].

В работе А.И. Жуковского, С.В. Васильева, Д.С. Штрейса региональные целевые программы классифицируются по уровню значимости или государственному статусу, территориальной принадлежности, функциональной ориентации, содержанию решаемых проблем и характеру их возникновения, отраслевой локализации, сроку реализации программ и т.д. [6]. Рассмотрим особенности реализации региональных социально-экономических программ в управлении миграцией трудовых ресурсов в Алтайском крае.

Результаты. В ходе исследования выделены пять тематических блоков, в которые вошли те или иные нормы права, программы, комплексы мер.

Первый блок. *«Программы социально-экономического развития Алтайского края»*. Основы пространственного развития региона заложены в Стратегии социально-экономического развития Алтайского края до 2025 года. На основе данного документа во всех муниципальных образованиях края действуют программы, рассчитанные на комплексное развитие региона. Часть мер направлена на непосредственное управление миграционными потоками, другая часть регулирует эти процессы косвенно через повышение уровня жизни, занятости, развитие рынка труда и многие другие.

Второй блок. *«Отраслевые программы»*. При регулировании процессов миграции каждая программа отрасли (образование, здравоохранение, АПК и сфера занятости) направлена

на решение определенных специфических задач. В области здравоохранения в Алтайском крае реализуются меры поддержки врачей, которые переезжают в сельские населенные пункты региона. Программа «Земский доктор» направлена на привлечение и закрепление молодых врачей в медицинских организациях сельской местности. С момента действия программы (с 2012 года) в сельскую местность края переехали около 900 медицинских работников с получением единовременных компенсационных выплат в размере 1 млн рублей.

Третий блок. *Государственная программа Алтайского края «Устойчивое развитие сельских территорий Алтайского края на 2012–2020 годы», принятая на основе Концепции устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 30 ноября 2010 года*. Анализируемая программа в качестве приоритетных направлений предусматривает «повышение уровня и качества жизни сельского населения, замедление процессов депопуляции и стабилизацию численности сельского населения, создание благоприятных условий для выполнения селом его производственной и других общенациональных функций и задач территориального развития» [22].

Четвертый блок. *Анализ программ демографического развития Алтайского края и его муниципальных образований*. Рассмотрим муниципальный блок на примере муниципальной программы «Демографическое развитие Усть-Пристанского района на 2016–2020 годы». Характерной особенностью муниципального уровня является минимальное количество задач и мероприятий, регулирующих миграционные процессы. В основном в данном документе предусмотрены меры по регулированию процессов рождаемости, социальной защиты детей, женщин, повышению уровня занятости населения. Среди задач в области миграции можем выделить только одну – «привлечение мигрантов в соответствии с потребностями демографического и социально-экономического развития, с учетом необходимости их социальной адаптации и интеграции».

Пятый блок. *Представлен государственной программой Алтайского края «Оказание содействия добровольному переселению в Алтайский край соотечественников, проживающих за рубежом» на 2016–2020 годы*. Данная программа действует в контексте миграционной политики государства. Социально-экономическое развитие государства нуждается в привлечении дополнительных трудовых ресурсов, в первую очередь высококвалифицированных работников, необходимых для развития экономики и эффективной реализации ряда социально-экономических программ, национальных проектов. За период ее реализации планируется переселение в край не менее 5170 соотечественников.

Обсуждение. Анализ экспертных мнений о результативности регулирования миграции в рамках действующих региональных и муниципальных программ позволил выделить два диаметрально противоположных подхода к оценке их эффективности. Одни экспертные группы и ученые дают умеренно позитивную оценку проводимой политике, отмечая ее в целом верную направленность, значимую результативность, но, например, недостаточную ресурсную обеспеченность, в то время как другие выражают скептическую позицию в отношении самого целеполагания и базовых принципов реализуемой политики, отказывают ей в наличии любых масштабных и долгосрочных позитивных эффектов.

По мнению ряда экспертов, одна из таких успешно реализуемых программ – программа устойчивого развития сельских территорий, *«которую разработали мы* (примеч. – Алтайский край) *одни из первых в стране, она легла в основу федеральной целевой программы»* (ОИВ.02.03). Бесспорно, их значение достаточно важно для управления миграцией трудовых ресурсов, потому что они решают проблемы занятости. Результатом реализации этой программы является повышение престижа *«именно сельскохозяйственной составляющей нашего края»* (ИМ.03.04).

Продемонстрировали эксперты и частичное информирование о Концепции демографического развития Алтайского края до 2025 года, утвержденной в 2015 году. Но судить о том,

насколько эффективно она реализовывается сейчас, они не решились в силу малых сроков ее реализации.

По словам экспертов, *«для внутрикраевой миграции очень полезны те меры селективной миграции, которые применяются в сфере здравоохранения и образования для привлечения фельдшеров, врачей, учителей сельских малокомплектных школ на работу в сельскую местность»* (ОИВ.01.03).

Большинство экспертов говорили именно о программах поддержки молодых специалистов в сферах здравоохранения («Земский доктор», «Сельский фельдшер») и образования («Сельский учитель»). Называли эксперты и такие программы, как «Молодой учитель», «Сельский специалист», «Соберем детей в школу», благодаря которым в сельскую местность привлекаются молодые учителя, многодетные семьи получают материальную помощь для подготовки детей к школе. Однако, как констатируют эксперты, данные программы зачастую имеют популистский характер и не способны существенно изменить направление миграционных потоков. До сих пор кадровая проблема в образовании и здравоохранении в сельской местности не решена, несмотря на действующие программы.

На их фоне успешнее всего работает программа переселения соотечественников, успех которой во многом обусловлен тем, что переселение соотечественников осуществляется из стран ближнего и дальнего зарубежья, в которых зачастую экономические, социальные, политические условия проживания для данной группы людей проигрывают по сравнению с теми, которые может предложить наша принимающая сторона. Мы предлагаем им гражданство Российской Федерации, но проживание как раз в тех регионах, которые острее всего нуждаются в демографических и трудовых ресурсах.

Задачу, направленную на поддержку сельских территорий и малых городов, препятствование их опустыниванию, призван решить комплексный подход к развитию данных территорий и приближению уровня жизни в них к уровню жизни в городской среде. *«Традиционно наибольший эффект на развитие сельских территорий и, как следствие, закрепление населения оказывают модернизация и стабильная работа ведущих предприятий, развитие социальной, транспортной, коммунальной инфраструктуры, газификация. Следовательно, эффективность имеют все указанные программы и планы, в рамках которых реализуются данные проекты»* (ОИВ.03.03).

О необходимости совершенствования системы регулирования миграции говорили все без исключения эксперты. При этом наиболее значимыми им видятся такие направления, как дополнительная поддержка малых населенных пунктов во всех сферах общественной жизни – экономике, образовании, здравоохранении, культуре, спорте, сельском хозяйстве. В поддержке нуждается миграция населения в малые города и сельскую местность, так как именно там ощущается острая нехватка трудовых и демографических ресурсов (*«возрождать необходимо малые села»*, ОМСУ.03.01; *«однозначно это села, потому что они у нас остаются за гранью»*, ОМСУ.04.02).

Очевидно, что государственная политика действует одновременно в двух противоположенных направлениях: с одной стороны, она направлена на сокращение финансирования отдаленных населенных пунктов (закрываются малокомплектные школы, пожарные части, почтовые отделения и отделения банков, налоговые инспекции, объединяются полицейские участки), что приводит не только к сокращению рабочих мест, но и ухудшению условий жизни населения, проживающего в муниципальных образованиях, провоцирует массовый отток населения из таких мест в сторону региональных центров. С другой стороны, на региональном и муниципальном уровне разрабатываются и реализуются меры и программы, нацеленные на поддержку миграции именно в село.

Для того чтобы специалисты, особенно молодые, оставались в сельской местности и малых городах, необходимо поддерживать эти территории на должном экономическом и социальном уровне. Здесь должны быть достойные рабочие места с соответствующей зара-

ботной платой, человек должен быть обеспечен жильем, сфера услуг должна предлагать ему и его детям хорошее образование, здравоохранение, охрану жизни и здоровья. У людей должна быть возможность организовать свой досуг, для чего необходимы спортивные залы, дома культуры, школы искусств.

Кроме того, региональная миграционная политика должна большее внимание уделять анализу и систематизации данных о миграции, а также изучению миграционного поведения жителей края. Зачастую именно обратная связь помогает усовершенствовать существующие формы поддержки.

Заключение. Проведенный анализ подтверждает, что в настоящее время в регионе существует достаточно большое количество программ, направленных на социально-экономическое развитие региона и управление миграционными потоками на территории Алтайского края. Безусловно, все вышеперечисленные программы реализуются в целях повышения качества и уровня жизни населения Алтайского края. Наиболее значительный вклад вносят программы устойчивого развития сельских территорий, содействия развитию рынка труда и занятости населения, развития АПК и поддержки фермерства. С их помощью происходит перераспределение трудовых ресурсов в регионе, привлечение специалистов в сельскую местность и малые города края, сокращается уровень безработицы, привлекаются мигранты-соотечественники, повышается привлекательность Алтайского края и многое другое.

В дополнение к сказанному надо отметить, что с позиции безопасности приграничная территория не должна пустовать. Необходимость сохранения имеющегося уровня хозяйственного освоения приграничной зоны также является аргументом в пользу разработки дополнительных управленческих мер по стабилизации численности населения региона. Выявленные на основе данных экспертного опроса модели воздействия на условия социально-экономического развития муниципальных образований посредством управления миграционными потоками могут найти применение при разработке и реализации управленческих решений в сфере социально-экономического развития Алтайского края и его территорий.

Список литературы

1. Бугаев М.А. Влияние внешней трудовой миграции на российский рынок труда // Вестник СПбГУ. Серия 5: Экономика. 2014. № 4. С. 42–55.
2. Видяпин В.И., Степанов М.В. Региональная экономика. М.: ИНФРА-М, 2008.
3. Гончарова Н.П. «Миграционный» лексикон средств массовой информации и общественное отношение к мигрантам // Социальная политика и социология. Т. 16. 2017. № 1 (120). С. 88–95.
4. Гончарова Н.П., Максимова С.Г., Омельченко Д.А., Ноянзина О.Е. Гражданская и национальная идентичность населения Алтайского края: опыт изучения методом суммарных оценок // Социальная политика и социология. Т. 15. 2016. № 6 (119). С. 63–72.
5. Дмитриева Т.Н. Мотивация мигрантов в контексте современной политики интеграции // Социальная политика и социология. Т. 16. 2017. № 1 (120). С. 96–103.
6. Жуковский А.И., Васильев С.В., Штрейс Д.С. Разработка, реализация и оценка региональных целевых программ (на основе канадского опыта) / под ред. С.Ю. Фабричного. М.: Дело, 2006.
7. Зайончковская Ж.А. Рынок труда как регулятор миграционных потоков: науч. доклад. М.: Московский Центр Карнеги, 1998. Вып. 7. С. 10–29.
8. Заславская Т.И., Рыбаковский Л.Л. Процессы миграции и их регулирование в социальном обществе // Социс. 1978. № 1.
9. Ивахнюк И.В. Развитие миграционной теории в условиях глобализации // Век глобализации. 2015. № 1. С. 36–51.
10. Ионцев В.А. Международная миграция: теория и история изучения // Международная миграция населения: Россия и современный мир / под ред. В.А. Ионцева. М.: Диалог–МГУ, 1999. Вып. 3. С. 53–105.
11. Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В. Роль миграции в усилении контрастов расселения на муниципальном уровне в России // Известия РАН. Сер.: Географическая. 2016. № 5. С. 46–59.

12. Колчина О.А. Анализ формирования и реализации федеральных целевых программ // Известия ЮФУ. Серия: Технические науки. 2012. № 8. С. 85–94.
13. Красинец Е.С. Проблемы трудовой миграции и миграционная политика России // Народонаселение. 2012. № 2 (56).
14. Методология и методы изучения миграционных процессов / под ред. Ж.А. Зайончковской, И.Н. Молодиковой, В.И. Мукомеля. М.: Центр миграционных исследований, 2007.
15. Миграция и рынок труда / Флоринская Ю.Ф., Мкртчян Н.В., Малева Т.М., Кириллова М.К.; Рос. акад. нар. хоз-ва и гос. службы при Президенте Рос. Федерации. М.: Дело, 2015.
16. Миграция населения: теория и практика / под ред. О.Д. Воробьевой, А.В. Топилина. М.: Экономическое образование, 2012.
17. Пенчева С.Н. Диспропорции на рынке труда в сельской местности (на примере Алтайского края) // Вестник АГАУ. 2013. № 11 (109). URL: http://cyberleninka.ru/article/n/disproportsii-na-rynke-truda-v-selskoy-mestnosti-na-primere-altayskogo-kraya (дата обращения: 01.02.2017).
18. Переведенцев В.И. Миграции и некоторые социальные процессы в СССР // Проблемы миграции населения и трудовых ресурсов. М.: Статистика, 1970.
19. Плисецкий Е.Л. Современные миграционные процессы в России // География. 2003. № 37. URL: http://geo.1september.ru/2003/37/4.htm (дата обращения: 23.03.2017).
20. Покшишевский В.В. Миграции населения как общественной явление и задачи статистического изучения // Статистика миграции населения. М., 1973.
21. Полетаев Д.В. «Растрата компетенций» трудовых мигрантов в Российской Федерации: реалии и перспективы // Социальная политика и социология. Т. 16. 2017. № 1 (120). С. 133–140.
22. Постановление Администрации Алтайского края от 2 августа 2011 г. № 420 «Об утверждении долгосрочной целевой программы "Устойчивое развитие сельских территорий Алтайского края" на 2012–2020 годы» / Официальный сайт Министерства сельского хозяйства Алтайского края. URL: http://www.altagro22.ru (дата обращения: 13.11.2018).
23. Римашевская Н.М. Социально-экономические и демографические проблемы современной России // Вестник Российской академии наук. Т. 74. 2004. № 3. С. 209–218.
24. Родионова Л.В. Территориальные неравенства и диспропорции на сельском рынке труда Алтайского края // Экономическое развитие региона: управление, инновации, подготовка кадров: матер. II Междунар. экон. форума. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2015. С. 202–206.
25. Симарова И.С. Миграционный обмен как фактор внутрирегиональной связанности // Теория и практика общественного развития. 2014. № 3. С. 298–301.
26. Тарасова Е.В., Гончарова Н.П., Сбитнева Н.А. Внутрирегиональная миграция как фактор социально-экономической дифференциации муниципальных образований Алтайского края: методика и результаты исследования: монография / отв. ред. Е.В. Тарасова. Барнаул, 2017.
27. Троцковский А.Я., Третьякова Л.П. Программно-целевые методы в практике регионального управления Алтайского края // Известия АлтГУ. 2015. № 2 (86). С. 188–193.
28. Фаузер В.В., Лыткина Т.С. Миграционные процессы на российском Севере // Социальная политика и социология. Т. 16. 2017. № 1 (120). С. 141–149.
29. Хомра А.У. Определение и классификация форм миграции населения // Демографические тетради. Вып. 9. Киев, 1974.
30. Хорев Б.С., Чапек В.Н. Проблемы изучения миграции населения. М., 1978.
31. Щеткина И.А., Захарова Е.Ю. Результативность государственной программы «Доступная среда» в Забайкальском крае: социологическое измерение // Социальная политика и социология. Т. 16. 2017. № 4 (123). С. 155–164.
32. Юсупов Р.М., Бостанова А.И. Теоретико-методические аспекты разработки государственных программ на региональном уровне // УЭкС. 2014. № 4 (64).

References

1. Bugaev M.A. Vliyanie vneshnej trudovoj migracii na rossijskij rynok truda // Vestnik SPbGU. Seriya 5: Ekonomika. 2014. № 4. S. 42–55.
2. Vidyapin V.I., Stepanov M.V. Regional'naya ekonomika. M.: INFRA-M, 2008.
3. Goncharova N.P. «Migracionnyj» leksikon sredstv massovoj informacii i obshchestvennoe otnoshenie k migrantam // Social'naya politika i sociologiya. T. 16. 2017. № 1 (120). S. 88–95.

4. Goncharova N.P., Maksimova S.G., Omel'chenko D.A., Noyanzina O.E. Grazhdanskaya i nacional'naya identichnost' naseleniya Altajskogo kraya: opyt izucheniya metodom summarnykh ocenok // Social'naya politika i sociologiya. T. 15. 2016. № 6 (119). S. 63–72.
5. Dmitrieva T.N. Motivaciya migrantov v kontekste sovremennoj politiki integracii // Social'naya politika i sociologiya. T. 16. 2017. № 1 (120). S. 96–103.
6. Zhukovskij A.I., Vasil'ev S.V., Shtrejs D.S. Razrabotka, realizaciya i ocenka regional'nykh celevykh programm (na osnove kanadskogo opyta) / pod red. S.Yu. Fabrichnogo. M.: Delo, 2006.
7. Zajonchkovskaya Zh.A. Rynok truda kak regulyator migracionnykh potokov: nauch. doklad. M.: Moskovskij Centr Karnegi, 1998. Vyp. 7. S. 10–29.
8. Zaslavskaya T.I., Rybakovskij L.L. Processy migracii i ikh regulirovanie v social'nom obshchestve // Socis. 1978. № 1.
9. Ivakhnyuk I.V. Razvitie migracionnoj teorii v usloviyakh globalizacii // Vek globalizacii. 2015. № 1. S. 36–51.
10. Ioncev V.A. Mezhdunarodnaya migraciya: teoriya i istoriya izucheniya // Mezhdunarodnaya migraciya naseleniya: Rossiya i sovremennyj mir / pod red. V.A. Ionceva. M.: Dialog–MGU, 1999. Vyp. 3. S. 53–105.
11. Karachurina L.B., Mkrtchyan N.V. Rol' migracii v usilenii kontrastov rasseleniya na municipal'nom urovne v Rossii // Izvestiya RAN. Ser.: Geograficheskaya. 2016. № 5. S. 46–59.
12. Kolchina O.A. Analiz formirovaniya i realizacii federal'nykh celevykh programm // Izvestiya YuFU. Ser.: Tekhnicheskie nauki. 2012. № 8. S. 85–94.
13. Krasinec E.S. Problemy trudovoj migracii i migracionnaya politika Rossii // Narodonaselenie. 2012. № 2 (56).
14. Metodologiya i metody izucheniya migracionnykh processov / pod red. Zh.A. Zajonchkovskoj, I.N. Molodikovoj, V.I. Mukomelya. M.: Centr migracionnykh issledovanij, 2007.
15. Migraciya i rynok truda / Florinskaya Yu.F., Mkrtchyan N.V., Maleva T.M., Kirillova M.K.; Ros. akad. nar. khoz-va i gos. sluzhby pri Prezidente Ros. Federacii. M.: Delo, 2015.
16. Migraciya naseleniya: teoriya i praktika / pod red. O.D. Vorob'evoj, A.V. Topilina. M.: Ekonomicheskoe obrazovanie, 2012.
17. Pencheva S.N. Disproporcii na rynke truda v sel'skoj mestnosti (na primere Altajskogo kraya) // Vestnik AGAU. 2013. № 11 (109). URL: http://cyberleninka.ru/article/n/disproportsii-na-rynke-truda-v-selskoy-mestnosti-na-primere-altayskogo-kraya (data obrashcheniya: 01.02.2017).
18. Perevedencev V.I. Migracii i nekotorye social'nye processy v SSSR // Problemy migracii naseleniya i trudovykh resursov. M.: Statistika, 1970.
19. Pliseckij E.L. Sovremennye migracionnye processy v Rossii // Geografiya. 2003. № 37. URL: http://geo.1september.ru/2003/37/4.htm (data obrashcheniya: 23.03.2017).
20. Pokshishevskij V.V. Migracii naseleniya kak obshchestvennoj yavlenie i zadachi statisticheskogo izucheniya // Statistika migracii naseleniya. M., 1973.
21. Poletaev D.V. «Rastrata kompetencij» trudovykh migrantov v Rossijskoj Federacii: realii i perspektivy // Social'naya politika i sociologiya. T. 16. 2017. № 1 (120). S. 133–140.
22. Postanovlenie Administracii Altajskogo kraya ot 2 avgusta 2011 g. № 420 «Ob utverzhdenii dolgosrochnoj celevoj programmy "Ustojchivoe razvitie sel'skikh territorij Altajskogo kraya" na 2012–2020 gody» / Oficial'nyj sajt Ministerstva sel'skogo khozyajstva Altajskogo kraya. URL: http://www.altagro22.ru (data obrashcheniya: 13.11.2018).
23. Rimashevskaya N.M. Social'no-ekonomicheskie i demograficheskie problemy sovremennoj Rossii // Vestnik Rossijskoj akademii nauk. T. 74. 2004. № 3. S. 209–218.
24. Rodionova L.V. Territorial'nye neravenstva i disproporcii na sel'skom rynke truda Altajskogo kraya // Ekonomicheskoe razvitie regiona: upravlenie, innovacii, podgotovka kadrov: mater. II Mezhdunar. ekon. foruma. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2015. S. 202–206.
25. Simarova I.S. Migracionnyj obmen kak faktor vnutriregional'noj svyazannosti // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2014. № 3. S. 298–301.
26. Tarasova E.V., Goncharova N.P., Sbitneva N.A. Vnutriregional'naya migraciya kak faktor social'no-ekonomicheskoj differenciacii municipal'nykh obrazovanij Altajskogo kraya: metodika i rezul'taty issledovaniya: monografiya / otv. red. E.V. Tarasova. Barnaul, 2017.
27. Trockovskij A.Ya., Tret'yakova L.P. Programmno-celevye metody v praktike regional'nogo upravleniya Altajskogo kraya // Izvestiya AltGU. 2015. № 2 (86). S. 188–193.

28. Fauzer V.V., Lytkina T.S. Migracionnye processy na rossijskom Severe // Social'naya politika i sociologiya. T. 16. 2017. № 1 (120). S. 141–149.
29. Khomra A.U. Opredelenie i klassifikaciya form migracii naseleniya // Demograficheskie tetradi. Vyp. 9. Kiev, 1974.
30. Khorev B.S., Chapek V.N. Problemy izucheniya migracii naseleniya. M., 1978.
31. Shchetkina I.A., Zakharova E.Yu. Rezul'tativnost' gosudarstvennoj programmy «Dostupnaya sreda» v Zabajkal'skom krae: sociologicheskoe izmerenie // Social'naya politika i sociologiya. T. 16. 2017. № 4 (123). S. 155–164.
32. Yusupov R.M., Bostanova A.I. Teoretiko-metodicheskie aspekty razrabotki gosudarstvennykh programm na regional'nom urovne // UEkS. 2014. № 4 (64).

Библиографическое описание статьи / Reference to article

Гончарова Н.П., Тарасова Е.В. Экспертная оценка реализации социально-экономических программ регулирования миграции трудовых ресурсов в Алтайском крае // Социальная политика и социология. Т. 17. 2018. № 4 (129). С. 85–93. DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-4-85-93 (Библиографическое описание согласно российским стандартам).

Goncharova N.P., Tarasova E.V. Ekspertnaya ocenka realizacii social'no-ekonomicheskikh programm regulirovaniya migracii trudovykh resursov v Altajskom krae // Social'naya politika i sociologiya. T. 17. 2018. № 4 (129). S. 85–93. DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-4-85-93 (Reference in Roman script).

Goncharova, N.P. & Tarasova, E.V. (2018) Expert Review of the Implementation of Socio-Economic Programs for the Management of Labor Migration in Altai Territory, *Social Policy and Sociology*. Vol. 17. No. 4 (129). P. 85–93. DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-4-85-93 (International bibliographic description).

Н.П. Кириллов,
канд. социол. наук, доцент, руководитель Центра экологической и техносферной безопасности, Российский государственный социальный университет, Москва.
N.P. Kirillov,
candidate of sociological sciences, associate professor, head of the Center for environmental and technosphere safety, Russian State Social University, Moscow.
E-mail: KirillovNP@rgsu.net

В.А. Масликов,
канд. социол. наук, доцент кафедры менеджмента и административного управления факультета управления, Российский государственный социальный университет, Москва.
V.A. Maslikov,
candidate of sociological sciences, associate professor of the department of management and administrative management of the faculty of management, Russian State Social University, Moscow.
E-mail: MaslikovVA@rgsu.net

УДК 316.4
DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-4-94-101

Роль экологических инноваций в устойчивом развитии российского общества

The Role of Environmental Innovations in the Sustainable Development of Russian Society

Дата поступления	*Дата препринта*	*Дата публикации*
13.09.2018	20.11.2018	19.12.2018

Аннотация: *новизна предлагаемой статьи заключается в том, что в ней рассматривается процесс институционализации категории «экологизация образования» в современной науке. Именно экологизация образования выступает сегодня в качестве индикатора оценки влияния экологической науки на различные сферы жизнедеятельности российского общества. Следует особо отметить, что весь спектр анализируемых проблем рассматривается через призму некоторых концептуальных подходов к формированию инновационной образовательной среды, авторами которых являются В.И. Панов и В.П. Лебедева. В итоге, рассматривая экологические инновации в образовательном процессе как объективную необходимость, авторы главное внимание акцентируют на ее превентивной роли в решении проблем формирования устойчивости современного российского общества.*

Annotation: *the novelty of the proposed article is that it deals with the process of institutionalization of the category «ecologization of education» in modern science. It is the greening of education that serves today as an indicator of assessing the impact of environmental science on various spheres of life of Russian society. It should be noted that the whole range of the analyzed problems is considered through the prism of some conceptual approaches to the formation of innovative educational environment, the authors of which are V.I. Panov and V.P. Lebedev. As a result, considering environmental innovations in the educational process as an objective necessity, the authors focus on its preventive role in solving the problems of formation of stability of modern Russian society.*

Ключевые слова*: экологизация, окружающая среда, природные ресурсы, образование, устойчивость, общество, инновации.*

Key words: *ecologization, environment, natural resources, education, sustainability, society, innovation.*

Введение. В современном обществе очевиден тот факт, что институт образования является фундаментальным для устойчивого развития общества и государства. Данный социальный институт обеспечивает стабильную динамику и безопасность российского общества в современных условиях и на перспективу. Однако противоречивым выглядит факт того, что в ряде научных публикаций, нормативно-правовой литературе, выступлениях руководителей Российского государства постоянно подчеркивается несоответствие потенциальных возможностей социальной сферы возрастающим требованиям современного периода развития России и мира.

Практика показывает, что проблемы социального развития российского общества детерминируют целый комплекс научных исследований, которые направлены на реализацию направлений по объединению усилий государства и общества в целях создания условий для устойчивого функционирования и развития Российской Федерации.

Анализ современных научных исследований свидетельствует, что устойчивость социальной системы возможна только при условии использовании инновационных подходов в механизме ее управления. При этом инновационный путь развития характерен как для социального, так и для материального компонента российского общества [14].

Об этом свидетельствуют исследования как зарубежных, так и российских ученых, отмечающих, что экологическая проблематика вышла на лидирующие позиции в спектре мировых глобальных проблем, которые вызывают особую напряженность во всем мире. Это послужило детерминантой для возникновения такой категории, как «экологизация образования», которая впоследствии приобрела особое звучание и отражение в ряде нормативных правовых актов Российской Федерации [2].

Сложившаяся ситуация с экологическими проблемами, в свою очередь, обусловливает совершенно другой уровень государственного подхода и гражданской позиции каждого россиянина, который должен осознать, что современная устойчивость и развитие российского общества без учета его социоприродного компонента не представляются возможными [10].

Важнейшее направление в решении данной проблемы лежит в плоскости механизмов по экологизации образовательного процесса, который представляет собой инновацию в системе формирования экопсихологического подхода при развитии образовательной среды учебных заведений всех уровней в Российской Федерации [3].

Методика. Центральным звеном в данном процессе выступает механизм, реализующий концепцию ряда российских ученых по формированию «эколого-личностной модели образовательной среды» [3].

Исследования показывают, что категория «экологизация образования» в современном научном сообществе вызывает достаточно широкую палитру точек зрения ученых, специализирующихся на изучении данной проблемы. Обобщенно описываемый термин отражает процесс ценностно-ориентированного влияния современной экологии как интегративной науки практически на все сферы жизнедеятельности человека. Здесь мы выделяем позиции таких российских ученых, как В.И. Панов, В.П. Лебедева, В.А. Орлов, Л.С. Астафьева, О.В. Бузов, А.В. Демин, В.В. Краевский, И.Я. Лернер, В.Н. Осокин, А.С. Федотов и др. Позиции данных авторов позволяют нам рассматривать экологизацию образовательного процесса как систему, имеющую свои специфические цели и особые направления своего развития. Кроме того, точка зрения данных авторов позволяет разработать принципы, категории, методы и формы обучения современных учащихся, а также методы контроля их результатов [11; 19].

Настоящее исследование опирается также на научные труды отечественных и зарубежных ученых [6; 8] и на нормативные правовые акты РФ и ряд других подзаконных актов, распоряжений и нормативов, касающихся рассматриваемой темы. Центральным звеном здесь выступают концепции В.И. Панова, представленные в его «Дифференциации образовательного процесса» [13], а также точка зрения В.П. Лебедевой, В.А. Орлова и В.И. Панова, раскрытая в «Психодидактике образовательных систем» [7].

Взгляды данных ученых в сфере «экологизации образования» были использованы и дополнены Н.П. Кирилловым, который опирается на основное содержание этого подхода, заключающегося в неотъемлемой связи образовательного процесса с динамикой развития общества, ориентирующегося на его экологические приоритеты [4]. Такая точка зрения предписывает использовать автору такой набор исследовательских принципов, который позволяет ему создать свой научно-информационный продукт. Это – принципы соответствия тем задачам, которые поставлены исследователем в разделе информационно-научной деятельности. Эта деятельность должна быть адекватна уровню детализации социосистемы «природа–общество», научности, достоверности и своевременности. Среди основных категорий, которые характерны для данного подхода, целесообрано выделить такие, как «экологизация», «окружающая среда», «природные ресурсы», «образование», «устойчивость», «общество», «инновации» и другие [5].

В качестве методологического подхода к анализу вопросов экологизации российской образовательной системы предполагается использование теоретических методов исследования. Среди них выделяются методы анализа и синтеза, классификации и сравнения, обобщения и систематизации, которые дополнялись методами моделирования и проектирования социально-экологических процессов. Среди эмпирических методов выделяются наблюдение, анализ документов, опрос, беседа, тестирование и другие.

Результаты. Наличие проблем в российской системе образования требует постоянного обновления образовательных технологий, ускоренного освоения потока разного рода инноваций, порождающего потребности в исследовании инновационных механизмов в образовательной системе Российской Федерации [14; 17].

Следует особо отметить, что спектр инноваций современной образовательной системы в России зачастую заимствован из иностранных, в основном западных систем образования, инновационные механизмы которых не всегда могут органично вписаться в систему российского образования [9].

Реализуя требования российского законодательства, инновационная политика в рамках российской образовательной системы реализуется с задачей осуществления ее модернизации, с учетом существующих стратегий социально-экономического развития Российской Федерации, закладывающих и определяющих главные направления политики руководства страны в сфере совершенствования образования как социального института.

Анализ, проведенный нами, позволяет сделать вывод о том, что в российской и зарубежной образовательных системах выделяются несколько основных направлений инновационного процесса, являющиеся приоритетными. Среди них выделяются обновление содержания, гуманизация и экологизация образования. Отмечается также организация сетевого взаимодействия образовательных проектов и программ российских высших учебных заведений, что влечет за собой повышение роли процесса информатизации и его технологизации.

Успех названных выше направлений определяется рычагами, приводящими российское образование в соответствие с задачами социально-экономического развития страны [18]. В качестве таких рычагов выступают процессы гуманизации и экологизации российского образования, осуществляемые в системе инновационных направлений, которые проводятся в рамках модернизации российского общества. Важное место здесь занимает деятельность органов государственной власти и общественных объединений разных уровней. Именно от них зависит не только содержание этой деятельности как экологически безопасного процесса, но и формирование культуры и безопасности при его реализации.

Однако, как отмечает Н.А. Рахимова, в «Законе “Об охране окружающей среды” и Основах государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года мы не видим, что ему на практике действительно уделяется значимое внимание» [15].

Практика жизни свидетельствует, что основными компонентами в системе экологического образования россиян являются образовательные учреждения всех уровней, а также учреждения культуры. Кроме того, в формирование экологической культуры и экологического просвещения значительный вклад вносят особо охраняемые природные территории, парки, а также СМИ [16; 20].

Сегодня в Российской Федерации проявляют активность многие некоммерческие организации, а также российские граждане. Причем они проявляют себя как персонально, так и в структуре различных общественных объединений.

Учитывая данное обстоятельство, можно прийти к выводу о том, что система непрерывного экологического образования приобретает некие очертания, закладывающие основы для ее структурной оформленности, для которой необходимы более четкая координация и взаимодействие всего российского общества и государства. Для этого на всех уровнях государственной власти и управления целесообразно создавать инновационные площадки, которые должны составлять инновационную инфраструктуру в системе непрерывного экологического воспитания и образования. Характер формирования, а также порядок функционирования данных площадок определяется на федеральном уровне органом, осуществляющим деятельность по реализации государственной политики в сфере образования. Здесь целесообразно отметить, что органы государственной власти федерального и регионального уровней, осуществляющие деятельность в сфере российского образования, должны создавать условия для взаимодействия теории с практической деятельностью в сфере экологической безопасности Российской Федерации.

Сегодня в рамках высшего образования наметилась некоторая положительная тенденция по росту числа высших учебных заведений, осуществляющих подготовку по базовым экологическим специальностям. Однако увеличение количества экологических проблем в Российской Федерации требует незамедлительного решения по подготовке более универсальных специалистов, которые могут разбираться не только в экологических вопросах, но и в решении социально-экономических проблем, обусловливающих необходимый уровень устойчивого развития российского общества.

Сегодня в Российской Федерации объективно возник вопрос о подготовке профессиональных экологов в области управления, как на федеральном, так и на региональном уровне [4]. Однако сегодня мы наблюдаем процесс сокращения числа ученых, преподавателей, учителей и специалистов в области экологического образования в учебных заведениях страны. В то же время экологическое просвещение реализуется не всегда специалистами, что приводит к формированию псевдоэкологического мировоззрения. Для устанения такого положения необходим учет профессиональной подготовки и переподготовки у должностных лиц, которые передают экологические знания в обществе [1]. Однако сегодня мы должны отметить имеющиеся проблемы в подготовке педагогов экологической направленности, которые способны передавать учащимся наряду с комплексным системным опытом знания о современных экологических проблемах и способах их разрешения. Они должны помочь и научить учащихся на деле использовать приобретенные в учебном заведении знания.

Следует особо отметить, что современный уровень развития экологического образования в Российской Федерации несколько отстает от степени понимания серьезности и опасности экологических проблем, с которыми сталкивается каждый член нашего общества. В этом случае целесообразно отметить особую роль в развитии и совершенствовании «неформального» экологического просвещения и образования посредством СМИ, которые закладывают базу для формирования современных взглядов на окружающую природную среду.

Обсуждение. В.И. Панов отмечает инновации, способствующие формированию современного комплекса знаний, которые показаны в ряде моделей образовательной среды, характерной для российской образовательной системы. Он выделяет пять основных концепций в формировании инновационной образовательной среды [12].

Первое место здесь занимает *эколого-личностная модель образовательной среды*. За ней следует *коммуникативно-ориентированная модель образовательной среды*. *Антропологопсихологическая модель образовательной среды* характеризует изменения, происходящие на уровне взаимодействия современного человека с окружающей средой. На четвертом месте находится *психодидактическая модель дифференциации и индивидуализации образовательной среды школы*. Логическим завершением системы основных концептуальных подходов к формированию инновационной образовательной среды является *экопсихологический подход и модель образовательной среды* [12].

В теоретико-методологическом отношении инновационноемкая **эколого-личностная модель образовательной среды** опирается на экологическое мировоззрение в подходе к восприятию окружающей действительности. В качестве такого подхода нами рассматривается определение окружающей природной среды как естественной системы обитания, которая представляет собой дисперсию многообразия окружающей действительности, обеспечивающей удовлетворение жизненных потребностей человечества. Базовым элементом в данном определении выступают витальные потребности человека, другой ее элемент – физические и экологические свойства окружающей среды. Такое представление потребностей человека формирует его отношения к окружающему миру. Кроме того, данные потребности, находясь в соотношении взаимозависимости один от другого, определяют характер и особенности процесса социализации конкретной личности [13].

Разработанная нами ***эколого-личностная модель образовательной среды*** с учетом **психодидактических и экопсихологических принципов существования** должна быть направлена на формирование условий, которые обеспечивают оптимальное развитие у учащихся таких качеств, которые способствовали бы формированию у них способности быть субъектами различных видов деятельностей и своего физического и умственного развития.

Одновременно данная модель будет способствовать развитию и совершенствованию природоохранительных образовательных технологий в соответствии с природными, физиологическими, психологическими, социальными особенностями возрастного развития обучаемых. Следует отметить, что все образовательные технологии, а также образовательная среда должны обеспечивать в процессе обучения такие условия, которые соответствовали бы психологическим возрастным особенностям каждого обчающегося [4].

В результате появилось осознание того, что необходимо создание **образовательной среды** как системы условий и влияний, обеспечивающих возможность для проявления творческой природы развития учащихся и тем самым создающих возможность для проявления их скрытых (потенциальных) интересов и способностей.

Учитывая такой подход к пониманию образовательной среды, каждый аналитик должен ориентироваться на существование **двух специфических концепций, исходящих из мотивов и потребностей личности, которые основаны на объективных** качествах и свойствах внешней среды, предоставляющей возможности для ее обучения и развития [6].

Следует отметить, что функционирование эколого-личностной модели невозможно без формирования экологического сознания у обучающихся, под которым мы понимаем процесс, который имеет особую специфику, связанную со своеобразием отражения каждым из них процесса его преобразования. При этом мы отмечаем, что проблема формирования экологического сознания в рамках ее актуальности начала становиться предметом изучения относительно недавно.

Заключение. Наши исследования в области развития и внедрения инновационных технологий в современное российское образование показывают, что они объективно обусловлены наличием противоречий, являющихся результатом проблемного внедрения западных инновационных образовательных стандартов в его систему. По нашему мнению, данный процесс должен приобретать более национальную (российскую) окраску. При этом мы должны учитывать то, что основным механизмом, способствующим раскрытию технологических воз-

можностей инноваций в образовательном процессе, в настоящее время является прежде всего совершенствование инновационной инфраструктуры в системе образования. Этот процесс должен происходить на всех уровнях российской системы образования.

Важное место в данном процессе должны занимать обеспечение социальной мобильности обучающихся, участие работодателей на всех этапах учебного процесса будущего специалиста, а также индивидуализация образовательного процесса с обязательным применением дистанционных технологий.

Несомненно, что в рамках экологизации образования особое значение приобретают вопросы научного формирования модели образовательной среды применительно к специфике конкретного региона Российской Федерации. Особенности и характер ее создания и функционирования обусловлены показателем уровня экологического сознания учащегося. А, как мы уже отмечали, данный уровень зависит от экономических, социальных, психологических, антропологических и природных факторов окружающей его среды.

Современные требования применения методологии анализа эколого-психологического подхода в вопросах формирования образовательной среды, базирующиеся на основе создания экопсихологической модели данной среды, обусловливают осознание того, что психическое состояние и развитие личности в процессе ее обучения необходимо исследовать в диалектическом единстве системы человека с окружающей средой, в рамках теории ноосферы В.И. Вернадского. Это позволит нам понимать образовательную среду как единую систему природных, социальных, педагогических и психологических условий, обусловливающих перспективу для всестороннего раскрытия и развития способностей у учащегося в соответствии с присущими ему индивидуальными природными задатками и в соответствии с требованиями современного российского образования.

Список литературы

1. Бондалетов В.В. Теория организации и организационное поведение. М., 2015.
2. Джегутанов Б., Олейников В. Обществознание. Ответы для школьников и абитуриентов. 2006. 160 с. URL: http://artlib.osu.ru/Docs/piter/bookchap/978546901145.html.
3. Касюк А.Я., Андержанова Г.В., Демченко Т.С., Демченко М.В. и др. Качество столичного образования в оценках основных субъектов образовательного процесса. М., 2016. 294 с.
4. Кириллов Н.П. Экопсихологический подход к формированию экологической культуры учащегося // Социальная политика и социология. 2010. № 9 (63). С. 114–127.
5. Кириллов Н.П., Масликов В.А. Управление инновациями в социальной сфере в контексте устойчивого развития современного российского общества // Материалы Афанасьевских чтений. 2017. № 4 (21). С. 5–19.
6. Коменский Я.А. Избранные педагогические сочинения. Т. 2. Отдельные произведения. М., 1939.
7. Лебедева В.П., Орлов В.А., Панов В.И. Психодидактические аспекты развивающего образования // Педагогика. 1996. № 6; Учителю о психологии / под ред. В.П. Лебедевой, В.И. Панова. М.: Молодая гвардия, 1997.
8. Лесгафт П.Ф. Избранные педагогические сочинения / сост. И.Н. Решетень. М., 1990.
9. Масликов В.А. Инновационные технологии утверждения приоритета национальной идеологии в современном китайском образовании / Инновационные технологии в образовании и бизнесе: матер. Всерос. науч.-практ. конф. Моск. гос. техн. ун-та (МИРЭА): сб. ст. / под ред. А.В. Сороко, Д.А. Шемончук; каф. информационных технологий в государственном управлении Моск. технол. ун-та. 2018. С. 75–81.
10. Масликов В.А. Органическая модель устойчивого развития общества // Социальная политика и социология. Т. 16. 2017. № 1 (120). С. 114–122.
11. Назаренко С.В. Технология социального контроля в университетских образовательных практиках // Право и образование. 2018. № 7. С. 73–88.
12. Панов В.И. К проблеме психолого-педагогического проектирования и экспертизы образовательного учреждения // Психологическая наука и образование. 2001. № 2. С. 14–20.
13. Панов В.И. Психодидактика образовательных систем: теория и практика. СПб.: Питер, 2007. 352 с.

14. Продченко И.А. Развитие и поддержка инноваций как главное условие к переходу на новый технологический уклад экономики // Инновационные технологии в образовании и бизнесе: матер. Всерос. науч.-практ. конф. Моск. гос. техн. ун-та (МИРЭА): сб. ст. / под ред. А.В. Сороко, Д.А. Шемончук; каф. информационных технологий в государственном управлении Моск. технол. ун-та. 2018. С. 113–122.
15. Рахимова Н.А. Экологическое образование в России: современная тенденция – формирование «моды на экологию» // Экология и право. URL: http://bellona.ru/2018/02/22/eco-education-russia.
16. Саблуков А.В. Информационное взаимодействие в сфере образования: состояние и пути совершенствования // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: Общественные науки. 2016. № 764. С. 186–199.
17. Саблуков А.В. Социологический мониторинг реализации образовательных программ: опыт и результаты // Социология образования. 2016. № 8. С. 33–51.
18. Шалупенко В.В. Московская сфера образования: профессиональный взгляд изнутри по результатам социологического исследования // Социология образования. 2013. № 4. С. 15–32.
19. Gibson J.J. The Ecological Approach to Visual Perception. Boston: Houghton Mifflin, 1979.
20. Kryukova E., Vinichenko M., Makushkin S., Bondaletov V., Potekhina E. I dr. (2016). On sustainable economic development of the mono town of Baikalsk // International Journal of Economic Research.

References

1. Bondaletov V.V. Teoriya organizacii i organizacionnoe povedenie. M., 2015.
2. Dzhegutanov B., Olejnikov V. Obshchestvoznanie. Otvety dlya shkol'nikov i abiturientov. 2006. 160 s. URL: http://artlib.osu.ru/Docs/piter/bookchap/978546901145.html.
3. Kasyuk A.Ya., Anderzhanova G.V., Demchenko T.S., Demchenko M.V. i dr. Kachestvo stolichnogo obrazovaniya v ocenkakh osnovnykh sub"ektov obrazovatel'nogo processa. M., 2016. 294 s.
4. Kirillov N.P. Ekopsikhologicheskij podkhod k formirovaniyu ekologicheskoj kul'tury uchashchegosya // Social'naya politika i sociologiya. 2010. № 9 (63). S. 114–127.
5. Kirillov N.P., Maslikov V.A. Upravlenie innovaciyami v social'noj sfere v kontekste ustojchivogo razvitiya sovremennogo rossijskogo obshchestva // Materialy Afanas'evskikh chtenij. 2017. № 4 (21). S. 5–19.
6. Komenskij Ya.A. Izbrannye pedagogicheskie sochineniya. T. 2. Otdel'nye proizvedeniya. M., 1939.
7. Lebedeva V.P., Orlov V.A., Panov V.I. Psikhodidakticheskie aspekty razvivayushchego obrazovaniya // Pedagogika. 1996. № 6; Uchitelyu o psikhologii / pod red. V.P. Lebedevoj, V.I. Panova. M.: Molodaya gvardiya, 1997.
8. Lesgaft P.F. Izbrannye pedagogicheskie sochineniya / sost. I.N. Resheten'. M., 1990.
9. Maslikov V.A. Innovacionnye tekhnologii utverzhdeniya prioriteta nacional'noj ideologii v sovremennom kitajskom obrazovanii / Innovacionnye tekhnologii v obrazovanii i biznese: mater.Vseros. nauch.-prakt. konf. Mosk. gos. tekhn. un-ta (MIREA): sb. st. / pod red. A.V. Soroko, D.A. Shemonchuk; kaf. informacionnykh tekhnologij v gosudarstvennom upravlenii Mosk. tekhnolog. un-ta. 2018. S. 75–81.
10. Maslikov V.A. Organicheskaya model' ustojchivogo razvitiya obshchestva // Social'naya politika i sociologiya. T. 16. 2017. № 1 (120). S. 114–122.
11. Nazarenko S.V. Tekhnologiya social'nogo kontrolya v universitetskikh obrazovatel'nykh praktikakh // Pravo i obrazovanie. 2018. № 7. S. 73–88.
12. Panov V.I. K probleme psikhologo-pedagogicheskogo proektirovaniya i ekspertizy obrazovatel'nogo uchrezhdeniya // Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie. 2001. № 2. S. 14–20.
13. Panov V.I. Psikhodidaktika obrazovatel'nykh sistem: teoriya i praktika. SPb.: Piter, 2007. 352 s.
14. Prodchenko I.A. Razvitie i podderzhka innovacij kak glavnoe uslovie k perekhodu na novyj tekhnologicheskij uklad ekonomiki // Innovacionnye tekhnologii v obrazovanii i biznese: mater. Vseros. nauch.-prakt. konf. Mosk. gos. tekhn. un-ta (MIREA): sb. st. / pod red. A.V. Soroko, D.A. Shemonchuk; kaf. informacionnykh tekhnologij v gosudarstvennom upravlenii Mosk. tekhnolog. un-ta. 2018. S. 113–122.

15. Rakhimova N.A. Ekologicheskoe obrazovanie v Rossii: sovremennaya tendenciya – formirovanie «mody na ekologiyu» // Ekologiya i pravo. URL: http://bellona.ru/2018/02/22/eco-education-russia.
16. Sablukov A.V. Informacionnoe vzaimodejstvie v sfere obrazovaniya: sostoyanie i puti sovershenstvovaniya // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Seriya: Obshchestvennye nauki. 2016. № 764. S. 186–199.
17. Sablukov A.V. Sociologicheskij monitoring realizacii obrazovatel'nykh programm: opyt i rezul'taty // Sociologiya obrazovaniya. 2016. № 8. S. 33–51.
18. Shalupenko V.V. Moskovskaya sfera obrazovaniya: professional'nyj vzglyad iznutri po rezul'tatam sociologicheskogo issledovaniya // Sociologiya obrazovaniya. 2013. № 4. S. 15–32.
19. Gibson J.J. The Ecological Approach to Visual Perception. Boston: Houghton Mifflin, 1979.
20. Kryukova E., Vinichenko M., Makushkin S., Bondaletov V., Potekhina E. I dr. (2016). On sustainable economic development of the mono town of Baikalsk // International Journal of Economic Research.

Библиографическое описание статьи / Reference to article

Кириллов Н.П., Масликов В.А. Роль экологических инноваций в устойчивом развитии российского общества // Социальная политика и социология. Т. 17. 2018. № 4 (129). С. 94–101. DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-4-94-101 (Библиографическое описание согласно российским стандартам).

Kirillov N.P., Maslikov V.A. Rol' ekologicheskikh innovacij v ustojchivom razvitii rossijskogo obshchestva // Social'naya politika i sociologiya. T. 17. 2018. № 4 (129). S. 94–101. DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-4-94-101 (Reference in Roman script).

Kirillov, N.P. & Maslikov, V.A. (2018) The Role of Environmental Innovations in the Sustainable Development of Russian Society, *Social Policy and Sociology*. Vol. 17. No. 4 (129). P. 94–101. DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-4-94-101 (International bibliographic description).

Т.В. Леонтьева,
аспирантка, Российский государственный социальный университет, Москва.
T.V. Leontyeva,
postgraduate student, Russian State Social University, Moscow.
E-mail: taechka_2511@mail.ru

УДК 316.4
DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-4-102-109

Визуальный образ социально-экономического положения семьи на телевидении

The Visual Image of the Socio-Economic Status of the Family on Television

Дата поступления	*Дата препринта*	*Дата публикации*
07.09.2018	20.11.2018	19.12.2018

Аннотация: *в статье рассматривается визуальный образ семьи в современных телевизионных СМИ, выделяя социально-экономический аспект ее положения. Описаны конкретные визуальные образы семьи в разных видах телевизионных средств массовой информации – рекламе, телепередачах, телешоу, сериалах. Использован контент-анализ понятий и эмпирических индикаторов визуального образа семьи на базе системы «Медиология». Визуальный образ семьи и ее социально-экономическое положение заметно различается в зависимости от вида телевизионных СМИ, функций и целей, которые ставят перед собой создатели данного контента. Реклама тиражирует идеализированный визуальный образ семьи и ее социально-экономического положения. Анализ развлекательных передач, напротив, показал конфликтные, отрицательные эмоции. В телевизионных сериалах аспекты социально-экономического положения варьируются в зависимости от конкретной личности.*

Annotation: *in article the visual image of family in modern television media is considered, marking out social and economic aspect of its situation. The visual images of family in different types of television mass media – advertizing, telecasts, a TV show, series are described. The content analysis of the concepts and empirical indicators of the family's visual image based on the Mediology system is used. The visual image of family and its economic and social situation considerably differs, depending on a type of television media, functions and the purposes which are set before themselves by creators of this content. Advertising replicates the idealized visual image of the family and its socio-economic status. Analysis of entertainment programs, on the contrary, showed conflicting, negative emotions. In television series, aspects of the socio-economic situation depending on the individual.*

Ключевые слова: *визуальный образ, семья, средства массовой информации, социальное положение, телевидение, реклама, сериалы, телепередачи.*

Key words: *visual image, family, media, social status, television, advertising, serials, TV shows.*

Введение. Актуальность социологического исследования визуального образа семьи в современных средствах массовой информации обусловлена, во-первых, изменением роли СМИ, как в повседневной жизни отдельных индивидов, так и общества в целом [4]. Средства массовой информации транслируют определенные образы семьи и брака, влияя на брачно-семейные ценностные установки индивидов [23].

Индивиды одобряют, а затем и применяют в повседневной жизни образы поведения и стереотипы семейной жизни, которые популяризируют СМИ, которые вызывают у них положительное впечатление. СМИ как агент социализации личности транслирует правила и нормы, принятые в данном обществе, в данный исторический период.

Кроме того, актуальность социологического исследования визуального образа семьи в современных средствах массовой информации связана также с поиском возможного выхода из институционального кризиса, в котором находится современная российская семья. Возможной причиной данного кризиса могут являться искаженные представления о семье в целом и о семьях выдающихся и известных людей прошлого и настоящего, некорректный и неправдоподобный образ семьи в СМИ, ее негативный имидж в целом. Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года от 25 августа 2014 года приоритетными направлениями считает утверждение традиционных семейных ценностей, к которым относится ценность брака как союза между мужчиной и женщиной, основанного на государственной регистрации в загсе, и в качестве средства достижения данной цели – использование СМИ для пропаганды семейных ценностей, преимуществ брака, достижения престижа семьи в обществе, формирования установки на многодетность (с этой целью могут выпускаться ток-шоу, передачи по телевидению и радио).

В связи с этим необходимо отметить социологические исследования, проведенные Ж. Бодрийяром [3], Ж. Лотаром, Ж. Делеза, Э. Ноэль-Нойман [14], Э. Тоффлером, которые посвящены проблемам массового сознания постиндустриального общества. Среди российских ученых, которые внесли значительный вклад в развитие данной проблематики, отметим В.А. Ядова [19], Е.В. Суслова [18], а также Я.Н. Засурского [8].

Согласно теории, описывающей информационное общество (ее разработчиком является Д. Белл), общественные трансформации обусловлены не только сутью передаваемой информации, но и тем, посредством каких способов она транслируется [7]. Исследованием СМИ как важнейших каналов, за счет которых осуществляется массовая коммуникация, занимались многие ученые: Г. Годе, К. Маннгейм, П. Лазарсфельд, Д. Брайант и С. Томпсон [5], М. Маклюен [12], А. Бриггз и П. Кобли [6]. Среди отечественных исследователей необходимо отметить Б.А. Грушина, В.З. Алексеева, Т.А. Дридзе, И.В. Лысакова, Б.М. Фирсова, А.Н. Коган [13].

Среди зарубежных авторов, которые разрабатывали методологические подходы к исследованию визуальных образов, были Ч. Пирс, Ф. де Сосюр, Р. Барт [1], П. Бергер [2], М. Фуко; к отечественных исследователям, занимающимся данной темой, относятся Е.Р. Ярская-Смирнова [21], О.А. Кармадонов [9], И.В. Проневская [15], Ч.С. Шакеева.

Однако в современной социологической науке недостаточно узкоспециализированных работ и исследований, посвященных визуальному образу семьи в контексте социально-экономического положения. В прикладных исследованиях Е.И. Кравченко, А.Б. Гофмана, И.В. Грошева, Р.М. Ямпольской выявляются научно обоснованные показатели влияния СМИ на формирование определенного имиджа семьи, а само применение средств визуальной социологии зачастую ограничивается изучением фотографий. В данном исследовании была предпринята попытка исследования телевизионных СМИ с помощью триангуляции методов. Среди всех видов средств массовой информации для исследования визуального образа семьи были выбраны телевизионные СМИ, которые имеют ряд преимуществ, таких как наглядность, возможность соучастия, с помощью которых можно зафиксировать формы взаимодействия в семье, стиль жизни, проявление неравенства среди членов семьи. Немаловажными факторами являются популярность и востребованность данного вида средств массовой информации, поскольку он имеет направленность на определенные сегменты аудитории: детей, молодежь, пожилых людей, – а также делится на определенные тематики: культура, досуг, домоводство и т.д.

Методика. Для изучения визуального образа семьи в телевизионных СМИ нами был использован контент-анализ понятий и эмпирических индикаторов визуального образа семьи в контексте социально-экономического положения. Показателями для полученных переменных социально-экономического положения являются образование, социальное окружение, род занятий, профессия, власть, источник и размер доходов (низкий, средний, высокий,

а также в количественном виде). Выбор исследуемых телеканалов происходил посредством анализа рейтинга самых цитируемых ТВ-каналов в отчете за ноябрь 2018 года в системе «Медиология». Индекс цитируемости рассчитывался на базе математико-лингвистического анализа текстов открытых источников телевизионных СМИ без участия рейтингов отраслевых телеканалов. Таким образом, контент самых цитируемых ТВ-каналов – «Россия 1», «Рен ТВ» и «Первый канал» – использовался в данном исследовании. На завершающем этапе был использован интерпретативный метод.

Результаты. В рамках нашего исследования был проведен анализ ***рекламы*** на телеканалах «Россия 1», «Рен ТВ» и «Первый канал». Проведенное нами исследование показало, что реклама любого продукта для достижения цели – приобретение товаров и услуг – апеллирует к основным ценностям человечества, неким идеалам и обобщенным представлениям о мире. Чтобы потребитель захотел приобрести товар, его репрезентация должна отправлять его к неким образам или воспоминаниям об этом образе, знакомым ему, вызывая положительные эмоции, связанные с вниманием, лаской, заботой, теплотой и душевностью. Для этого в рекламе часто используют визуальный образ семьи, поскольку она представляет большую ценность для человека и внушает доверие потенциальным покупателям продукта. Индивид бессознательно соотносит себя и свою семью с визуальным образом семьи, которую он видит в рекламе, и если этот образ ему импонирует, то у потребителя появляется желание воспользоваться данным товаром или услугой, без которых образ «идеальной» семьи не может быть достигнут. Так, исследование показало, что членов семьи в рекламе чаще всего изображают радостными и счастливыми, демонстрирующими идеальные межличностные отношения.

Основная цель, которая должна быть достигнута при осуществлении рекламной деятельности – передать целевое послание как можно большему количеству людей. Поскольку каждый человек обладает собственным представлением о том, какая семья является идеальной, то реклама, которая призвана сформировать образ идеальной семьи, использует нуклеарные семьи. Расширенная семья используется в рекламе тех продуктов, которые с помощью образов прародителей стремятся показать натуральность продукта.

Реклама использует в основном образ семьи с высоким достатком, что подчеркивается интерьером и одеждой. Семья в рекламе однодетна, реже двухдетна, образ многодетной семьи практически не используется. Дети, как правило, разнополые и представлены как шалуны и непоседы, забавные малыши, часто даются сюжеты с юмористическими сценами, или, напротив, дети представлены как помощники. В рекламе акцентируется внимание на традиционном распределении полоролевых обязанностей в семье, а именно: супруга занимается приготовлением пищи, убирает квартиру и следит за домом, заботиться о детях, ходит за покупками. Девочки, как правило, помогают мамам по дому, а мальчики проводят время с отцом. Супруг читает газету или смотрит телевизор, ходит на работу или работает физически на приусадебном участке, ходит с сыном на рыбалку или вместе с ним занимается ремонтом машины. Бабушка вяжет, занимается подсобным хозяйством, выпекает пироги, дедушка же дает советы [11].

Важную роль играет текстовое послание. Зачастую оно реализуется в виде рассказа либо монолога. Просмотрев рассказ, зритель должен сделать вывод, к которому его подталкивают авторы послания. Текст, который ориентирован на традиционные ценности семьи, акцентирует внимание зрителя на том, насколько важна семья. Такой подход позволяет существенно увеличить сбыт продукции среди той категории людей, для которых традиционные ценности семьи являются важными и незыблемыми.

В рекламе всегда используется идеализированное представление о семье. Это обосновывается тем, что назначение рекламы – формирование у зрителя положительного отклика.

Анализ ***развлекательных передач***, напротив, показал использование конфликтных и отрицательных эмоций. В трансляциях подобного рода взрослые члены семьи, как правило,

представлены карьеристами, чей основной интерес заключается в постоянном увеличении дохода. В развлекательных передачах представлены семьи, взрослые члены которых ранее уже имели отношения с иными партнерами, в результате которых у них появлялись внебрачные дети.

Супруги зачастую не имеют никаких обязанностей друг перед другом, а семейные роли являются нарушенными. По результатам исследования лексем был сделан вывод о том, что передачи развлекательного характера популяризуют образ семьи, в которой имеется либо один, либо два ребенка. Кроме того, сегодня во многих ***телешоу*** есть сюжеты о том, какие проблемы возникают в том случае, если дети-сироты начинают жить в приемной семье. Зачастую в передачах используются примеры конкретных семей, говорится о проблемах, связанных с воспитанием детей, а также показаны внутрисемейные отношения. Акцент делается на независимость, личностный успех, карьерный рост, приоритет личных потребностей над потребностями членов семьи в противовес ценностям семьи в целом и материнства в частности, обсуждаются такие проблемы, как сложность совмещения семейных и профессиональных обязанностей женщины, жилищные условия, недостаток финансовых средств, сложные межличностные отношения между родителями и детьми, супругами, измены. Демонстрируются молодые семьи, нуклеарные семьи [22].

Сегодня ***телевизионные сериалы*** очень популярны, они производятся и потребляются в больших количествах и стали неотъемлемой составляющей жизни современного человека [20]. В основном главные герои сериалов – это молодежь (лица от 16 до 30 лет), физически здоровые, следящие за собой юноши и девушки [17]. Они не состоят в браке и, как правило, обучаются в среднеобразовательной школе или вузе. Живут в городе, кто-то постоянно, а кто-то приехал в него на время учебы. Общей для всех героев является неопределенность их религиозного статуса. Остальные аспекты их социально-экономического положения варьируются в зависимости от конкретной личности.

Исследование визуального образа семьи и ее социально-экономического положения позволило выделить пять категорий персонажей: «золотая молодежь», «любители красивой жизни», «нормалисты», «групповая молодежь» и «девианты-одиночки». Рассмотрим их подробнее.

«*Золотая молодежь*». Представители этой категории – молодые люди из обеспеченных семей, в которых тем не менее, за исключением высоких доходов, не всё благополучно. Родители героев либо уже в разводе, либо на пороге развода, что негативно сказывается на психологическом состоянии детей и на их отношениях с родителями. Стремясь отстоять свою независимость, молодые люди зачастую вступают в конфликты.

Родители изначально обеспечивают «золотой молодежи» высокую стартовую площадку, как для получения качественного образования, так и для дальнейшего построения успешной карьеры. Однако здесь стратегии поведения могут различаться в зависимости от духовных характеристик личности. Одни продолжают пользоваться преимуществами высокого социального статуса семьи, остаются на положении иждивенцев и не занимаются при этом накоплением интеллектуального капитала. Другие же представители «золотой молодежи», наоборот, стремятся к самореализации в продуктивной, полезной и одобряемой обществом деятельности. Материальный достаток выступает стимулом для учебы и работы и в конечном счете – для оправдания через труд своего высокого социального статуса.

«*Любители красивой жизни*». Если для «золотой молодежи» дорогие рестораны, модные клубы и бутики, вечеринки на яхтах и известных мировых курортах являются естественной средой обитания, что обусловлено их принадлежностью к определенному кругу состоятельных семей, то «любители красивой жизни» происходят из семей со средним достатком – они настойчиво пытаются примерить на себя образцы гламурной жизни, представленной на страницах глянцевых журналов. Их поведение построено на подражании «золотой молодежи», прежде всего ее внешнему облику. Потребление статусных дорогих предметов (одежды, ак-

сессуаров, техники) или их копий-эквивалентов, забота о соответствии собственного тела эталонам глянцевых журналов возведены у них в культ. Необходимым атрибутом является и посещение светских вечеринок – не в пример учреждениям науки, культуры или образования. Вне сферы интереса остается образовательная, профессиональная деятельность, политическая, гражданская активность. Семья также не воспринимается как ценность, хотя сексуальным отношениям и их регулярности уделяется значительное внимание.

«*Нормалисты*». Эту группу образует молодежь из семей среднего и ниже среднего достатка, ориентированная – и это ее главная характеристика – на соблюдение принятых социумом юридических и моральных норм. Социальная активность «нормалистов» проявляется в разных сферах. Как правило, они участвуют в общественной жизни вне учебной деятельности своих образовательных учреждений, являются членами клубов и посещают кружки, самообразовываются. Значительное время представители этой группы уделяют учебе, некоторые совмещают ее с работой (как в целях получения навыков в области профессиональной специализации, так и просто дополнительного заработка, обеспечения себя и семьи).

«*Групповая молодежь*». Несмотря на то что в телевизионных сериалах подчеркивается прежде всего индивидуальность героев как личностей, а не представителей каких-либо социальных групп, следует выделить категорию «групповой молодежи», в репрезентации которой чаще всего используются сложившиеся в обществе стереотипы. Эти молодые люди активно отстаивают групповые ценности и следуют групповым нормам, регламентирующим как поведение, так и внешний облик. Последний факт позволяет легко идентифицировать их посредством наблюдения.

«*Девианты-одиночки*». Девиантное поведение молодежи проявляется в различных формах: курение и распитие спиртных напитков в учебном заведении, наркомания, криминальная деятельность (например, избиение, кража, шантаж), такая асоциальная деятельность, как многократный обман, подстрекательство, оскорбление, неуважение к старшим и проч. Эту категорию молодежи образуют преимущественно молодые люди из семей со средним достатком, возможно, неполных, характеризующихся конфликтными отношениями между ее членами. Представители данной группы не преуспевают в учебе, образование не является для них ценностью, но они и не работают. Социальная активность их однообразна – в нее не входят хобби и увлечения.

Выделенные категории молодежи не являются взаимоисключающими – признаки того или иного типа могут одновременно присутствовать в образе одного персонажа.

Еще один сформулированный исследовательский вопрос касался использованных в конструировании социально-экономического положения штампов и стереотипов, которые, как показал анализ, действительно, применялись в сериалах. Так, общепризнанные «*красотки*», окруженные мужским внимание, предстают как девушки далекие от учебных забот, обладающие, однако, житейской смекалкой. Они следят за своей внешностью, одеваются ярко, броско, порой даже слишком вызывающе, выбирая соответствующий яркий макияж. Короткие юбки, глубокие вырезы, откровенные позы и раскованное поведение – всё это акцентирует сексуальность героинь и оформляет центральную идею образа – быть объектом мужского внимания.

В отличие от «красоток» «*отличницы*» одеваются неброско, скромно. Основное занятие для них – это учеба, но их ум не восхищает окружающих молодых людей. «Отличницы» часто становятся объектом насмешек, их считают неполноценными и страдающими от различных комплексов.

Шаблонным выглядит изображение «*спортсмена*» как глуповатого человека с лицом, лишенным интеллекта, который всё время ходит в спортивной одежде, чьи движения ловки только на тренировках и выглядят неуклюже в повседневной жизни.

Заключение. В рамках исследования был проанализирован визуальный образ семьи в контексте ее социально-экономического положения в современных телевизионных СМИ.

Проанализированы визуальные образы семьи в рекламе, развлекательных телепередачах, телешоу и современных молодежных сериалах. Визуальный образ семьи и ее социально-экономическое положение заметно различаются в зависимости от вида телевизионных СМИ, функций и целей, которые ставят перед собой создатели данного контента.

Таким образом, посредством рекламы можно тиражировать идеализированное представление о семье и о том, в каком социальном, экономическом положении она должна находиться. Такая роль рекламы обосновывается тем, что ее конечная цель – формирование положительного отклика у зрителя.

Анализ развлекательных передач, напротив, показал конфликтные, отрицательные эмоции. Контент-анализ позволил сделать вывод о том, что развлекательные телепередачи делают акцент на таких проблемах, как сложность совмещения семейных и профессиональных обязанностей женщины, недостаток финансовых средств, неблагоприятные жилищные условия, сложные межличностные отношения между родителями и детьми, супругами, измены; в них демонстрируется нуклеарный тип семьи.

В телевизионных сериалах аспекты социально-экономического положения варьируются в зависимости от конкретной личности. Здесь есть и «золотая молодежь» – молодые люди из обеспеченных семей, чьи родители изначально обеспечивают как получение качественного образования, так и дальнейшее построение успешной карьеры; «любители красивой жизни», которые происходят из семей со средним достатком и настойчиво пытаются примерить на себя образцы жизни высших слоев населения. Группу «девиантов-одиночек» образуют преимущественно молодые люди из семей со средним достатком, возможно, неполных, характеризующихся конфликтными отношениями между ее членами. Группу «нормалистов» образует молодежь из семей среднего и ниже среднего достатка, ориентированная на соблюдение принятых социумом юридических и моральных норм.

Значимость исследования визуального образа семьи и отображения ее социально-экономического положения в современных СМИ обусловлена тем, что его результаты могут быть использованы в рамках реализации семейной и демографической политики для пропаганды традиционного семейного образа жизни, благополучной и процветающей многодетной семьи в учебных заведениях, школах, реабилитационных центрах.

Список литературы

1. Барт Р. Смерть автора // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1994. С. 384–391.
2. Бергер П.Л., Бергер Б., Коллинз Р. Личностно-ориентированная социология. М.: Академический проект, 2004.
3. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции // Философия эпохи модерна. Минск, 1996. С. 32–47.
4. Бориснев С.В. Социология коммуникации: учеб. пособие для вузов. М.: Юнити-Дана, 2003. С. 23–29.
5. Брайант Д., Томпсон С. Основы воздействия СМИ / пер. с англ. М.: Вильямс, 2004.
6. Бриггз А., Кобли П. Медиа. Введение: учебник для вузов / пер. с англ. 2-е изд. М.: Юнити-Дана, 2005.
7. Еляков А.Д. Современная информационная революция // Социологические исследования. 2003. № 10.
8. Засурский Я.Н. Средства массовой информации в постсоветской России. М.: Аспект пресс, 2002.
9. Кармадонов О.А. «Символ» в эмпирическом исследовании // Социс. 2004. № 6.
10. Катаева В.И., Фомичева Т.В. Социально ориентированные некоммерческие организации (СО НКО) по делам семьи и детей в России: системные проблемы развития // Социальная политика и социология. Т. 16. 2017. № 6 (125). С. 45–53.
11. Леонтьева Т.В. Разнообразие стратегий формирования образа семьи в современных СМИ // Материалы Афанасьевских чтений. Т. 1. 2015. № 13. С. 284–286.
12. Маклюен М. Понимание медиа. Внешние расширения человека. М.: Кучково поле, 2003.

13. Науменко Т.В. Социология массовых коммуникаций в структуре социологического знания // Социологические исследования. 2003. № 10.
14. Ноэль-Нойман Э.Общественное мнение. М.: Прогресс, 1996.
15. Проневская И.В. Качественные методы в фамилизме и феминизме // Сорокинские чтения – 2004, МГУ. 2005. Т. 2.
16. Савинов Л.И. Социокультурная детерминация социальной защиты семьи // Социальная политика и социология. Т. 16. 2017. № 2 (121). С. 164–171.
17. Сергеев В.К. Молодежная культура и СМИ. М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2002.
18. Суслов Е.В. Инструментальная роль СМИ при формировании общественного мнения в процессе становления гражданского общества: учеб. пособие. Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т, 2004.
19. Ядов В.А. Социальная идентификация в кризисном обществе // Социологический журнал. 1994. № 1.
20. Яковлев И.П. Современные теории массовой информации. СПб., 2012.
21. Ярская-Смирнова Е.Р. Социологический анализ кинотекста // Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность: сб. науч. ст. / под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой. Саратов: Научная книга, 2007. С. 467–503.
22. Leontyeva T.V. Display of the socio-economic situation of the family in the modern media // Contemporary Problems of Social Work. Vol. 1. 2015. No. 1 (1). P. 74–80.
23. Worth S. Studying Visual Communication. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1981.

References

1. Bart R. Smert' avtora // Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika. M.: Progress, 1994. S. 384–391.
2. Berger P.L., Berger B., Kollinz R. Lichnostno-orientirovannaya sociologiya. M.: Akademicheskij proekt, 2004.
3. Bodrijyar Zh. Simulyakry i simulyacii // Filosofiya epokhi moderna. Minsk, 1996. S. 32–47.
4. Borisnev S.V. Sociologiya kommunikacii: ucheb. posobie dlya vuzov. M.: Yuniti-Dana, 2003. C. 23–29.
5. Brajant D., Tompson S. Osnovy vozdejstviya SMI / per. s angl. M.: Vil'yams, 2004.
6. Briggz A., Kobli P. Media. Vvedenie: uchebnik dlya vuzov / per. s angl. 2-e izd. M.: Yuniti-Dana, 2005.
7. Elyakov A.D. Sovremennaya informacionnaya revolyuciya // Sociologicheskie issledovaniya. 2003. № 10.
8. Zasurskij Ya.N. Sredstva massovoj informacii v postsovetskoj Rossii. M.: Aspekt press, 2002.
9. Karmadonov O.A. «Simvol» v empiricheskom issledovanii // Socis. 2004. № 6.
10. Kataeva V.I., Fomicheva T.V. Social'no orientirovannye nekommercheskie organizacii (SO NKO) po delam sem'i i detej v Rossii: sistemnye problemy razvitiya // Social'naya politika i sociologiya. T. 16. 2017. № 6 (125). S. 45–53.
11. Leont'eva T.V. Raznoobrazie strategij formirovaniya obraza sem'i v sovremennykh SMI // Materialy Afanas'evskikh chtenij. T. 1. 2015. № 13. S. 284–286.
12. Maklyuen M. Ponimanie media. Vneshnie rasshireniya cheloveka. M.: Kuchkovo pole, 2003.
13. Naumenko T.V. Sociologiya massovykh kommunikacij v strukture sociologicheskogo znaniya // Sociologicheskie issledovaniya. 2003. № 10.
14. Noel'-Nojman E.Obshchestvennoe mnenie. M.: Progress, 1996.
15. Pronevskaya I.V. Kachestvennye metody v familizme i feminizme // Sorokinskie chteniya – 2004, MGU. 2005. T. 2.
16. Savinov L.I. Sociokul'turnaya determinaciya social'noj zashchity sem'i // Social'naya politika i sociologiya. T. 16. 2017. № 2 (121). S. 164–171.
17. Sergeev V.K. Molodyozhnaya kul'tura i SMI. M.: RIC ISPI RAN, 2002.
18. Suslov E.V. Instrumental'naya rol' SMI pri formirovanii obshchestvennogo mneniya v processe stanovleniya grazhdanskogo obshchestva: ucheb. posobie. Joshkar-Ola: Marijskij gos. un-t, 2004.
19. Yadov V.A. Social'naya identifikaciya v krizisnom obshchestve // Sociologicheskij zhurnal. 1994. № 1.
20. Yakovlev I.P. Sovremennye teorii massovoj informacii. SPb., 2012.
21. Yarskaya-Smirnova E.R. Sociologicheskij analiz kinoteksta // Vizual'naya antropologiya: novye vzglyady na social'nuyu real'nost': sb. nauch. st. / pod red. E.R. Yarskoj-Smirnovoj. Saratov: Nauchnaya kniga, 2007. S. 467–503.

22. Leontyeva T.V. Display of the socio-economic situation of the family in the modern media // Contemporary Problems of Social Work. Vol. 1. 2015. No. 1 (1). P. 74–80.
23. Worth S. Studying Visual Communication. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1981.

Библиографическое описание статьи / Reference to article

Леонтьева Т.В. Визуальный образ социально-экономического положения семьи на телевидении // Социальная политика и социология. Т. 17. 2018. № 4 (129). С. 102–109. DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-4-102-109 (Библиографическое описание согласно российским стандартам).

Leont'eva T.V. Vizual'nyj obraz social'no-ehkonomicheskogo polozheniya sem'i na televidenii // Social'naya politika i sociologiya. T. 17. 2018. № 4 (129). S. 102–109. DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-4-102-109 (Reference in Roman script).

Leontyeva, T.V. (2018) The Visual Image of the Socio-Economic Status of the Family on Television, *Social Policy and Sociology*. Vol. 17. No. 4 (129). P. 102–109. DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-4-102-109 (International bibliographic description).

Г.И. Осадчая,
д-р социол. наук, профессор, руководитель Центра исследования процессов евразийской интеграции, ИСПИ РАН, Москва.
G.I. Osadchaya,
doctor of sociological sciences, professor, head of the Center for the Study of Processes of Eurasian Integration, ISPI RAS, Moscow.
E-mail: osadchaya111@gmail.com

УДК 316
DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-4-110-117

Методология мониторинга интеграционных процессов в Евразийском экономическом союзе

The Methodology for Monitoring the Integration Processes in the Eurasian Economic Union

Дата поступления	*Дата препринта*	*Дата публикации*
19.09.2018	20.11.2018	19.12.2018

Аннотация: *в статье представлена разработанная автором методология многоаспектного мониторинга процессов евразийской интеграции, формирующая в режиме ситуативной осведомленности информационную базу для предупреждения кризисов, принятия упреждающих решений в различных сферах интеграции, а также дается конкретная социологическая модель измерения социальной эффективности становления Евразийского экономического союза (ЕАЭС), основанная на системах показателей, характеризующих социальные результаты интеграции, включая субъективные оценки восприятия населением происходящих изменений и их готовности поддерживать вхождение в ЕАЭС, а также мнения экспертов об интеграционных процессах. Социологический мониторинг обеспечивает совместимость с другими форматами фиксации, анализ и прогнозирование событий, актуализацию и детализацию информации, вносит вклад в обоснованность управленческих решений. Предложенная методология многоаспектного мониторинга интеграционных процессов может быть использована для расширения информационно-аналитической поддержки принятия управленческих решений субъектами управления интеграционными процессами в ЕАЭС и на постсоветском пространстве, для аналитической оценки экспертами социальных эффектов строительства ЕАЭС, в учебной работе при подготовке специалистов в области социологии, политологии, экономики, подготовке диссертационных исследований на соискание степени кандидата и доктора социологических, экономических и политических наук.*

Annotation: *the article presents the methodology of a multi-aspect monitoring the Eurasian integration processes developed by the author. This methodology was based on analyzing the experience in the monitoring research within the integration unions and assessing the opportunities given by the intellectual and information technologies of the last generation. The methodology is being under the regime of a situational awareness and includes an information base for crisis prevention and taking proactive decisions in various integration spheres. The article also presents a particular sociological model for measuring the social efficiency of developing the Eurasian Economic Union (EEU) based on the resource, procedural, output and integral indicators that characterize the social effects of the integration and include the subjective assessment made by the population as to the changes and its readiness to support the entry into the EEU and experts' views on the integration processes as well. This sociological monitoring provides compatibility with other formats to capture information within a comprehensive monitoring, analyzing and predicting events, updating and detalizing information; it also contributes to validating management decisions. The development of the methodology is based on a comprehensive approach, modeling, analysis and synthesis, a comparable analysis, generalization. The proposed conception of a multi-aspect monitoring the integration processes can be used for enhancing an information analysis support to management decisions being made*

by actors of the integration processes in the EEU and post-Soviet Union actors as well; for an analytical assessment being made by experts in the social benefits from the EEU construction; in the academic work when training specialists in the field of sociology, political science and economics, when preparing candidate and doctoral theses in sociological, economical and political sciences.

Ключевые слова: *Евразийский экономический союз (ЕАЭС), евразийская интеграция, методология мониторинга, социально-политическое измерение, показатели (объективные, субъективные, ресурсные, процессуальные, результативности, интегральные) интеграционных процессов.*

Key words: *Eurasian Economic Union (EEU), Eurasian integration, monitoring methodology, socio-political dimension, indicators (objective, subjective, resource, procedural, performance, integrated) of integration processes.*

Введение. Сложившаяся практика мониторинга интеграционных процессов в Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС), реализуемая Евразийской экономической комиссией (ЕЭК), ориентирована на отслеживании только экономических показателей интеграции. Единственный источник мнений и отношения граждан государств – членов Союза к функционированию Союза, их оценки динамики экономических, политических, гуманитарных аспектов евразийской интеграции и кооперации [13] сегодня утрачен в связи с тем, что Евразийский банк развития (ЕАБР), который долгие годы вел мониторинг предпочтений населения стран постсоветского пространства в рамках проекта «Интеграционный барометр ЕАБР», в 2018 году отказался от его проведения.

Невнимание к социально-гуманитарной ситуации в странах – членах ЕАЭС и СНГ к мнениям и суждениям людей может обернуться снижением социальной поддержки, повлиять на внутреннюю и внешнюю политику государств – членов ЕАЭС, сохранение их членства в Союзе, его расширение, результаты экономического развития.

Методика. При разработке методологии комплексного мониторинга использовались: методы сравнительного анализа опыта мониторинговых исследований в интеграционных объединениях мира, систем показателей интеграционных процессов, используемых ими для учета результатов строительства этих объединений, оценки возможностей, предоставляемых интеллектуальными информационными технологиями последнего поколения и использования их в многоаспектном мониторинге интеграционных процессов в ЕАЭС; процедуры интерпретации и операционализации категорий «интеграционная модель ЕАЭС», «социальная эффективность интеграционных процессов», обоснования систем показателей (ресурсных, процессуальных, результативности) и методов сбора информации, синтеза и обобщения при построении интегральных показателей интеграционных процессов.

Результаты. Реализация интеграционной модели ЕАЭС как нового интеграционного объединения в экономической сфере отнюдь не означает, что предметом мониторингового наблюдения должны быть только экономические показатели развития любого из названных выше типов (показателей экономического развития или интеграционных процессов), как это практикуется сегодня. Успех евразийской интеграции в значительной степени детерминирован социальными результатами ЕАЭС и уровнем поддержки населением интеграционных процессов, а включение интеллектуального и духовного потенциала людей в интеграционные процессы признается основанием создания Союза [6].

В связи с этим в целях повышения действенности управления интеграционными процессами в ЕАЭС необходимо расширение функциональных возможностей мониторинга за счет: комплексного отслеживания динамики социально-экономической и социокультурной ситуации в странах – членах ЕАЭС, всей совокупности связей и свойств Евразийского экономического союза как системы; изучения мнений и суждений людей об интеграционных процессах, что будет способствовать раннему предупреждению различных кризисов, оценке национальных, субнациональных и международных кризисов, принятию упреждающих решений в разных сферах интеграции.

Особенности методологических подходов к разработке такого мониторинга задаются сложностью интеграционной модели стран ЕАЭС. Она, по сути, реализуется в управлении

различными сферами жизнедеятельности людей и требует ситуационной осведомленности о происходящих изменениях в государствах-членах, необходимости проведения нового мониторинга в области современных информационных технологий; формирует потребность в междисциплинарных исследованиях, объединении усилий специалистов в разных областях знаний.

В основу многоаспектного мониторинга заложена идея системного подхода к анализу интеграционных процессов и формирования на этой основе виртуальной реальности, которая:

– максимально близко передает характеристики объективной реальности построения нового интеграционного объединения;

– выступает как современное информационное пространство государств – участников Евразийского экономического союза, при помощи которого возможно проведение моделирования новых количественных и качественных характеристик предметной деятельности субъектов управления интеграционными процессами в Союзе и людей;

– создает условия для выявления причинно-следственных отношений между событиями или явлениями, происходящими в государствах – членах ЕАЭС, оценки их экономических, политических, социальных, информационных, инфраструктурных характеристик.

Такой подход обеспечивает максимальное документирование образа желаемой интеграционной ситуации и позволяет анализировать динамику интеграционных процессов во всем их многообразии, во времени и пространстве, реальных измерениях. В мониторинге фокус внимания сосредоточен на базовых компетенциях и миссии управления.

Комплексный мониторинг интеграционных процессов исходит из возможности устранения различных управленческих, технических и информационных преград в целях организации коллективной и более оперативной работы различных структур, занятых проблемой построения современного интеграционного пространства – ЕАЭС.

Образованная посредством «конвергенции информационно-управляющих сетей, сенсоров и т.п. в рамках ряда постиндустриальных концепций систем мониторинга и управления» [1] динамическая виртуальная среда даст возможность к формированию и развитию инструментов принятия и выбора управленческих решений группами аналитиков.

Эффективность мониторинга обеспечивается совмещением различных форматов фиксации, анализа и прогнозирования событий, что позволяет принимать обоснованные управленческие решения в разных предметных сферах управления интеграционными процессами.

Результативность обнаружения и осуществления контроля за качеством исполнения, а также запланированных или реализованных действий достигается возможностями ситуационной осведомленности об интеграционных процессах, наличием эмпирических маркеров, сведений об информационном обмене заинтересованных участников.

Принимая во внимание традиционные и новые требования к проектированию мониторинга, назовем принципы комплексного, многоаспектного мониторинга, которые имеют особую значимость в организации систематического слежения за ходом интеграционных процессов. Они находят свое отражение в наиболее характерных для интеграционных процессов закономерностях функционирования и развития ЕАЭС – тех правилах, которыми призваны руководствоваться субъекты мониторинговой деятельности.

Методологические принципы мониторинга:

– комплексность мониторинга, включающего в себя объективные и субъективные показатели результативности социально-экономического и социально-культурного развития интеграционных процессов;

– системный анализ и синтез различных как социально-экономических, так и социально-культурных процессов, позволяющих наращивать знания об интеграционных процессах и их составляющих, обобщать и агрегировать показатели, полученные в ходе наблюдения;

– ориентированность функций сбора, обработки, передачи, хранения данных на возможность ретроспективного анализа и прогнозирования показателей интеграционных процессов в ЕАЭС, обмена информацией всех заинтересованных участников;

– совершенство структуры информационного и технологического обеспечения мониторинга, возможность дополнения мониторинга более новыми функциями и показателями;

– обеспечение необходимости и достаточности собираемой в ходе мониторинга информации, что позволяет устранить дублирование и избыточность собираемой информации;

– регулярность и непрерывность проведения мониторинга, обеспечение своевременного принятия упреждающих управленческих решений;

– использование новых методов сбора и обработки плохо формализуемой информации о процессах евразийской интеграции;

– обеспечение совместимости технологий сбора, обработки информации с системой коммуникации и принятия решений регуляторами интеграционных процессов;

– обеспечение технологией мониторинга возможностей оперативного расчета требуемых показателей независимо от форм входных документов и их визуализация.

Субъектом такого мониторинга может стать специальный Центр, созданный при регуляторе интеграционных процессов в ЕАЭС.

Важной частью многоаспектного мониторинга и существенным требованием для наиболее эффективной реализации являются социологическое измерение и оценка социальной эффективности и социальных последствий объединительных процессов в режиме слежения.

1. Разработанные матрицы показателей (социально-экономическая, социально-политическая, социокультурная, социальная) интегрируют в себе множество показателей, которые изоморфны важнейшим характеристикам строительства ЕАЭС как реальному объекту исследования, отвечают современным условиям проведения статистического анализа, а также способствуют более объективному отражению качественных и количественных характеристик интеграционных признаков как в статике, так и динамике, в том числе и под влиянием управляющих воздействий. Структура социального измерения подробно описана в работе «Россия в контексте евразийской интеграции: социальное измерение» (Осадчая Г.И., 2015) [15].

Обсуждение. Россия в контексте евразийской интеграции: социальное измерение. Мониторинг результатов реализации стратегий развития государств – членов интеграционных объединений мира сегодня стал обязательной составляющей, частью информационно-аналитической системы управления. В современной международной практике используются два типа систем: оценки показателей экономического развития [24, с. 7–8] и интеграционных процессов [22]. От имени Европейской комиссии с 1973 года регулярно проводятся также опросы общественного мнения, затрагивающие широкий круг актуальных вопросов, касающихся Европейского Союза во всех его государствах-членах, включая формирование двойной идентичности [3; 23]. Мониторинг выполнения задач стратегического плана «Основные направления экономического развития ЕАЭС до 2030 года» [18], интеграционных процессов в ЕАЭС ведет ЕАБР [8] и ЕЭК [5; 7; 11; 14; 20].

Разработка систем многофункциональных мониторингов ведется учеными многих стран. Интерес с точки зрения разработки методологии мониторинга интеграционных процессов и обеспечения интегрированности информационных систем могут представить американские исследовательские программы [9].

Устойчивое повышение эффективности управленческой деятельности, по оценкам специалистов, демонстрируют зарубежные органы государственного управления, использующие новые информационные технологии, такие как grid-системы и облачные вычисления [1; 2].

Российские ученые [1; 2; 12; 13] указывают на необходимость формирования и развития «механизмов ноомониторинга и когнитивного программирования, атрибутивно-семантического анализа информационных ресурсов, а также организации современной информаци-

онно-телекоммуникационной среды как "инструмента снятия когнитивного слепка субъективной реальности"» [12; 19].

Важной частью мониторинга интеграционных процессов может стать «исследование политических процессов по цифровым маркерам», методологию и методику которого предложили разработчики Е.В. Бродовская, Д.Н. Карзубов и др. [4].

Заключение. Многопрофильный (комплексный, многоаспектный) мониторинг интеграционных процессов в ЕАЭС позволит преодолеть ведомственные, организационные, информационные, технические ограничения, обеспечить благоприятные условия для проведения совместной работы участников разных организаций, а также совмещения различных форматов фиксации анализа и прогнозирования событий, обеспечить ситуативную осведомленность о процессах интеграции, достичь нового качества актуализации и детализации информации для предупреждения национальных, субнациональных и наднациональных кризисов, принятия упреждающих решений в различных сферах интеграции.

Его реализация потребует использования новейших информационных технологий, объединения усилий специалистов в разных областях знаний.

Важнейшая составная часть комплексного мониторинга – социологический мониторинг объективных показателей выполнения задач, поставленных в нормативных документах Союза, и субъективных оценок восприятия населением происходящих изменений и их готовности поддерживать вхождение в ЕАЭС, а также мнений экспертов об интеграционных процессах. Он обеспечивает совместимость с другими форматами фиксации, анализа и прогнозирования событий, вносит вклад в актуализацию и детализацию информации, обоснованность управленческих решений. Субъектом комплексного мониторинга может выступать специальный Центр, созданный при регуляторе интеграционных процессов в ЕАЭС.

Список литературы

1. Агеев А.И., Логинов Е.Л. Битва за будущее: кто первым в мире освоит ноомониторинг и когнитивное программирование субъективной реальности? // Экономические стратегии. 2017. № 2 (144). С. 124–139.
2. Агеев А.И., Логинов Е.Л. «Управление смыслами» как основа комбинирования вероятностей экономической реальности // Экономические стратегии. 2014. № 1. С. 16–25.
3. Александрова Н.В. К вопросу о формировании европейской идентичности // ПОЛИТЭКС. URL: http://www.politex.info/content/view/485/30/ (дата обращения: 23.02.2018).
4. Бродовская Е.В., Карзубов Д.Н. и др. Развитие методологии и методики интеллектуального поиска цифровых маркеров политических процессов в социальных медиа // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 5. С. 79–104.
5. Годовой доклад за 2017 г. «Об итогах и перспективах социально-экономического развития государств – членов ЕАЭС и мерах, предпринятых государствами-членами в области макроэкономической политики». М.: ЕЭК, 2018. 32 с. URL: https://clck.ru/FEdjC.
6. Договор о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 10.10.2014, с изм. от 23.12.2014) (29 мая 2014 г.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_170264/.
7. Доклад о ходе реализации Основных направлений экономического развития ЕАЭС по итогам 2015–2016 гг., включая результаты анализа экономического развития интеграционного объединения в 2010–2014 гг. М.: ЕЭК, 2017. 178 с.
8. Евразийский банк развития. Годовой отчет. 2017. URL: https://eabr.org/upload/iblock/158/EABR_AR_2017_web.pdf.
9. Зеленин Д.В., Логинов Е.Л. Интеграция интеллектуальных управленческих сред (пространств) как основа модернизации и технологического развития экономики России // Экономические науки. 2010. № 9. С. 22–25.
10. Интеграционный барометр ЕАБР. URL: https://eabr.org/upload/iblock/0dc/EDB-Centre_2017_Report-46_EDB-Integration-Barometer_RUS_1.pdf.
11. Информация о подходах к формированию системы мониторинга реализации Основных направлений экономического развития ЕАЭС до 2030 года. URL: http://www.

eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_makroec_pol/seminar (дата обращения: 18.10. 2017).
12. Логинов Е.Л., Райков А.Н., Эриашвили Н.Д. Когнитивно-сетевые модели подготовки отдельных личностей и их агрегированных групп к решению сложных профессиональных задач в кризисных условиях быстро меняющейся внешней среды // Государственная служба и кадры. 2015. № 1. С. 89–95.
13. Логинов Е.Л., Эриашвили Н.Д., Борталевич В.Ю., Логинова В.Е. Когнитивное программирование поведенческих траекторий сотрудников госведомств для поддержки работы государственных институтов управления в сложных быстроизменяющихся условиях // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 5. С. 250–256.
14. Мониторинг экономических показателей государств – членов Евразийского экономического союза. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_makroec_pol/monitoring/Pages/default.aspx (дата обращения: 19.10. 2018).
15. Осадчая Г.И. Россия в контексте евразийской интеграции: социальное измерение // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. Т. 15. 2015. № 4. С. 57–70.
16. Осадчая Г.И., Юдина Т.Н. Евразийский экономический союз: нормативно-правовое обеспечение и тенденции свободного движения рабочей силы // Социальная политика и социология. Т. 16. 2017. № 3 (122). С. 144–153.
17. Осадчая Г.И., Юдина Т.Н. Теоретико-методологические основы социологического анализа образа жизни мигрантов из стран Евразийского экономического союза в России // Социальная политика и социология. Т. 15. 2016. № 6 (119). С. 120–127.
18. Основные направления экономического развития ЕАЭС до 2030 года. М.: ЕЭК, 2015. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_makroec_pol/seminar (дата обращения: 18.10. 2017).
19. Особенности атрибутивно-причастного осложнения. Обучение магистрантов-юристов анализу и переводу английских предикативно-атрибутивных образований. К вопросу об изучении атрибутивных словосочетаний. URL: https://kpfu.ru/conf/docs/F976969302/5_Khlopyanov_AV_stat.doc (дата обращения: 09.09.2018).
20. Отчет о результатах реализации Основных ориентиров макроэкономической политики государств – членов Евразийского экономического союза на 2016–2017 гг. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_makroec_pol/monitoring/Documents/%D0%BE%D1%82%D1%87%D0%B5%D1%82%202017.pdf (дата обращения: 05.04.2018).
21. Райков А.Н. Когнитивное программирование // Экономические стратегии. 2014. № 4. С. 108–113.
22. Asian Economic Integration Monitor. November 2014. URL: https://www.adb.org/publications/asian-economic-integration-monitor-november-2014.
23. Eurobarometer – European Commission. URL: http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinionmobile/index.cfm/General/index.
24. Europe 2020 headline indicators. Smarter, greener, more inclusive? Indicators to support the Europe 2020 strategy. 2018 // Statistical books. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2018. 163 p.

References

1. Ageev A.I., Loginov E.L. Bitva za budushchee: kto pervym v mire osvoit noomonitoring i kognitivnoe programmirovanie sub"ektivnoj real'nosti? // Ekonomicheskie strategii. 2017. № 2 (144). S. 124–139.
2. Ageev A.I., Loginov E.L. «Upravlenie smyslami» kak osnova kombinirovaniya veroyatnostej ekonomicheskoj real'nosti // Ekonomicheskie strategii. 2014. № 1. S. 16–25.
3. Aleksandrova N.V. K voprosu o formirovanii evropejskoj identichnosti // POLITEKS. URL: http://www.politex.info/content/view/485/30/ (data obrashcheniya: 23.02.2018).
4. Brodovskaya E.V., Karzubov D.N. i dr. Razvitie metodologii i metodiki intellektual'nogo poiska cifrovykh markerov politicheskikh processov v social'nykh media // Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i social'nye peremeny. 2017. № 5. S. 79–104.
5. Godovoj doklad za 2017 g. «Ob itogakh i perspektivakh social'no-ekonomicheskogo razvitiya gosudarstv – chlenov EAES i merakh, predprinyatykh gosudarstvami-chlenami v oblasti makroekonomicheskoj politiki». M.: EEK, 2018. 32 s. URL: https://clck.ru/FEdjC.

6. Dogovor o Evrazijskom ekonomicheskom soyuze (podpisan v g. Astane 29.05.2014) (red. ot 10.10.2014, s izm. ot 23.12.2014) (29 maya 2014 g.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_170264/.
7. Doklad o khode realizacii Osnovnykh napravlenij ekonomicheskogo razvitiya EAES po itogam 2015–2016 gg., vklyuchaya rezul'taty analiza ekonomicheskogo razvitiya integracionnogo ob"edineniya v 2010–2014 gg. M.: EEK, 2017. 178 s.
8. Evrazijskij bank razvitiya. Godovoj otchet. 2017. URL: https://eabr.org/upload/iblock/158/EABR_AR_2017_web.pdf.
9. Zelenin D.V., Loginov E.L. Integraciya intellektual'nykh upravlencheskikh sred (prostranstv) kak osnova modernizacii i tekhnologicheskogo razvitiya ekonomiki Rossii // Ekonomicheskie nauki. 2010. № 9. S. 22–25.
10. Integracionnyj barometr EABR. URL: https://eabr.org/upload/iblock/0dc/EDB-Centre_2017_Report-46_EDB-Integration-Barometer_RUS_1.pdf.
11. Informaciya o podkhodakh k formirovaniyu sistemy monitoringa realizacii Osnovnykh napravlenij ekonomicheskogo razvitiya EAES do 2030 goda. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_makroec_pol/seminar (data obrashcheniya: 18.10. 2017).
12. Loginov E.L., Rajkov A.N., Eriashvili N.D. Kognitivno-setevye modeli podgotovki otdel'nykh lichnostej i ikh agregirovannykh grupp k resheniyu slozhnykh professional'nykh zadach v krizisnykh usloviyakh bystro menyayushchejsya vneshnej sredy // Gosudarstvennaya sluzhba i kadry. 2015. № 1. S. 89–95.
13. Loginov E.L., Eriashvili N.D., Bortalevich V.Yu., Loginova V.E. Kognitivnoe programmirovanie povedencheskikh traektorij sotrudnikov gosvedomstv dlya podderzhki raboty gosudarstvennykh institutov upravleniya v slozhnykh bystroizmenyayushchikhsya usloviyakh // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2017. № 5. S. 250–256.
14. Monitoring ekonomicheskikh pokazatelej gosudarstv – chlenov Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_makroec_pol/monitoring/Pages/default.aspx (data obrashcheniya: 19.10. 2018).
15. Osadchaya G.I. Rossiya v kontekste evrazijskoj integracii: social'noe izmerenie // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sociologiya. T. 15. 2015. № 4. S. 57–70.
16. Osadchaya G.I., Yudina T.N. Evrazijskij ekonomicheskij soyuz: normativno-pravovoe obespechenie i tendencii svobodnogo dvizheniya rabochej sily // Social'naya politika i sociologiya. T. 16. 2017. № 3 (122). S. 144–153.
17. Osadchaya G.I., Yudina T.N. Teoretiko-metodologicheskie osnovy sociologicheskogo analiza obraza zhizni migrantov iz stran Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza v Rossii // Social'naya politika i sociologiya. T. 15. 2016. № 6 (119). S. 120–127.
18. Osnovnye napravleniya ekonomicheskogo razvitiya EAES do 2030 goda. M.: EEK, 2015. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_makroec_pol/seminar (data obrashcheniya: 18.10. 2017).
19. Osobennosti atributivno-prichastnogo oslozhneniya. Obuchenie magistrantov-yuristov analizu i perevodu anglijskikh … K voprosu ob izuchenii atributivnykh slovosochetanij. URL: https://kpfu.ru/conf/docs/F976969302/5_Khlopyanov_AV_stat.doc (data obrashcheniya: 09.09.2018).
20. Otchet o rezul'tatakh realizacii Osnovnykh orientirov makroekonomicheskoj politiki gosudarstv – chlenov Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza na 2016–2017 gg. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_makroec_pol/monitoring/Documents/%D0%BE%D1%82%D1%87%D0%B5%D1%82%202017.pdf (data obrashcheniya: 05.04.2018).
21. Rajkov A.N. Kognitivnoe programmirovanie // Ekonomicheskie strategii. 2014. № 4. S. 108–113.
22. Asian Economic Integration Monitor. November 2014. URL: https://www.adb.org/publications/asian-economic-integration-monitor-november-2014.
23. Eurobarometer – European Commission. URL: http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinionmobile/index.cfm/General/index.
24. Europe 2020 headline indicators. Smarter, greener, more inclusive? Indicators to support the Europe 2020 strategy. 2018 // Statistical books. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2018. 163 p.

Библиографическое описание статьи / Reference to article

Осадчая Г.И. Методология мониторинга интеграционных процессов в Евразийском экономическом союзе // Социальная политика и социология. Т. 17. 2018. № 4 (129). С. 110–117. DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-4-110-117 (Библиографическое описание согласно российским стандартам).

Osadchaya G.I. Metodologiya monitoringa integracionnykh processov v Evrazijskom ekonomicheskom soyuze // Social'naya politika i sociologiya. T. 17. 2018. № 4 (129). S. 110–117. DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-4-110-117 (Reference in Roman script).

Osadchaya, G.I. (2018) The Methodology for Monitoring the Integration Processes in the Eurasian Economic Union, *Social Policy and Sociology*. Vol. 17. No. 4 (129). P. 110–117. DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-4-110-117 (International bibliographic description).

А.В. Саблуков,
д-р социол. наук, доцент, профессор кафедры социологии, Институт международных отношений и социально-политических наук Московского государственного лингвистического университета, Москва.
E-mail: asablukov@mail.ru
A.V. Sablukov,
doctor of sociological sciences, professor of the department of sociology, the Institute of the international relations, social and political sciences in Moscow State Linguistic University, Moscow.
E-mail: asablukov@mail.ru

И.И. Никулина,
магистр кафедры социологии, Институт международных отношений и социально-политических наук Московского государственного лингвистического университета, Москва.
E-mail: iranikulina33@gmail.com
I.I. Nikulina,
magister of the department of sociology, the Institute of the international relations, social and political sciences in Moscow State Linguistic University, Moscow.
E-mail: iranikulina33@gmail.com

УДК 316.4
DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-4-118-129

Доверие российской системе здравоохранения: методология и опыт прикладных исследований

The Trust in National Healthcare System: Methodology and Experience of Applied Research

Дата поступления	*Дата препринта*	*Дата публикации*
17.09.2018	20.11.2018	19.12.2018

Аннотация: *доверие россиян отечественной системе здравоохранения является одним из ключевых показателей оценки качества проводимых в России реформ в этой сфере. В статье представлен опыт исследований данной проблемы кафедрой социологии Московского государственного лингвистического университета на примере московского студенчества. В основу исследовательской стратегии положено представление о доверии системе здравоохранения как совокупности представлений и настроений молодежи, отражающих ее уверенность и надежность системы здравоохранения. Для оценки уровня доверия московских студентов системе здравоохранения был использован ряд показателей, которые легли в основу расчета индекса доверия. В качестве таких показателей были определены: индекс общего доверия компонентам системы здравоохранения, индекс удовлетворенности компонентами и индекс уверенности в компонентах. Полученные результаты позволили сделать ряд обоснованных выводов относительно уровня доверия студенческой молодежи системе здравоохранения, а также отметить ряд характерных особенностей в разрезе гендерных и социально-демографических различий. Были проанализированы также источники формирования доверия молодежи системе здравоохранения. При этом особое внимание было уделено роли средств массовой информации как важнейшего фактора формирования доверия молодежи системе здравоохранения. Для определения наиболее значимого СМИ при формировании доверия системе здравоохранения был разработан индекс эффективности СМИ, который рассчитывался исходя из трех показателей: частота использования СМИ, запоминаемость СМИ, обращаемость (отклик) к услугам, транслируемым посредством СМИ.*

Annotation: *the trust of Russians in the national health care system is one of the key indicators of assessing the quality of the reforms in this sphere carried out in Russia. The article presents the experience of research of this problem by the Department of sociology of the Moscow state linguistic University on the example of Moscow students. The research strategy is based on the idea of trust in the health care system as a set of ideas and attitudes of young people, reflecting their confidence and reliability of the health care system. To assess the level of trust of Moscow students in the health care system, a number of indicators were used, which formed the basis for the calculation of the trust index. The following indicators were identified: the index of General confidence in the components of the health system, the index of satisfaction with the components and the index of confidence in the components. The results allowed to make a number of reasonable conclusions about the level of confidence of students in the system.*

Ключевые слова: *система здравоохранения, доверие системе здравоохранения, индекс доверия, уровень доверия, источники формирования доверия.*

Key words: *National Healthcare System, trust in National Healthcare System, index of trust, level of trust.*

Введение. Как свидетельствуют результаты социологических исследований, состояние отечественного здравоохранения вызывает серьезную тревогу у россиян. По данным ВЦИОМ, российские граждане рассматривают проблемы в здравоохранении как одни из самых острых. Причем доля тех респондентов, которые считают проблемы здравоохранения наиболее значимыми, выросла за последние годы более чем в 2 раза [10]. Растет и доля граждан, неудовлетворенных качеством медицинской помощи и квалификацией медицинских кадров, которые оказывают им эту помощь [5]. По результатам исследования, которое ежегодно проводит агентство Edelman Trust Barometer, (выборка 31 тыс. респондентов из 26 стран мира), Россия по уровню доверия занимает последнее место среди стран, принимавших участие в исследовании [8]. Поэтому нельзя считать случайностью, что вопросы здравоохранения, в том числе улучшение медицинского обслуживания, формирование доверия системе здравоохранения, всё чаще оказываются на повестке дня у руководства Российской Федерацией. В ежегодном Послании Федеральному Собранию Президент РФ В.В. Путин уделил этой теме особое внимание. Оценивая изменения, происходящие в российском здравоохранении, он отметил, что «забыли о главном – о людях. Об их интересах и потребностях. Наконец, о равных возможностях и справедливости» [9].

По данным имеющихся исследований, степень доверия системе здравоохранения у разных категорий российских граждан различна, но нельзя не отметить общую тенденцию снижения этого доверия, что особенно проявляется в молодежной среде. Выяснению причин этой негативной тенденции было посвящено социологическое исследование, проведенное среди московских студентов в январе–феврале 2018 г. на кафедре социологии Московского государственного лингвистического университета (МГЛУ). В исследовании приняли участие 403 студента столичных вузов. Сбор данных проведенного эмпирического исследования осуществлялся при помощи метода опроса, в ходе которого использовались две его разновидности – интернет-опрос при помощи электронного ресурса (www.createsurvey.ru), а также традиционный опрос с использованием печатных анкет. Тип выборки – случайная выборка. В качестве респондентов выступили студенты из более чем 35 вузов Москвы всех курсов обучения. Были изучены три профиля образования: гуманитарный, естественно-научный и технический. Важно отметить, что впоследствии выводы экстраполировались на всю молодежь Москвы, поскольку студенты, по нашему мнению, способны адекватно представить молодежь в целом. Это связано прежде всего с тем, что, по данным статистического сборника «Молодежь в России», ядро возрастной категории молодежи составляют как раз молодые люди в возрасте 20–24 лет – именно в этом возрасте находится большинство студенческой молодежи г. Москвы. Более молодую возрастную категорию молодежи (15–19 лет) репрезентируют студенты сузов, а наиболее взрослую молодежь (25–29 лет), как правило, представляют студенты магистратуры и аспирантуры. Фактическая ошибка выборки составила 4%; при этом предельная задавалась не более 5% при уровне значимости 0,95.

Итак наряду с уровнем доверия молодежи системе здравоохранения в исследовании ставилась задача рассмотреть источники (как внутренние, так и внешние) его формирования. Особое внимание было уделено анализу роли средств массовой коммуникации в этом процессе.

В основу понимания феномена доверия легли взгляды на доверие как социальный феномен классиков социологии П. Штомпки, Н. Лумана, Э. Гидденса, Ф. Фукуямы [6; 17–19; 21] и ряда отечественных авторов [1–4; 11; 12; 14–16; 20]. Это позволило определить ***доверие*** как совокупность представлений и настроений субъекта, отражающих его веру, уверенность и убежденность в надежности того, что объект будет реализовывать определенные функции, способствующие сохранению или увеличению ресурсов субъекта, и проявляющихся в готовности субъекта делегировать объекту реализацию этих функций. Исходя из данного определения, доверие системе здравоохранения трактовалось как совокупность представлений и настроений молодежи, отражающих ее веру, уверенность и убежденность в надежности того, что система здравоохранения будет оказывать медицинскую и профилактическую помощь населению, будет способствовать увеличению или сохранению ресурсов субъекта (т.е. молодежи), а также проявляющихся в готовности этого субъекта делегировать системе здравоохранения реализацию этой задачи.

Методы. Для оценки уровня доверия московских студентов системе здравоохранения был использован ряд показателей, которые легли в основу расчета индекса доверия. Этими показателями явились: индекс общего доверия компонентам системы здравоохранения (СЗ), индекс удовлетворенности компонентами СЗ и индекс уверенности в компонентах СЗ. При этом данные показатели рассчитывались в ходе рассмотрения доверия выбранным компонентам СЗ для получения наиболее точного результата. Для расчета итогового индекса доверия необходимо было получить каждый составляющий индекс последовательно.

1. Индекс общего доверия (ИОД) компонентам системы здравоохранения рассчитывается по следующей формуле:

$$(1) \qquad ИОД = \frac{(ПД*1 + ОД*0,5 + ОНД*0,25 + ПНД*0)}{100\%},$$

где: ПД – % полностью доверяющих;
ОД – % в основном доверяющих;
ОНД – % в основном недоверяющих;
ПНД – % полностью недоверяющих.

2. Формула индекса удовлетворенности (ИУд) компонентами СЗ:

$$(2) \qquad Иуд = \frac{(ПУ*1 + ЧУ*0,5 + ЧНУ*0,25 + ПНУ*0)}{100\%},$$

где: ПУ – % полностью удовлетворенных;
ЧУ – % частично удовлетворенных;
ЧНУ – % частично неудовлетворенных;
ПНУ – % полностью неудовлетворенных.

3. Формула индекса уверенности (ИУв) в компонентах СЗ:

$$(3) \qquad ИУв = \frac{(ПУ*1 + ЧУ*0,5 + ЧНУ*0,25 + ПНУ*0)}{100\%},$$

где: ПУ – % полностью уверенных;
ЧУ – % частично уверенных;
ЧНУ – % частично неуверенных;
ПНУ – % полностью неуверенных.

4. Итоговый индекс доверия (ИД) московских студентов системе здравоохранения:

(4) $$ИД = \frac{ИОД + ИУд + ИУв}{3}.$$

Итоговый уровень доверия системе здравоохранения, полученный в ходе подсчета индекса, в свою очередь, интерпретировался согласно предложенной авторской градации (табл. 1).

Таблица 1

Градации уровней доверия

№ п/п	Уровень доверия СЗ	Интервалы значения индекса доверия
1	Очень низкий	0–0,29
2	Низкий	0,3–0,49
3	Средний	0,5–0,69
4	Высокий	0,7–0,89
5	Очень высокий	0,9–1

Результаты. На основе данных исследования и проведенных расчетов были получены следующие значения промежуточных индексов:

– индекс общего доверия компонентам системы здравоохранения – 0,66;
– индекс удовлетворенности системой здравоохранения – 0,64;
– индекс уверенности в системе здравоохранения – 0,65.

Это позволило нам рассчитать итоговый индекс доверия молодежи системе здравоохранения, равный 0,65. Данный показатель может быть проинтерпретирован как средний, поскольку входит в интервал значения индекса от 0,5 до 0,69, что, в свою очередь, дает нам основание сделать вывод о том, что молодежь в целом доверяет системе здравоохранения. Значения полученных индексов подтверждаются также данными, полученными в ходе опроса.

Оценивая общий уровень доверия студенчества г. Москвы системе здравоохранения как достаточно высокий, нельзя не отметить, что степень доверия разным элементам этой системы отличается достаточно существенно. Из приведенных ниже данных (рис. 1) видно, что наибольшим доверием пользуются медицинские научно-исследовательские учреждения. Несколько ниже, но тоже достаточно высок уровень доверия поликлиникам. Гораздо меньшим доверием пользуются фармацевтические организации и поликлиники.

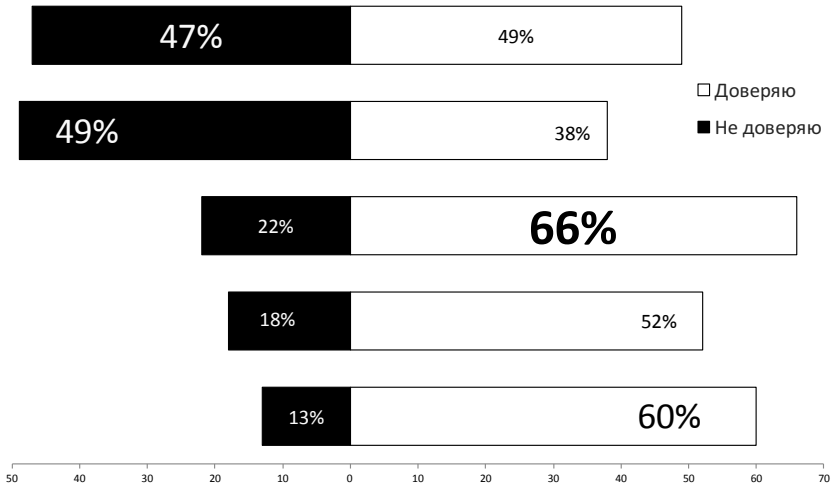

Рис. 1. **Уровень доверия молодежи организациям системы здравоохранения**

Как свидетельствуют данные исследования, степень доверия студенческой молодежи системе здравоохранения дифференцируется в зависимости от целого ряда социально-демографических характеристик. Так, например, уровень доверия системе здравоохранения у женщин значительно выше, чем у мужчин: 67 и 55% соответственно (рис. 2).

Кроме того, нельзя не отметить и тот факт, что абсолютное большинство респондентов имеют по этому поводу вполне определенное мнение. Только по одному проценту мужчин и женщин не смогли определить свою позицию.

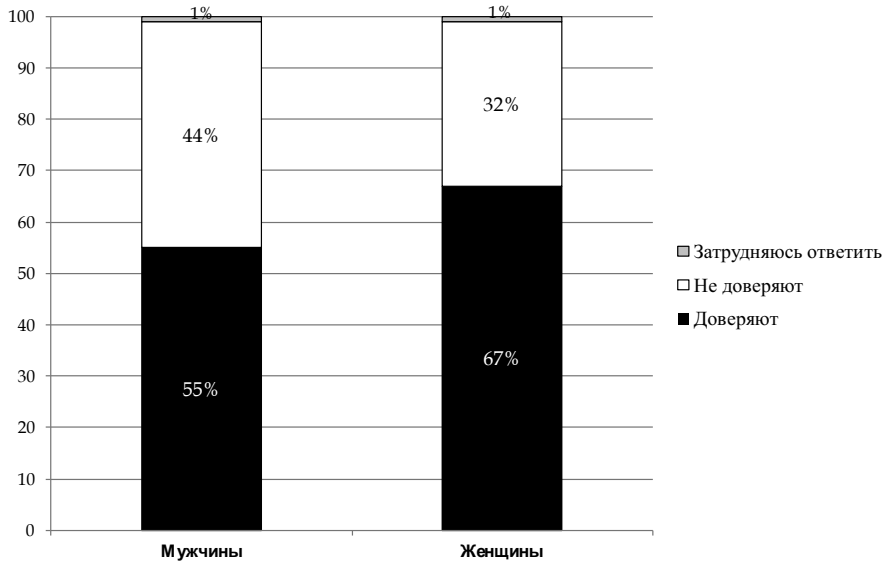

Рис. 2. **Уровень доверия системе здравоохранения среди женщин и мужчин**

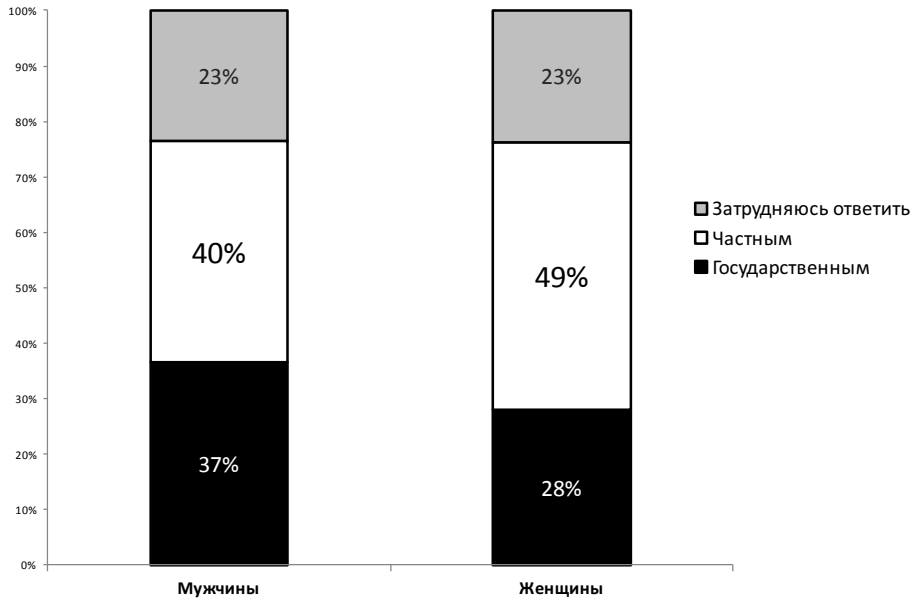

Рис. 3. **Уровень доверия молодежи частным и государственным медицинским учреждениям**

Полученные данные свидетельствуют об определенных различиях в доверии молодежи платной и бесплатной системам здравоохранения. Так, например, было выявлено, что студенты в большей степени доверяют платной медицине, и в меньшей – бесплатной. При этом у женщин уровень доверия частным медицинским центрам значительно выше, нежели чем у мужчин (рис. 3). На это нам указывает процентное соотношение: около 50% опрошенных женщин больше доверяют частным поликлиникам, в то время как лишь у 40% мужчин частная медицина пользуется большим доверием, нежели государственная.

Некоторые значимые отличия в уровне доверия студенческой молодежи системе здравоохранения в зависимости от их материального положения были выявлены только по отношению к государственным медицинским учреждениям. Что же касается частных клиник, то, как можно понять из данных, приведенных на рисунке 4, уровень доверия к ним практически одинаков среди как менее, так и более имущих представителей студенческой молодежи.

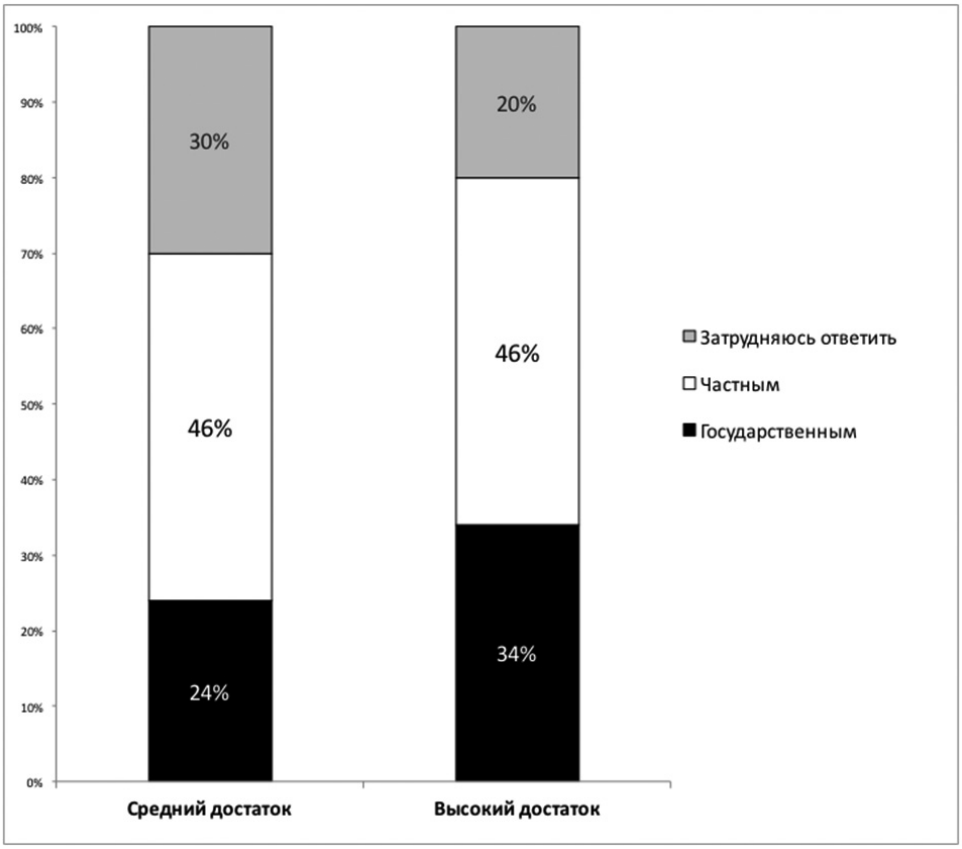

Рис. 4. **Уровень доверия частным и государственным медицинским учреждениям среди студентов с разным материальным положением**

Исследователями была предпринята попытка выявить взаимосвязь между доступностью платных медицинских услуг и доверием молодежи системе здравоохранения. Для обоснования такого предположения были построены таблицы корреляции на основе коэффициента Спирмена, используемого для порядковых шкал. Однако полученные данные, характеризующие коэффициент корреляции между этими переменными на уровне 0,161, такой связи не выявили.

Сравнивая данные авторского исследования с данными исследования, проведенного Фондом общественного мнения по общероссийской выборке (N=1500), нельзя не отметить

тот факт, что уровень доверия студентов Москвы частным медицинским учреждениям существенно выше, чем у молодежи России в целом (46 и 28% соответственно), и практически в 3 раза превышает этот показатель у населения Москвы.

Значительный интерес, на наш взгляд, представляют сравнительные данные доверия студенческой молодежи традиционной (официальной) системе здравоохранения и альтернативным системам оказания медицинских услуг. Результаты опроса, приведенные на рисунке 5, убедительно говорят о том, что абсолютное большинство московских студентов (63%) при возникновении проблем со здоровьем предпочтут воспользоваться официальными лечебными учреждениями. Вместе с тем почти 1/3 респондентов (31%) не исключают возможности в случае необходимости прибегнуть к народным методам лечения. И только 8% опрашиваемых готовы прибегнуть к услугам целителей и экстрасенсов.

Рис.5. **Уровень доверия молодежи системе здравоохранения и альтернативным системам оказания медицинских услуг**

В ходе исследования были также проанализированы факторы формирования доверия молодежи системе здравоохранения. Проведенное эмпирическое исследование позволило для начала выявить рейтинг всех факторов доверия молодежи системе здравоохранения: и внешних, и внутренних. Предполагалось, что наиболее значимыми для формирования доверия студентов системе здравоохранения являются такие факторы, как личный опыт, советы близких друзей и родственников. Респондентам была предоставлена возможность выбрать неограниченное количество вариантов ответа, касающихся источников формирования их доверия системе здравоохранения. В ходе опроса было выявлено, что личный опыт и советы близких родственников в самом деле играют определяющую роль в формировании доверия у студентов, что указывает на значимость межличностного компонента доверия (рис. 6). Наряду с советами близких родственников важным источником формирования доверия молодежи системе здравоохранения являются советы друзей, товарищей и знакомых. Важную роль в процессе формирования доверия занимает информация медицинского учреждения, которая может быть представлена как на сайтах больниц, клиник и поликлиник, так и в них самих (на стендах, электронных табло, в объявлениях и проч.).

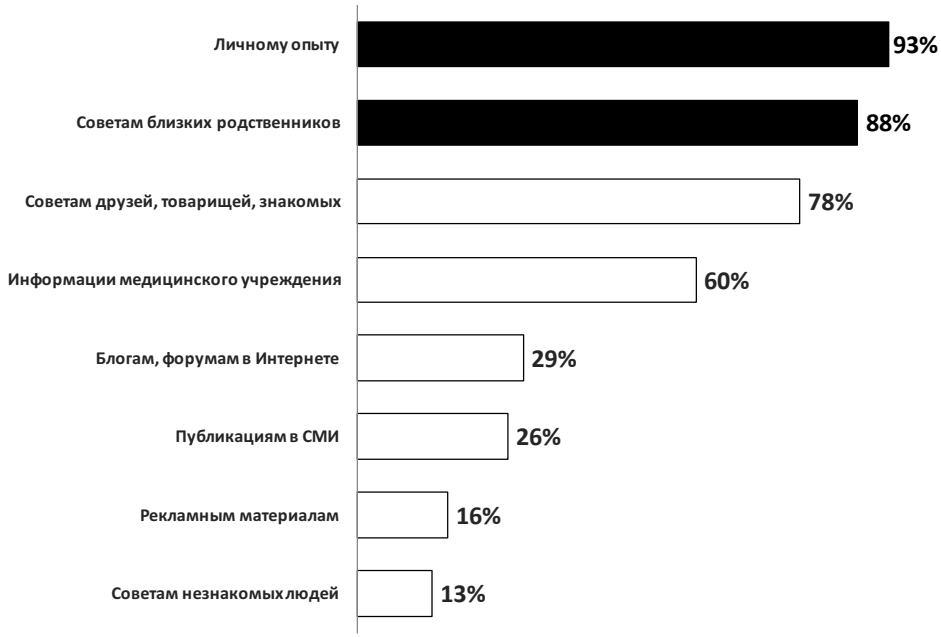

Рис. 6. **Рейтинг факторов, оказывающих влияние на уровень доверия молодежи системе здравоохранения**

В связи с возрастающим влиянием на общественное мнение средств массовой информации особое внимание было уделено анализу их роли в формировании доверия молодежи отечественной системе здравоохранения. С этой целью были проанализированы такие показатели, как частота появления информации в СМИ по исследуемой проблематике, запоминаемость предлагаемой информации, отклики на нее, и другие. Под средствами массовой информации в исследовании понимался комплекс технических средств и учреждений, предназначенных для распространения массовой информации в целях формирования у студенческой аудитории определенной степени доверия системе здравоохранения.

Для определения наиболее значимого, т.е. наиболее эффективного, СМИ при формировании доверия системе здравоохранения был разработан индекс эффективности СМИ. Индекс рассчитывался исходя из трех эмпирических показателей: частота использования СМИ, запоминаемость СМИ, обращаемость (отклик) к услугам, транслируемым посредством СМИ. При помощи данного индекса был рассчитан индекс эффективности разных СМИ:

$$I_{э1} = \frac{I_{зап} + I_{част} + I_{отклик}}{3}, \text{ где:}$$

$$I_{зап} / I_{част} / I_{отклик} = \frac{(ОЧ*1 + Ч*0,75 + ИН*0,5 + ПН*0,25 + НИ*0)}{100\%},$$

где: ОЧ – % респондентов, выбравших ответ «очень часто»;

Ч – % респондентов, выбравших ответ «часто»;

ИН – % респондентов, выбравших ответ «иногда»;

ПН – % респондентов, выбравших ответ «почти никогда»;

НИ – % респондентов, выбравших ответ «никогда не использую» / «никогда не запоминаю».

Важно отметить, что индекс релевантен только для порядковых шкал: каждым значениям присваивались определенные метки, которые продемонстрированы в формуле, исходя из чего получалось цифровое выражение по шкале от 0 до 1. Итоговый индекс эффективности рассчитывался как среднее арифметическое из индексов каждого показателя, которые были изучены в ходе эмпирической части.

По результатам проведенного исследования было выявлено, что наибольшее влияние на формирование доверия студенческой молодежи Москвы к системе здравоохранения оказывают Интернет и телевидение (рис. 7). Данный вывод обоснован тем, что именно Интернет и телевидение являются наиболее часто используемыми каналами СМИ; при этом к ним наиболее часто обращаются для поиска информации о системе здравоохранения, а также сообщения о системе здравоохранения через эти каналы являются наиболее запоминаемыми. Индекс доверия к Интернету превышает остальные и равняется 0,5. За ним следует телевидение (0,4), далее – Out-of-home (0,32). Наконец, наименее эффективными по отношению к студентам стали печать (0,26) и радио (0,1).

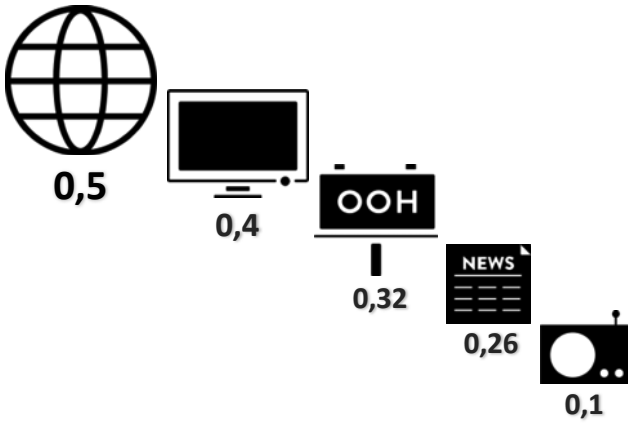

Рис. 7. **Индексы эффективности каналов СМИ при формировании доверия московских студентов системе здравоохранения**

Кроме того, определенное влияние на формирование доверия студентов к системе здравоохранения оказывает информация, представленная на сайтах медучреждений.

Отдельно был исследован вопрос предпочтений респондентов в использовании разных средств массовой коммуникации в поиске различной информации медицинской направленности и при выборе медицинского учреждения, врача, в поиске хорошего медобслуживания, выборе лекарств и проч. Полученные данные еще раз подтвердили сделанный ранее вывод о доминирующем влиянии Интернета на уровень доверия московских студентов системе здравоохранения.

Обсуждение. Таким образом, результаты, полученные в ходе проведенного исследования, позволили выявить уровень доверия молодежи системе здравоохранения, в том числе уровни доверия платной и бесплатной системам здравоохранения. Сделать определенный вывод об уровне доверия молодежи системе здравоохранения позволили индексы доверия системе здравоохранения, построенные на основе эмпирических показателей и индикаторов объекта исследования. Очевидно, что набор этих показателей может быть расширен, что позволит более детально производить оценку уровня и особенностей доверия системе здравоохранения не только студенческой молодежи, но и других категорий населения. Например, при проведении дальнейших исследований по этой проблеме было бы целесообразным выделить разные виды лечебных медицинских учреждений, дифференцировать

доверие по различным категориям медицинского персонала и т.д. Очевидно и то, что полученные результаты и сделанные на их основе выводы отражают уровень доверия студентов системе здравоохранения на момент проведения исследования и могут меняться по мере изменений, происходящих как в платной, так и в бесплатной подсистемах, а также в связи с изменениями значимости факторов, оказывающих влияние на характер и уровень доверия.

Заключение. Представленное исследование несет в себе определенную научную новизну, и, на наш взгляд, имеет практическое значение. Научная новизна исследования заключается в уточнении понятия «доверия системе здравоохранения», разработке системы показателей и индикаторов, методики изучения данной проблемы и концептуальной модели изучения доверия системе здравоохранения. Получены научно обоснованные данные относительно уровня и особенностей доверия системе здравоохранения такой категории населения, как молодежь, выявлены наиболее значимые источники формирования этого доверия.

Практическая значимость исследования состоит в том, что, во-первых, разработанная и предложенная авторами методология исследования доверия может быть использована при исследовании проблемы доверия не только в сфере медицины, но и других сферах. Во-вторых, полученные результаты могли бы быть использованы органами управления системой здравоохранения, руководителями государственных медицинских учреждений в рамках работы, направленной на повышение доверия пациентов, а также исследовательскими центрами для мониторинга уровня доверия пациентов. Можно предположить, что сегодня решение проблем повышения доверия к системе здравоохранения связано прежде всего с такими направлениями, как совершенствование качества подготовки медицинского персонала, внедрение системы стимулирования за высокое качество оказания медицинских услуг и повышение уровня технического оснащения медучреждений.

Список литературы

1. Антоненко И.В. Социально-психологическая концепция доверия. М.: Флинта : Наука, 2006. 480 с.
2. Ахтулов А.Л., Гегедивш И.П. Доверие как феномен социальной реальности // Омский научный вестник. 2014. № 4. С. 131–138.
3. Гуриева С.Д., Борисова М.М. Доверие как социально-психологическое явление // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Социология. 2014. № 4. С. 74–85.
4. Заболотная Г.М. Феномен доверия и его социальные функции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2003. № 4–5. С. 18–27.
5. Здравоохранение: современное состояние и возможные сценарии развития: доклад к XVIII Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества (г. Москва, 11–14 апреля 2017 г.) / рук. авт. кол. С.В. Шишкин; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. 54 с.
6. Луман Н. Формы помощи в процессе изменения общественных условий // Социологический журнал. 2000. № 1–2.
7. Навстречу будущему. Прогнозирование в социологических исследованиях: матер. VII Междунар. социол. Грушинской конференции (15–16 марта 2017 г.) / отв. ред. А.В. Кулешова. М.: ВЦИОМ, 2017. С. 196–199.
8. Общество. Среда. Развитие (Terre Humana) / PR-агентство «Edelman Trust Barometer». 2009. № 1. С. 117–126. URL: www.edelman.com/insights/ intellectual-property/trust-2013/ (дата обращения: 15.09.2018).
9. Послание Президента Федеральному Собранию. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/20090 (дата обращения: 15.09.2018).
10. Пресс-выпуск ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116014 (дата обращения: 15.09.2018).
11. Ромашкин Г.С. Доверие в российском обществе: экономико-социологический анализ: автореф. дис. … канд. социол. наук. Тюмень, 2011. 24 с.
12. Селигмен А. Проблема доверия. М.: Идея-Пресс, 2002. 256 с.
13. Сергеев Е.Ю. Средства массовой коммуникации в условиях глобализации // Общество. Среда. Развитие (Terre Humana). 2009. № 1. С. 117–126.

14. Скрипкина Т.П. Доверие как социально-психологическое явление: дис. … д-ра психол. наук. М., 2003.173 с.
15. Столяр В.Ю. Доверие как феномен социально-экономической реальности: дис. … канд. филос. наук. Тверь, 2008. 51 с.
16. Таханова О.В. Институт доверия в современной экономике России: автореф. дис. … канд. экон. наук. Улан-Удэ, 2012. 22 с.
17. Штомпка П. Доверие – основа общества / пер. с пол. Н.В. Морозовой. М.: Логос, 2014. 445 с.
18. Штомпка П. Доверие в эпоху глобализма // Социология и социальная политика. 2006. № 4. С. 8–15.
19. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М.: АСТ : Ермак, 2004. 730 с.
20. Эткинд А. В поисках доверия // Неприкосновенный запас. 2001. № 2. С. 14–19.
21. Giddens A. Social theory and modern sociology. Cambridge: Polity Press, 1990.

References

1. Antonenko I.V. Social'no-psikhologicheskaya koncepciya doveriya. M.: Flinta : Nauka, 2006. 480 s.
2. Akhtulov A.L., Gegedivsh I.P. Doverie kak fenomen social'noj real'nosti // Omskij nauchnyj vestnik. 2014. № 4. S. 131–138.
3. Gurieva S.D., Borisova M.M. Doverie kak social'no-psikhologicheskoe yavlenie // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 12. Sociologiya. 2014. № 4. S. 74–85.
4. Zabolotnaya G.M. Fenomen doveriya i ego social'nye funkcii // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sociologiya. 2003. № 4–5. S. 18–27.
5. Zdravookhranenie: sovremennoe sostoyanie i vozmozhnye scenarii razvitiya: doklad k XVIII Apr. mezhdunar. nauch. konf. po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva (Moskva, 11–14 apr. 2017 g.) / ruk. avt. kol. S.V. Shishkin; Nac. issled. un-t «Vysshaya shkola ekonomiki». M.: Izd. dom Vysshej shkoly ekonomiki, 2017. 54 s.
6. Luman N. Formy pomoshchi v processe izmeneniya obshchestvennykh uslovij // Sociologicheskij zhurnal. 2000. № 1–2.
7. Navstrechu budushchemu. Prognozirovanie v sociologicheskikh issledovaniyakh: mater. VII Mezhdunar. sociol. Grushinskoj konferencii (15–16 marta 2017 g.) / otv. red. A.V. Kuleshova. M.: VCIOM, 2017. S. 196–199.
8. Obshchestvo. Sreda. Razvitie (Terre Humana) / PR-agentstvo «Edelman Trust Barometer». 2009. № 1. S. 117–126. URL: www.edelman.com/insights/ intellectual-property/trust-2013/ (data obrashcheniya: 15.09.2018).
9. Poslanie Prezidenta Federal'nomu Sobraniyu. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/20090 (data obrashcheniya: 15.09.2018).
10. Press-vypusk VCIOM. URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116014 (data obrashcheniya: 15.09.2018).
11. Romashkin G. S. Doverie v rossijskom obshchestve: ekonomiko-sociologicheskij analiz: avtoref. dis. … kand. sociol. nauk. Tyumen', 2011. 24 s.
12. Seligmen A. Problema doveriya. M.: Ideya-Press, 2002. 256 s.
13. Sergeev E.Yu. Sredstva massovoj kommunikacii v usloviyakh globalizacii // Obshchestvo. Sreda. Razvitie (Terre Humana). 2009. № 1. S. 117–126.
14. Skripkina T.P. Doverie kak social'no-psikhologicheskoe yavlenie: dis. … d-ra psikhol. nauk. M., 2003.173 s.
15. Stolyar V.Yu. Doverie kak fenomen social'no-ekonomicheskoj real'nosti: dis. … kand. filos. nauk. Tver', 2008. 51 s.
16. Takhanova O.V. Institut doveriya v sovremennoj ekonomike Rossii: avtoref. dis. … kand. ekon. nauk. Ulan-Ude, 2012. 22 s.
17. Shtompka P. Doverie – osnova obshchestva / per. s pol. N.V. Morozovoj. M.: Logos, 2014. 445 s.
18. Shtompka P. Doverie v epokhu globalizma // Sociologiya i social'naya politika. 2006. № 4. S. 8–15.
19. Fukuyama F. Doverie: social'nye dobrodeteli i put' k procvetaniyu. M.: AST : Ermak, 2004. 730 s.
20. Etkind A. V poiskakh doveriya // Neprikosnovennyj zapas. 2001. № 2. S. 14–19.
21. Giddens A. Social theory and modern sociology. Cambridge: Polity Press, 1990.

Библиографическое описание статьи / Reference to article

Саблуков А.В., Никулина И.И. Доверие российской системе здравоохранения: методология и опыт прикладных исследований // Социальная политика и социология. Т. 17. 2018. № 4 (129). С. 118–129. DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-4-118-129 (Библиографическое описание согласно российским стандартам).

Sablukov A.V., Nikulina I.I. Doverie rossijskoj sisteme zdravookhraneniya: metodologiya i opyt prikladnykh issledovanij // Social'naya politika i sociologiya. T. 17. 2018. № 4 (129). S. 118–129. DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-4-118-129 (Reference in Roman script). // Social'naya politika i sociologiya. T. 17. 2018. № 4 (129). S. 118–129. DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-4-118-129 (Reference in Roman script).

Sablukov, A.V. & Nikulina, I.I. (2018) The Trust in National Healthcare System: Methodology and Experience of Applied Research, *Social Policy and Sociology*. Vol. 17. No. 4 (129). P. 118–129. DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-4-118-129 (International bibliographic description).

В.А. Тарасенко,
директор Дирекции по правовым вопросам, АО «МР Групп», Москва;
заместитель директора, киберспортивная организация «OZ management», Москва.
V.A. Tarasenko,
director of Directorate of legal questions, JSC «MR Group», Moscow;
deputy director, e-Sports organization «OZ management», Moscow.
E-mail: v.tarasenko@ozmanagement.ru

УДК 316.75; 004: 796
DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-4-130-138

Киберспорт как новое социальное явление в России

Cybersport As a New Social Phenomenon in Russia

Дата поступления	*Дата препринта*	*Дата публикации*
03.09.2018	20.11.2018	19.12.2018

Аннотация: *стремительное развитие такого нового социального феномена, как киберспорт, требует глубокого осмысления как самого явления, так и его соотношения со спортом в целом. В статье приведен сравнительный анализ толкования понятия «спорт», изложенного в различных словарях и документах. Установлено, что отсутствие фиксированного смысла этого термина затрудняет строгое определение его отличительных признаков. В целях формализации подхода к рассмотрению понятия «киберспорт» автор предлагает критерии, реализующие требования к подлежащему признанию виду спорта, а также критерии соответствия киберспортивной дисциплины компьютерному спорту. В результате проведенного критериального анализа доказано, что компьютерный спорт может быть признан видом спорта. Приведены сведения о признании нового вида спорта в мировом сообществе и о современном состоянии киберспорта в России.*

Annotation: *rapid development of such new social phenomenon as cybersport, demands deep understanding both the phenomenon, and its ratio with sport in general. The comparative analysis of interpretation of the concept «sport» stated in various dictionaries and documents is given in article. It is established that the lack of the fixed sense of this term complicates strict determination of its distinctive signs. For the purpose of formalization of approach to consideration of the concept «cybersport» the author offers the criteria realizing requirements to the sport which is subject to recognition and also criteria of compliance of discipline of cybersport to computer sport. As a result of the carried-out criteria analysis it is proved that the computer sport can be recognized as sport. In article data on recognition of new sport are also provided in the international community and about the current state of cybersport in Russia.*

Ключевые слова: *спорт, вид спорта, компьютерный спорт, киберспортивная дисциплина, этимологический анализ, критерий соответствия, парламентские слушания.*

Key words: *sport, computer sport, discipline of cybersport, etymological analysis, criterion of compliance, parliamentary hearings.*

Введение. Завоевывая всё новые пространства и привлекая внимание спонсоров и миллионов новых зрителей, киберспорт уверенно шагает по нашей планете. Однако, несмотря на его растущую популярность и признание во многих странах как нового вида спорта, споры о его соответствии критериям спортивности продолжаются.

Методика. В связи с этим прежде чем рассматривать, что собой представляет киберспорт, для начала следует определиться со значением (смыслом) термина «спорт» как сферы деятельности и его отличительными признаками, соответствующими требованиям, предъявляемым к подлежащему признанию виду спорта. Изложив эти требования в виде основных

критериев, по которым определенную деятельность можно отнести к видам спорта, мы посмотрим, насколько компьютерный спорт отвечает этим критериям.

Обсуждение. Что касается использования самого слова «киберспорт», то приставка «кибер» (англ. *cyber*) в данном случае означает лишь то, что смысловое слово «спорт» относится к веку компьютеров и, особенно, Интернета [24]. Поэтому выражения «киберспорт» и «компьютерный спорт» по факту являются синонимами.

Как утверждают многие источники и, в частности, Этимологический словарь английского языка, слово «спорт» является сокращением от среднеанглийского *disport* [28]. В начале XV века это слово означало деятельность, которая предполагает развлечение, отдых, времяпрепровождение или игры для удовольствия. В свою очередь, disport произошло от старофранцузского глагола *desporter*, который был связан с похожими значениями «развлечь», «отвлечь от работы», «поиграть».

Интересное понимание термина «спорт» изложено в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, изданном в 1890–1907 гг. Согласно статье под таким наименованием под спортом понимаются практически все виды занятий, не связанных непосредственно с работой [18]. Это и охота во всех ее видах, и пускание змеев, и разведение разных животных, и составление всевозможных коллекций, и разведение растений, и т.д., и т.п.

В начале XX века спортом стали считаться также дисциплины, использующие технические средства. Вслед за созданием первых международных спортивных организаций гимнастики, гребли, конькобежного спорта, боулинга и велосипедистов в 1904 году была организована Международная автомобильная федерация, а в 1905-м – Международная ассоциация воздухоплавания.

Вместе с тем в словарях XX века – Ожегова и Ушакова, а также в Большой советской энциклопедии и в Большом энциклопедическом словаре – определение спорта основано на его понимании как комплекса физических упражнений для развития и укрепления организма [13; 14; 16; 17]. Словарь Ефремовой приводит несколько расширенное толкование с упоминанием второго значения спорта как игр в шахматы и шашки, а также рыболовства [15]. Определенную свободу в понимании термина дает Кембриджский словарь, который наряду с деятельностью, требующей физических усилий и навыков, определяет спорт и как «все виды физической активности, которые делают люди для сохранения здоровья и удовольствия» [27]. Отдельно отметим, что все упомянутые выше отечественные словари определяют спорт как составную часть физической культуры.

Есть и более строгое определение – на сайте Глобальной ассоциации спортивных федераций (Global Association of Sports Federations, ГАСИФ), объединяющей более 100 международных федераций, где формулировка понятия «спорт» использует, в том числе, такие критерии соответствия, как соревновательный элемент и отсутствие в правилах элементов случайности или везения. Кстати, по последнему критерию все компьютерные карточные и им подобные игры не могут быть отнесены к спортивным [25].

Следует отметить и то, что если спорт рассматривать как способ развития человеческих способностей – физических и умственных, то под физическими способностями необходимо понимать не только непосредственно силовые или скоростные характеристики человеческого организма, но и психофизиологические, такие как, например, восприятие, внимание, эмоционально-волевая и психомоторная реакции, оперативное мышление, уровень развития органов чувств. И, кстати, именно киберспорт максимально способствует развитию этих способностей, что подтверждается как повсеместным использованием самых разных компьютерных симуляторов, так и всё возрастающим интересом (включая спонсорство) реальных спортивных команд к своим компьютерным двойникам.

Теперь посмотрим толкование связанных со спортом понятий в соответствующем российском нормативном акте – Федеральном законе от 04.12.2007 № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» [22]. Основные понятия таковы:

«2) вид спорта – часть спорта, которая признана в соответствии с требованиями настоящего Федерального закона обособленной сферой общественных отношений, имеющей соответствующие правила, утвержденные в установленном настоящим Федеральным законом порядке, среду занятий, используемый спортивный инвентарь (без учета защитных средств) и оборудование; <…>

12) спорт – сфера социально-культурной деятельности как совокупность видов спорта, сложившаяся в форме соревнований и специальной практики подготовки человека к ним; <…>

15) спортивная дисциплина – часть вида спорта, имеющая отличительные признаки и включающая в себя один или несколько видов, программ спортивных соревнований; <…>

18) спортивное соревнование – состязание (матч) среди спортсменов или команд спортсменов по различным видам спорта (спортивным дисциплинам) в целях выявления лучшего участника состязания (матча), проводимое по утвержденному его организатором положению (регламенту); <…>

25) физическое воспитание – процесс, направленный на воспитание личности, развитие физических возможностей человека, приобретение им умений и знаний в области физической культуры и спорта в целях формирования всесторонне развитого и физически здорового человека с высоким уровнем физической культуры;

26) физическая культура – часть культуры, представляющая собой совокупность ценностей, норм и знаний, создаваемых и используемых обществом в целях физического и интеллектуального развития способностей человека, совершенствования его двигательной активности и формирования здорового образа жизни, социальной адаптации путем физического воспитания, физической подготовки и физического развития».

Результаты. Обобщая приведенную выше информацию, можно сказать, что отсутствие фиксированного смысла термина «спорт», включая и Федеральный закон № 329-ФЗ, в большой степени затрудняет строгое определение его отличительных признаков. Поэтому обратимся еще к одному документу – «Порядку признания видов спорта, спортивных дисциплин и включения их во Всероссийский реестр видов спорта и порядок его ведения», утвержденному приказом Министерства спорта РФ от 2 сентября 2013 г. № 702, а именно к требованиям, предъявляемым к подлежащему признанию виду спорта [7].

Попробуем изложить эти требования в виде основных критериев, по которым определенную деятельность можно отнести к видам спорта, и посмотрим, насколько киберспорт отвечает этим критериям.

1. Соответствие целям физической культуры и спорта (включая спорт высших достижений), в частности содействие физическому и интеллектуальному развитию способностей человека, совершенствованию его двигательной активности и формированию здорового образа жизни.

Киберспорт способствует развитию не только интеллектуальных способностей личности, но и физических. Здесь под физическими способностями следует понимать не только непосредственно силовые или скоростные характеристики человеческого организма, но и психофизиологические, такие как восприятие, внимание, эмоционально-волевая и психомоторная реакции, оперативное мышление, уровень развития органов чувств. Необходимо отметить и социальную ценность киберспорта, заключающуюся в вовлечении в активную жизнь людей с ограниченными возможностями. Это касается как возможностей организации соревнований между ними, так и возможностей участия спортсменов-инвалидов в открытых турнирах на общих условиях. Крупнейшие компании мировой игровой индустрии заинтересованы в их привлечении и создают специальные девайсы, обеспечивающие полноценное участие людей с ограниченными возможностями наравне с обычными игроками.

2. Наличие отличительных признаков видов спорта, к которым относятся правила видов спорта (основные принципы), среда занятий, используемый спортивный инвентарь

(без учета защитных средств) и оборудование, регулярное проведение спортивных соревнований.

Утвержденные приказом Министерства спорта Российской Федерации от 9 октября 2017 г. № 881 Правила вида спорта «Компьютерный спорт» включают в себя системы и способы и правила проведения соревнований, инвентарь (оборудование, экипировка, игровое программное обеспечение участников) и технические требования к нему, а также правила проведения соревнований в спортивных дисциплинах компьютерного спорта [6].

3. Отличие наименования рассматриваемого вида спорта от наименований видов спорта, признанных в Российской Федерации, и соответствие содержанию правил вида спорта.

Наименования «киберспорт» и «компьютерный спорт» во Всероссийском реестре видов спорта до признания отсутствовали.

4. Спортивность соревнований, характеризуемая участием человека и состязательностью.

Киберспорт предусматривает проведение соревнований только между спортсменами или командами спортсменов. Соревнование спортсменов с компьютером Правилами вида спорта «Компьютерный спорт» не предусмотрено.

5. Равные возможности участников соревнований и независимость результатов от случайности.

Обеспечение этого требования определяется правилами проведения соревнований в каждой из спортивных дисциплин компьютерного спорта.

6. Отсутствие в содержании правил спортивных соревнований возможностей для проявления жестокости по отношению к сопернику, неуважительного отношения к зрителям, любых других проявлений, унижающих честь и достоинство личности, пропаганды насилия и жестокости, социальной расовой, национальной, религиозной и иной исключительности или нетерпимости, любых форм дискриминации.

Подтверждается содержанием Правил вида спорта «Компьютерный спорт».

7. Отсутствие в условиях проведения тренировок и в правилах соревнований возможностей для создания угрозы жизни и здоровью занимающихся.

Подтверждается содержанием Правил вида спорта «Компьютерный спорт».

8. Наличие существенных отличий основных принципов содержания правил рассматриваемого вида спорта, среды занятий, используемого спортивного инвентаря (без учета защитных средств) и оборудования от уже признанных в установленном порядке в Российской Федерации видов спорта.

Подтверждается содержанием Правил вида спорта «Компьютерный спорт».

Критерии, по которым те или иные видеоигры можно отнести к киберспорту, были подробно рассмотрены нами в отдельной статье [20]. Среди них: спортивность соревнования, характеризуемая состязательностью; использование специального оборудования в виде компьютеров; равные возможности для участников и независимость результатов соревнований от элементов случайности.

Соревнования по киберспорту проводятся в спортивных дисциплинах, включенных во Всероссийский реестр видов спорта. На сегодняшний день официально признаны пять киберспортивных дисциплин [3]: «Боевая арена», «Соревновательные головоломки», «Стратегия в реальном времени», «Технический симулятор» и «Спортивный симулятор». Кроме того, Федерация компьютерного спорта России продолжает сотрудничество с Российским футбольным союзом (РФС) в рамках дисциплины «Интерактивный футбол», организуя совместно с РФС официальные кубки и чемпионаты страны по киберфутболу.

Резюмируя, можно сказать, что критериями соответствия киберспортивной дисциплины компьютерному спорту являются:

– соответствие киберспортивной дисциплины целям развития киберспорта, заключающимся в развитии интеллектуальных и физических способностей личности, а также в со-

вершенствовании двигательной активности человеческого организма и формировании здорового образа жизни;

– наличие отличительных признаков киберспортивной дисциплины, к которым относятся правила проведения соревнований по киберспортивной дисциплине, среда занятий, используемый спортивный инвентарь и оборудование, включая компьютер (симулятор) и игровое программное обеспечение, а также регулярное проведение спортивных соревнований;

– спортивность соревнований, характеризуемая участием человека и состязательностью;

– равные возможности участников соревнований и независимость результатов от случайности.

Международное признание киберспорта на сегодняшний день очевидно. В 2008 году была создана Международная федерация киберспорта (англ. International e-Sports Federation, IeSF), объединяющая 48 национальных федераций разных стран со всех континентов, включая Россию, Украину, Белоруссию, Азербайджан, Казахстан и Узбекистан из стран бывшего СНГ [26]. Федерация проводит, в том числе, чемпионаты мира по киберспорту (Esports World Championship). В мае 2013 года IeSF получила статус участника Всемирного антидопингового агентства – первые допинг-пробы на соревнованиях по компьютерному спорту были взяты на Чемпионате мира 2013 года, который прошел в Бухаресте (Румыния).

В Китае киберспорт был признан на государственном уровне в первой половине 2003 года. В середине июля 2013 года правительство США приравняло игроков в League of Legends к спортсменам. Кроме того, правительство страны прислушалось к мнению киберспортивного сообщества, и с июня 2016 года киберспортсмены стали получать визы категории «P-1A», которые выдаются иностранцам, отправляющимся в США для участия в конкретном спортивном соревновании международного уровня как в целях индивидуального или коллективного выступления, так и в целях предоставления помощи спортсмену во время спортивного мероприятия (в качестве вспомогательного персонала) [2].

С середины 2013 года киберспорт признан на Филиппинах, с января 2015-го – в Малайзии, с марта 2016-го – во Франции, с апреля 2016-го – в Японии, с декабря 2016-го – в Финляндии, с июня 2018-го – в Казахстане. Общее количество стран, где он признан на государственном уровне, достигло 26-ти.

В России формальной датой признания компьютерного спорта следует считать 29 апреля 2016 года, когда он был введен в первый раздел Перечня видов спорта, признанных в нашей стране [8]. Этот раздел объединяет виды спорта, не являющиеся национальными и развиваемыми на общероссийском уровне. Впрочем, 13 апреля 2017 года Министерство спорта России опубликовало на своем сайте приказ от 16.03.2017 № 183 «О признании и включении во Всероссийский реестр видов спорта спортивных дисциплин, видов спорта и внесении изменений во Всероссийский реестр видов спорта» [9], в котором указаны те дисциплины, которые «развиваются на общероссийском уровне» (второй раздел реестра). С даты опубликования приказа в их число вошел и киберспорт, получив равные права с футболом, хоккеем, теннисом и другими общенациональными видами спорта. Это признание позволяет проводить общероссийские соревнования по киберспортивным дисциплинам, а киберспортсменам – получать спортивные разряды и звания.

Путаница, возникшая с датой признания (практически во всех публикациях называется 25 июля 2001 года), потребовала специального исследования – его результаты опубликованы нами в отдельной статье [21].

Федерация компьютерного спорта России (ФКС России, англ. Russian eSports Federation) была основана в 2000 году [23]. В ее задачи входит проведение массовых соревнований, обучение и аттестация судей, аккредитация площадок, подготовка методических материалов, образовательных проектов, развитие клубов и секций. Приказом Министерства спорта РФ от 05 июля 2017 г. № 618 ФКС России наделена правами и обязанностями общероссийской спортивной федерации по виду спорта «Компьютерный спорт». За 18 лет своего суще-

ствования под эгидой Федерации было проведено более 1000 турниров различного уровня, в них приняли участие более 300 тыс. киберспортсменов.

Проблемы развития киберспорта и его правового обеспечения привлекают внимание и государственных органов, и общественности. В Общественной палате РФ 20 марта 2017 года обсуждались перспективы развития интеллектуальных видов спорта, в их числе и компьютерного [5]. Там же 27 ноября 2017 года состоялся «круглый стол» на тему «Шутеры и файтинги: являются ли action-игры дисциплинами "будущего" в компьютерном спорте» [4]. По результатам обсуждения представители профильных министерств и ведомств сошлись на том, что у них нет предубеждений против киберспорта в целом, а также шутеров и файтингов в частности. На заседании были приняты рекомендации по развитию компьютерного спорта [11].

А 2 апреля 2018 года уже в Государственной Думе были проведены парламентские слушания на тему «Развитие и совершенствование законодательства в сфере компьютерного спорта» [1]. Их провел Комитет по физической культуре, спорту, туризму и делам молодежи; докладчиком выступил его председатель Михаил Дегтярев. В обсуждении приняли участие заместитель министра образования и науки России Павел Зенькович, генеральный продюсер телеканала «Матч ТВ» Тина Канделаки, президент Федерации компьютерного спорта России Дмитрий Смит, а также депутаты нижней палаты парламента. По итогам обсуждения был подготовлен документ, включающий, в том числе, рекомендации Правительству РФ, Министерству спорта, Министерству образования и науки и Федерации компьютерного спорта России. В частности, им рекомендовано разработать и представить на общественное обсуждение комплекс мер по организации поддержки компьютерного спорта в России, предусматривающий создание благоприятных условий для развития национальной киберспортивной инфраструктуры, а также популяризацию компьютерного спорта в Российской Федерации и организацию научных исследований по влиянию дисциплин киберспорта на организм человека. Кроме того, было предложено рассмотреть вопрос о комплексе мер по развитию и популяризации компьютерного спорта среди лиц с ограниченными возможностями и обеспечению таким лицам доступности участия в соревнованиях по компьютерному спорту.

Заключение. Постепенно киберспорт в России набирает обороты: растет число турниров, увеличивается количество участников и зрителей, оборудуются новые центры компьютерного спорта. Однако для успешной реализации намеченных планов нужны профессионалы. И хорошо, что проблема кадрового обеспечения начинает решаться. С декабря 2017 года Высшая школа экономики совместно с Федерацией компьютерного спорта России начали проводить занятия по образовательной программе «Управление киберспортом» [10]. Ее главная цель – подготовить профессиональных киберспортивных менеджеров. В Российском государственном университете физической культуры, спорта, молодежи и туризма открыта специализация «Теория и методика компьютерного спорта» [12]. На первом и втором курсах студенты проходят анатомию, философию, биохимию, психологию. Затем – специализированные предметы: киберспортивный менеджмент, организация соревнований, теория и методика киберспорта, история компьютерного спорта. Успешно проходит и практика по специальности: в июле этого года студенты организовали собственный кибертурнир с призовым фондом 100 тыс. рублей [19].

В заключение необходимо отметить две очень важные социальные особенности компьютерного спорта. Первая из них связана с тем, что сегодня его основу составляют командные игры. Поэтому все навыки, характерные для работы в команде, здесь имеют максимальное развитие. И вторая особенность, имеющая большую социальную ценность, заключается в вовлечении в активную жизнь людей с ограниченными возможностями. Крупнейшие компании игровой индустрии заинтересованы в их привлечении и создают для них специальные девайсы, обеспечивающие полноценное участие в соревнованиях наравне с обычными игроками.

В век информационных технологий и дополненных реальностей у российского киберспорта большое будущее. Дело – за инициативными организаторами и пропагандистами этого вида спорта и, конечно, за спонсорами.

Список литературы

1. В Государственной Думе обсудили развитие и совершенствование законодательства в сфере компьютерного спорта. URL: http://duma.gov.ru/news/26627/ (дата обращения: 05.08.2018).
2. Виза P1A для спортсменов и команд, признанных на международном уровне. URL: http://ru.myattorneyusa.com/p1a-viza-dlya-sportsmenov-i-kommand-priznannyh-na-mezhdunarodnom-urovne (дата обращения: 05.08.2018).
3. Всероссийский реестр видов спорта. URL: https://www.minsport.gov.ru/sport/high-sport/priznanie-vidov-spor/ (дата обращения: 03.08.2018).
4. Общественная палата РФ порекомендовала Министерству спорта рассмотреть шутеры и файтинги в качестве новых киберспортивных дисциплин // Комсомольская правда. URL: https://www.msk.kp.ru/daily/26763/3794912/ (дата обращения: 05.08.2018).
5. От шахмат до киберспорта // Общественная палата РФ. URL: https://www.oprf.ru/press/news/2017/newsitem/39246 (дата обращения: 05.08.2018).
6. Правила вида спорта «Компьютерный спорт». URL: http://rulaws.ru/acts/Pravila-vida-sporta-kompyuternyy-sport/ (дата обращения: 03.08.2018).
7. Приказ Минспорта РФ от 02.09.2013 № 702 «Об утверждении Порядка признания видов спорта, спортивных дисциплин и включения их во Всероссийский реестр видов спорта и порядка его ведения». URL: http://base.garant.ru/70451560/ (дата обращения: 03.08.2018).
8. Приказ Минспорта РФ от 29.04.2016 № 470 «О признании и включении во Всероссийский реестр видов спорта спортивных дисциплин, видов спорта и внесении изменений во Всероссийский реестр видов спорта, а также в приказ Министерства спорта, туризма и молодежной политики РФ от 17.06.2010 № 606 “О признании и включении видов спорта, спортивных дисциплин во Всероссийский реестр видов спорта”». URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201606070022 (дата обращения: 16.08.2018).
9. Приказ Минспорта РФ от 16.03.2017 № 183 «О признании и включении во Всероссийский реестр видов спорта спортивных дисциплин, видов спорта и внесении изменений во Всероссийский реестр видов спорта». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215519/ (дата обращения: 06.08.2018).
10. Программа профессиональной переподготовки «Управление киберспортом / E-Sports Management». URL: https://busedu.hse.ru/catalog/211267868.html (дата обращения: 06.08.2018).
11. Рекомендации Общественной палаты Российской Федерации по итогам «круглого стола» на тему «Шутеры и файтинги: являются ли action-игры дисциплинами “будущего” в компьютерном спорте». URL: https://www.oprf.ru/files/1_2017dok/rekomen_komp_igri27112017.pdf (дата обращения: 06.08.2018).
12. Специализация теории и методики компьютерного спорта / РГУФКСМиТ. URL: http://it.sportedu.ru (дата обращения: 07.08.2018).
13. Спорт // Большая советская энциклопедия. URL: https://slovar.cc/enc/bse/2043981.html (дата обращения: 02.08.2018).
14. Спорт // Большой энциклопедический словарь. URL: https://slovar.cc/enc/bolshoy/2121070.html (дата обращения: 02.08.2018).
15. Спорт // Новый толково-словообразовательный словарь русского языка Ефремовой. URL: https://slovar.cc/rus/efremova-slovo/1177979.html (дата обращения: 02.08.2018).
16. Спорт // Толковый словарь Ожегова. URL: http://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=30197 (дата обращения: 02.08.2018).
17. Спорт // Толковый словарь русского языка Ушакова. URL: https://slovar.cc/rus/ushakov/455525.html (дата обращения: 02.08.2018).
18. Спорт // Энциклопедия Брокгауза и Ефрона. URL: https://slovar.cc/enc/brokhauz-efron/1666990.html (дата обращения: 02.08.2018).
19. Студенты специализации «Теория и методика компьютерного спорта» РГУФКСМиТ организовали собственный кибертурнир с призовым фондом 100 тысяч рублей / РГУФКСМиТ. URL: http://press.sportedu.ru/item/studenty-spetsializatsii-teoriya-i-metodika-

kompyuternogo-sporta-rgufksmit-organizovali-sobstve?utm_source=dlvr.it&utm_medium=twitter (дата обращения: 07.08.2018).
20. Тарасенко В.А. Компьютерный спорт: откуда корни растут. Историко-социологический экскурс. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=36806958 (дата обращения: 03.12.2018).
21. Тарасенко В.А. Юридические аспекты становления компьютерного спорта в России. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=36903379 (дата обращения: 03.12.2018).
22. Федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» (в ред. от 04.06.2018). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_73038/ (дата обращения: 04.08.2018).
23. Федерация компьютерного спорта России. URL: https://resf.ru (дата обращения: 03.08.2018).
24. Cyber // Cambridge Dictionary. URL: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/cyber (дата обращения: 02.08.2018).
25. Global Association of Sports Federations. URL: https://gaisf.sport (дата обращения: 03.08.2018).
26. International e-Sports Federation. URL: https://www.ie-sf.org (дата обращения: 02.08.2018).
27. Sport // Cambridge Dictionary. URL: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/sport (дата обращения: 08.08.2018).
28. Sport // Online Etymology Dictionary. URL: https://www.etymonline.com/word/sport (дата обращения: 02.08.2018).

References

1. V Gosudarstvennoj Dume obsudili razvitie i sovershenstvovanie zakonodatel'stva v sfere komp'yuternogo sporta. URL: http://duma.gov.ru/news/26627/ (data obrashcheniya: 05.08.2018).
2. Viza P1A dlya sportsmenov i komand, priznannykh na mezhdunarodnom urovne. URL: http://ru.myattorneyusa.com/p1a-viza-dlya-sportsmenov-i-kommand-priznannyh-na-mezhdunarodnom-urovne (data obrashcheniya: 05.08.2018).
3. Vserossijskij reestr vidov sporta. URL: https://www.minsport.gov.ru/sport/high-sport/priznanie-vidov-spor/ (data obrashcheniya: 03.08.2018).
4. Obshchestvennaya palata RF porekomendovala Ministerstvu sporta rassmotret' shutery i fajtingi v kachestve novykh kibersportivnykh disciplin // Komsomol'skaya pravda. URL: https://www.msk.kp.ru/daily/26763/3794912/ (data obrashcheniya: 05.08.2018).
5. Ot shakhmat do kibersporta // Obshchestvennaya palata RF. URL: https://www.oprf.ru/press/news/2017/newsitem/39246 (data obrashcheniya: 05.08.2018).
6. Pravila vida sporta «Komp'yuternyj sport». URL: http://rulaws.ru/acts/Pravila-vida-sporta-kompyuternyy-sport/ (data obrashcheniya: 03.08.2018).
7. Prikaz Minsporta RF ot 02.09.2013 № 702 «Ob utverzhdenii Poryadka priznaniya vidov sporta, sportivnykh disciplin i vklyucheniya ikh vo Vserossijskij reestr vidov sporta i poryadka ego vedeniya». URL: http://base.garant.ru/70451560/ (data obrashcheniya: 03.08.2018).
8. Prikaz Minsporta RF ot 29.04.2016 № 470 «O priznanii i vklyuchenii vo Vserossijskij reestr vidov sporta sportivnykh disciplin, vidov sporta i vnesenii izmenenij vo Vserossijskij reestr vidov sporta, a takzhe v prikaz Ministerstva sporta, turizma i molodezhnoj politiki RF ot 17.06.2010 № 606 "O priznanii i vklyuchenii vidov sporta, sportivnykh disciplin vo Vserossijskij reestr vidov sporta"». URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201606070022 (data obrashcheniya: 16.08.2018).
9. Prikaz Minsporta RF ot 16.03.2017 № 183 «O priznanii i vklyuchenii vo Vserossijskij reestr vidov sporta sportivnykh disciplin, vidov sporta i vnesenii izmenenij vo Vserossijskij reestr vidov sporta». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215519/ (data obrashcheniya: 06.08.2018).
10. Programma professional'noj perepodgotovki «Upravlenie kibersportom / E-Sports Management». URL: https://busedu.hse.ru/catalog/211267868.html (data obrashcheniya: 06.08.2018).
11. Rekomendacii Obshchestvennoj palaty Rossijskoj Federacii po itogam «kruglogo stola» na temu «Shutery i fajtingi: yavlyayutsya li action-igry disciplinami "budushchego" v komp'yuternom sporte». URL: https://www.oprf.ru/files/1_2017dok/rekomen_komp_igri27112017.pdf (data obrashcheniya: 06.08.2018).

12. Specializaciya teorii i metodiki komp'yuternogo sporta / RGUFKSMiT. URL: http://it.sportedu.ru (data obrashcheniya: 07.08.2018).
13. Sport // Bol'shaya sovetskaya enciklopediya. URL: https://slovar.cc/enc/bse/2043981.html (data obrashcheniya: 02.08.2018).
14. Sport // Bol'shoj enciklopedicheskij slovar'. URL: https://slovar.cc/enc/bolshoy/2121070.html (data obrashcheniya: 02.08.2018).
15. Sport // Novyj tolkovo-slovoobrazovatel'nyj slovar' russkogo yazyka Efremovoj. URL: https://slovar.cc/rus/efremova-slovo/1177979.html (data obrashcheniya: 02.08.2018).
16. Sport // Tolkovyj slovar' Ozhegova. URL: http://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=30197 (data obrashcheniya: 02.08.2018).
17. Sport // Tolkovyj slovar' russkogo yazyka Ushakova. URL: https://slovar.cc/rus/ushakov/455525.html (data obrashcheniya: 02.08.2018).
18. Sport // Enciklopediya Brokgauza i Efrona. URL: https://slovar.cc/enc/brokhauz-efron/1666990.html (data obrashcheniya: 02.08.2018).
19. Studenty specializacii «Teoriya i metodika komp'yuternogo sporta» RGUFKSMiT organizovali sobstvennyj kiberturnir s prizovym fondom 100 tysyach rublej / RGUFKSMiT. URL: http://press.sportedu.ru/item/studenty-spetsializatsii-teoriya-i-metodika-kompyuternogo-sporta-rgufksmit-organizovali-sobstve?utm_source=dlvr.it&utm_medium=twitter (data obrashcheniya: 07.08.2018).
20. Tarasenko V.A. Komp'yuternyj sport: otkuda korni rastut. Istoriko-sociologicheskij ekskurs. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=36806958 (data obrashcheniya: 03.12.2018).
21. Tarasenko V.A. Yuridicheskie aspekty stanovleniya komp'yuternogo sporta v Rossii. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=36903379 (data obrashcheniya: 03.12.2018).
22. Federal'nyj zakon ot 04.12.2007 № 329-FZ «O fizicheskoj kul'ture i sporte v Rossijskoj Federacii» (v red. ot 04.06.2018). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_73038/ (data obrashcheniya: 04.08.2018).
23. Federaciya komp'yuternogo sporta Rossii. URL: https://resf.ru (data obrashcheniya: 03.08.2018).
24. Cyber // Cambridge Dictionary. URL: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/cyber (data obrashcheniya: 02.08.2018).
25. Global Association of Sports Federations. URL: https://gaisf.sport (data obrashcheniya: 03.08.2018).
26. International e-Sports Federation. URL: https://www.ie-sf.org (data obrashcheniya: 02.08.2018).
27. Sport // Cambridge Dictionary. URL: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/sport (data obrashcheniya: 08.08.2018).
28. Sport // Online Etymology Dictionary. URL: https://www.etymonline.com/word/sport (data obrashcheniya: 02.08.2018).

Библиографическое описание статьи / Reference to article

Тарасенко В.А. Киберспорт как новое социальное явление в России // Социальная политика и социология. Т. 17. 2018. № 4 (129). С. 130–138. DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-4-130-138 (Библиографическое описание согласно российским стандартам).

Tarasenko V.A. Kibersport kak novoe social'noe yavlenie v Rossii // Social'naya politika i sociologiya. T. 17. 2018. № 4 (129). S. 130–138. DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-4-130-138 (Reference in Roman script).

Tarasenko, V.A. (2018) Cybersport As a New Social Phenomenon in Russia, *Social Policy and Sociology*. Vol. 17. No. 4 (129). P. 130–138. DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-4-130-138 (International bibliographic description).

О.А. Уржа,
д-р социол. наук, профессор кафедры менеджмента и административного управления, Российский государственный социальный университет, Москва.
O.A. Urzha,
doctor of sociological sciences, professor of the department of management and administration, Russian State Social University, Moscow.
E-mail: olga.urzha@gmail.com

Н.И. Михопаров,
аспирант, Российский государственный социальный университет, Москва.
N.I. Mikhoparov,
postgraduate student, Russian State Social University, Moscow.
E-mail: mikhoparov@gmail.com

УДК 316
DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-4-139-148

Деятельность органов государственной власти Чувашской Республики по развитию сферы туризма: оценка и пути повышения эффективности

Activities of the Public Authorities of the Chuvash Republic for the Development of Tourism: Evaluation and Ways to Improve Efficiency

Дата поступления	*Дата препринта*	*Дата публикации*
18.09.2018	20.11.2018	19.12.2018

Аннотация: *в статье на основе научного исследования отражены актуальные проблемы региональной политики в сфере туризма в Чувашской Республике и обоснована необходимость проявления в современных условиях активной деятельности региональных органов власти в развитии отрасли, предложены рекомендации и меры по повышению эффективности государственного регулирования туризма в Чувашии, которые направлены на повышение конкурентоспособности республиканского туристского продукта на внутреннем и международном туристских рынках.*

Annotation: *on the basis of scientific research the article reflects the actual problems of the regional policy in the field of tourism in the Chuvash Republic and substantiates the necessity of active regional policy in the development of the industry. the recommendations and measures to improve the efficiency of state regulation of tourism in Chuvashia, which are aimed at improving the competitiveness of the Republican tourist product in the domestic and international tourist markets. The author suggests recommendations on how to increase the effectiveness of the Chuvash state policy in the field of tourism; it will raise the level of competitiveness of the republican tourism product in the domestic and international tourism markets.*

Ключевые слова: *Чувашская Республика, региональная политика в сфере туризма, государственное регулирование, туристский продукт Чувашии.*

Key words: *Chuvash Republic, regional policy in the field of tourism, state control, tourism product of Chuvashia.*

Введение. В современном мире сфера туризма является одной из динамично развивающихся, прибыльных и перспективных отраслей мировой экономики. Во многих странах туризм играет важную роль в формировании валового внутреннего продукта, расширении международных контактов, создании новых рабочих мест и т.д. [20].

Сегодня туристская сфера охватывает 53 отрасли народного хозяйства и оказывает значительное влияние на следующие ключевые отрасли экономики: транспорт, связь, строительство, торговля, производство товаров народного потребления, система общественного питания, гостиничный бизнес, сельское хозяйство и т.д. [12]. Кроме того, туризм содействует сохранению природного и архитектурно-исторического потенциала, развитию национальных культур и народно-художественных промыслов, производству сувенирной продукции и др. [2].

В настоящее время в Чувашской Республике в соответствии с Законом Чувашской Республики от 13 октября 1997 г. № 16 «О туризме» туристская деятельность признана одной из приоритетных отраслей региональной экономики. Однако, несмотря на обладаемый регионом огромный туристский потенциал, на сегодняшний день чувашский туристский продукт слабо представлен на региональном, российском и международном туристских рынках. Согласно официальным данным статистики, отрасль туризма в валовом региональном продукте Чувашской Республики занимает всего лишь 0,3% [22].

Здесь необходимо отметить, что, по оценкам экспертов, страны и регионы, не причисляющиеся к передовым в сфере экономики, при наличии большого туристского потенциала вполне способны завоевать высокие позиции на международном туристском рынке. Основным и главным обязательством для реализации такой возможности является осуществление целенаправленной и активной государственной политики по созданию условий устойчивого развития внутреннего туризма [1]. Неслучайно в Гаагской декларации по туризму 1989 года особо отмечено, что *«туризм должен планироваться государственными властями на комплексной и последовательной основе с учетом всех аспектов феномена»*.

Исходя из этого, сегодня в Чувашской Республике весьма актуальной является проблема повышения эффективности деятельности региональных органов власти в сфере туризма.

Методика. Информационной базой для научного исследования послужили нормативные правовые акты Чувашской Республики, а также статистические данные и информационно-аналитические материалы органов власти региона. В качестве теоретико-методологической основы исследования использованы следующие методы: аналитико-синтетический метод, метод системного подхода, социоинженерный подход, метод изучения первичной документации, метод анализа статистических данных, сравнение и метод экспертных оценок.

Результаты.

1. Институты государственного регулирования. В настоящее время государственное регулирование туристской деятельности в Чувашии осуществляется Государственным Советом Чувашской Республики, Кабинетом Министров Чувашской Республики и уполномоченным органом исполнительной власти Чувашской Республики, осуществляющим государственную политику в сфере туризма [3], каковым в соответствии с Указом Главы Чувашской Республики от 21 декабря 2013 г. № 134 является Министерство культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики.

Сегодня в Чувашии реализация государственной политики в сфере туризма осуществляется на основе подпрограммы «Туризм» государственной программы Чувашской Республики «Развитие культуры и туризма» на 2014–2020 годы, утвержденной постановлением Кабинета Министров Чувашской Республики от 31 декабря 2013 г. № 570. Цель подпрограммы – повышение конкурентоспособности туристского рынка Чувашской Республики, удовлетворяющего потребности российских и иностранных граждан в качественных туристских услугах.

В 2018 году на реализацию основных мероприятий подпрограммы «Туризм» из регионального бюджета Чувашии было выделено 46 567,7 тыс. рублей, или 3,2% от общей суммы финансирования Программы (в 2018 году – 1 423 231,5 тыс. рублей) [4]. Общий объем финансирования данной подпрограммы из регионального бюджета Чувашской Республики за 2014–2018 годы составил 249 985,4 тыс. рублей, или 4,8% от общей суммы финансирования Программы, что составило 5 177 141,5 тыс. рублей (рис. 1) [15].

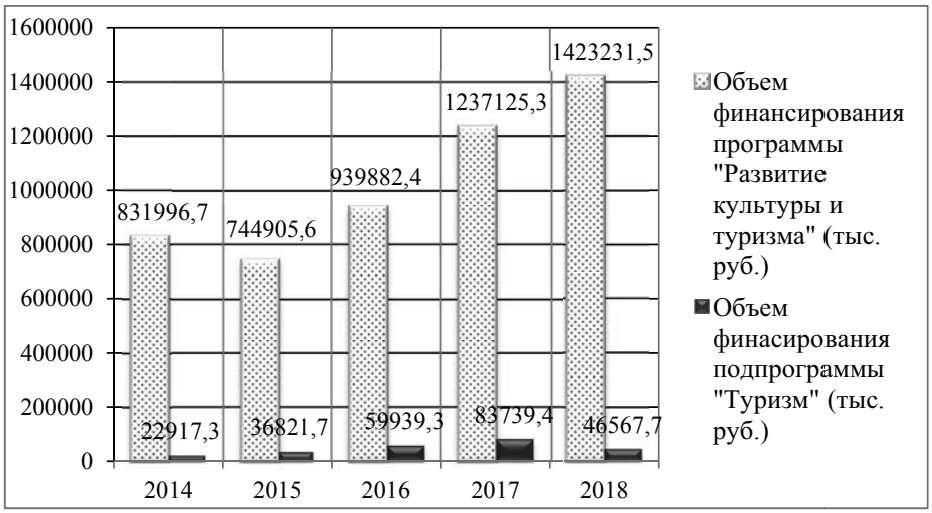

Рис. 1. **Объем финансирования государственной программы Чувашской Республики «Развитие культуры и туризма» из регионального бюджета Чувашии за 2014–2018 годы**

2. Нормотворческая и организационная деятельность. Как уже было сказано выше, в Чувашской Республике региональным уполномоченным органом исполнительной власти, осуществляющим государственную политику в сфере туризма, является Министерство культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики. В течение пяти лет (с 2014 по 2018 год) Министерством проведена активная работа по формированию и совершенствованию нормативно-правовой базы Чувашской Республики в сфере туризма. Так, во исполнение Указа Главы Чувашской Республики от 16 июня 2014 г. № 86 Минкультуры Чувашии разработало Концепцию развития сельского и экологического туризма в Чувашской Республике на 2015–2020 годы, основной целью которой является формирование на территории Чувашии туристских продуктов сельского и экологического туризма [9].

В целях улучшения в Чувашской Республике системы перевозок пассажиров внутренним водным транспортом и повышения туристической привлекательности региона Минкультуры Чувашии разработало Концепцию развития водного такси в Чувашской Республике [8].

В 2014 году Министерством культуры Чувашии при слаженной работе с муниципальными образованиями Республики создан Туристский паспорт Чувашской Республики, размещенный в настоящее время на официальном сайте Минкультуры Чувашии в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» [19].

С 2014 года Чувашская Республика принимает активное участие в мероприятиях Национальной программы детского культурно-познавательного туризма «Моя Россия». В рамках участия в Программе за 2014–2017 годы Минкультуры Чувашии проведена масштабная работа по организации экскурсионных и туристских поездок школьных групп за пределы Республики по разным туристским направлениям. Всего за обозначенный период в Программе приняли участие 951 человек; они посетили города Санкт-Петербург, Казань, Севастополь, Москва, Тула и Калуга [16].

В 2016 году Чувашия стала одним из пилотных регионов по запуску федерального экскурсионно-образовательного проекта «Живые уроки». В Чувашии за период реализации данного проекта сформирован каталог, включающий в себя более 50 школьных экскурсионных программ. Всего за 2016–2017 годы в рамках проекта «Живые уроки» приняли участие около 7 тыс. обучающихся общеобразовательных организаций Республики [16].

3. Инвестиционный проект «Этническая Чувашия». В Чувашской Республике в целях развития внутреннего туристского рынка со стороны региональных органов государ-

ственной власти придается значимость государственно-частному партнерству в сфере туризма. Так, с 2013 по 2018 год на внутреннем туристском рынке региона реализовывался крупномасштабный для Республики инвестиционный проект «Создание туристско-рекреационного кластера «"Этническая Чувашия" Чувашской Республики» в рамках федеральной целевой программы «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011–2018 годы)». Главной идеей туристского кластера «Этническая Чувашия» является воссоздание этнической самобытности и духовности, возрождение крестьянского быта и старинных методов натурального хозяйства чувашского (суварского) народа. В качестве частного инвестора проекта выступило ЗАО «ТРИгрупп».

Согласно утвержденному в 2013 году Сводному плану «Этнической Чувашии» [18] реализация инвестиционного проекта предполагала строительство двух туристских субкластеров: этнокомплекса «Амазония» в г. Чебоксары и этноэкологического комплекса «Ясна» в Чебоксарском районе. В соответствии со Сводным планом государство в лице федерального центра и Чувашской Республики обязывалось к концу 2018 года в рамках реализации туристско-рекреационного кластера создать комплекс обеспечивающей инфраструктуры – это газоснабжение, электроснабжение, водоснабжение, водоотведение, асфальтированная дорога, тротуары, велодорожки и автомобильные стоянки – за счет средств федерального и регионального бюджетов, а инвестор в свою очередь должен был построить за счет частных инвестиций следующие основные объекты туристской инфраструктуры: аквапарк «Амазония», гостиничный комплекс «Амазонлэнд», административно-развлекательный комплекс с фитнес-центром и рестораном чувашской кухни «Шыв арманё» и др. Общий объем финансирования проекта за 2013–2018 годы должен был составить 7,6 млрд рублей, из которых: 1,7 млрд рублей – из федерального бюджета, 300 млн рублей – из регионального бюджета и 5,6 млрд рублей – частные инвестиции (рис. 2) [18].

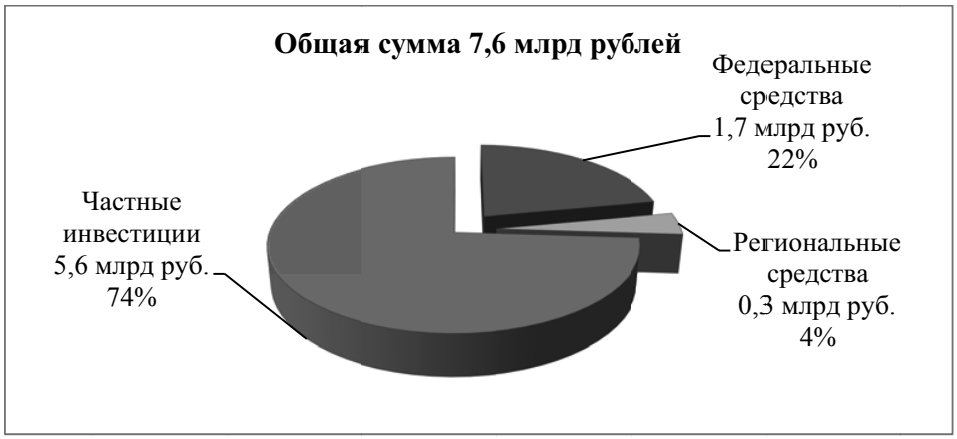

Рис. 2. **Проектный объем финансирования «Этнической Чувашии» за 2013–2018 годы согласно утвержденному Сводному плану проекта**

Несмотря на современный кризисный период в экономике страны, государство в лице федерального центра и Чувашской Республики в основном выполнило свои обязательства по объему финансирования туристского кластера. Всего за 2013–2018 годы на «Этническую Чувашию» из федерального бюджета по федеральной целевой программе «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011–2018 годы)» было направлено 1155,1 млн рублей, из регионального бюджета по подпрограмме «Туризм» государственной программы Чувашской Республики «Развитие культуры и туризма» на 2014–2020 годы – 243 373,9 тыс. рублей (рис. 3). На данные средства государством на территории туристских

субкластеров «Амазония» и «Ясна» к концу 2018 года был построен комплекс обеспечивающей инфраструктуры из 19 объектов [17].

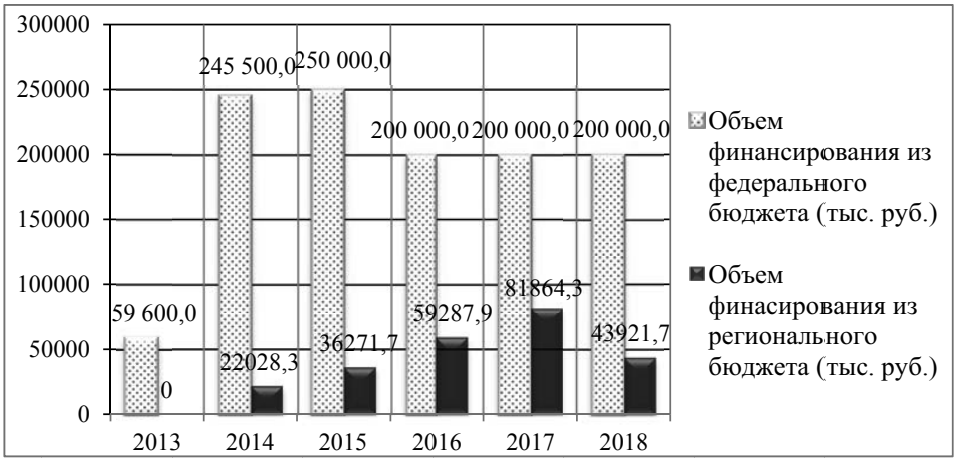

Рис. 3. **Фактический объем финансирования «Этнической Чувашии» за 2013–2018 годы из федерального и регионального бюджетов**

Инвестором проекта за 2013–2018 годы на территории этнокомплекса «Амазония» созданы и открыты следующие объекты туристской инфраструктуры: летняя зона аквапарка «Амазония», парк «Город аттракционов», Аллея влюбленных с водоемом и ротондой, световой фонтан, колонны центральной входной группы, Аллея скульптур чувашских (суварских) амазонок. К концу 2018 года запланировано завершение строительства административно-развлекательного комплекса с фитнес-центром и рестораном чувашской кухни «Шыв арманё» [10].

На территории этноэкологического комплекса «Ясна» инвестором проекта возведены следующие туристские объекты: 7 гостевых домов, детский гостевой дом, оздоровительный комплекс из 4 бань, этническая поляна со скульптурами героев чувашских легенд, парк старинных качелей, пивоварня-лащ, летнее кафе [23].

Общий объем финансовых вложений ЗАО «ТРИгрупп» в реализацию «Этнической Чувашии» к концу осени 2018 года составил всего 2,2 млрд рублей [17] вместо изначально предусмотренных 5,6 млрд рублей, чем объясняется срыв строительства инвестором запланированного аквапарка «Амазония», гостиничного комплекса «Амазонлэнд», развлекательного комплекса «Амазония» и многих других туристских объектов.

Обсуждение.

1. Инвестиционный проект «Этническая Чувашия». В действительности еще в конце 2016 года стало ясно, что инвестор «Этнической Чувашии» не заинтересован всецело исполнять взятые на себя обязательства по финансированию данного инвестиционного проекта. Так, в декабре 2016 года Глава Чувашской Республики Михаил Игнатьев в интервью ТАСС выразил свое недовольство в адрес ЗАО «ТРИгрупп» и признал, что *«инвесторы проекта ввели региональные власти в заблуждение, показав на бумаге красивый проект, но не смогли правильно рассчитать свои силы. Чувашии придется расстаться с такими инвесторами. Республика должна найти других бизнесменов, готовых вкладываться в туристический кластер, тех, кто, несмотря на финансовые сложности, пойдет на определенные риски, найдет средства и реализует туристические проекты»* [11].

Однако после публичного заявления Главы Чувашии региональными органами государственной власти не были предприняты никакие санкционные меры в адрес инвестора проекта. Напротив, уже в январе 2017 года Глава Чувашии в своем ежегодном Послании

Государственному Совету Чувашской Республики озвучил значительно уменьшенный итоговый общий объем финансирования «Этнической Чувашии» – 2,6 млрд рублей [14] вместо 7,6 млрд рублей, утвержденных в 2013 году в Сводном плане проекта. Подобная позиция Главы Чувашской Республики в действительности показала лишь то, что в регионе органы государственной власти не умеют эффективно взаимодействовать с частным бизнесом при выстраивании государственно-частных отношений, в данном случае в сфере туризма.

Что касается официальной позиции инвестора данного инвестиционного проекта, то в сентябре 2018 года в интервью с журналистом чебоксарского городского сайта «СНЕВ.ru» заместитель генерального директора ЗАО «ТРИгрупп» Руслан Аксаков признал, что *«в разные моменты на разных этапах стояли совершенно разные задачи. Сначала необходимо было войти в федеральную программу, получить наибольшее финансирование, и, как видите, мы были правы, когда ставили увеличенные цифры»* [5].

Из приведенного выше следует, что органам государственной власти Чувашской Республики при подборе потенциальных частных инвесторов для государственно-частного партнерства, как в туристской отрасли, так и во всех иных отраслях в целом, впредь необходимо грамотнее оценивать и объективнее взвешивать их реальные возможности для участия с государством в реализации совместных инвестиционных проектов.

2. Общая финансовая политика. Анализируя финансовую политику органов государственной власти Чувашской Республики в сфере туризма необходимо обратить внимание также на следующий момент. Как уже было отмечено, за 2014–2018 годы из регионального бюджета Чувашской Республики на финансирование подпрограммы «Туризм» государственной программы Чувашской Республики «Развитие культуры и туризма» на 2014–2020 годы Республикой было направлено 249 985,4 тыс. рублей. Однако из этой суммы более 97% финансовых средств – это 243 373,9 тыс. рублей – регионом было вложено только на выполнение одного мероприятия подпрограммы – «Создание комплекса обеспечивающей инфраструктуры туристско-рекреационного кластера «“Этническая Чувашия” Чувашской Республики», а на другое мероприятие подпрограммы – «Формирование и продвижение туристского продукта Чувашской Республики» было направлено всего лишь менее 3% финансовых средств от общей суммы – 6611,5 тыс. рублей (рис. 4) [15].

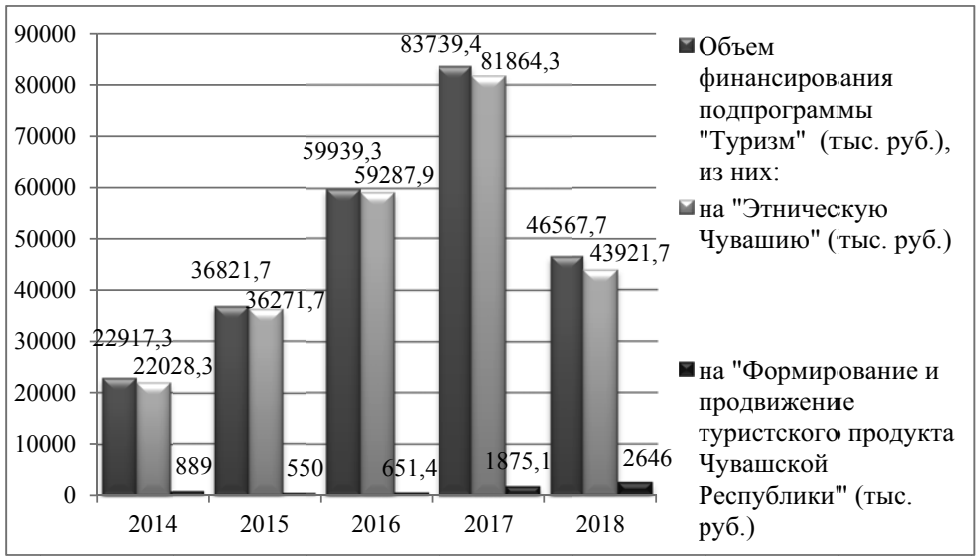

Рис. 4. **Распределение бюджетных средств Чувашии в подпрограмме «Туризм» за 2014–2018 годы**

Уточним, что одной из задач подпрограммы «Туризм» является *«продвижение туристского продукта Чувашской Республики на мировом и внутреннем туристских рынках»*. Анализируя фактический объем выделенных финансовых средств из бюджета Чувашии на осуществление мероприятий по выполнению данной задачи за обозначенные пять лет, в принципе невозможно говорить о проведении в регионе органами государственной власти Чувашской Республики заинтересованной региональной политики по выведению чувашского туристского продукта на новый качественный уровень конкуренции на внутреннем и внешнем туристских рынках, поскольку сумма бюджетных средств, направленная региональными властями на эти цели, оказалась ничтожно малой.

В связи с этим органам государственной власти Чувашской Республики необходимо обратить особое внимание на указанную проблему, потому что текущая их деятельность отражает явное отступление от реализации одной из главных задач государственной программы Чувашской Республики «Развитие культуры и туризма» на 2014–2020 годы. Решением для выявленного упущения может явиться только значительное увеличение финансирования из регионального бюджета мероприятия «Формирование и продвижение туристского продукта Чувашской Республики» подпрограммы «Туризм» Программы.

3. Кадровая политика. На сегодняшний день в структуре органов государственной и в большей степени муниципальной власти Чувашской Республики прослеживается наличие кадровой проблемы в отношении специалистов, курирующих туристскую отрасль. Согласно официальному порталу органов власти Чувашской Республики [13], на конец 2018 года в органах государственной власти региона, а именно в Минкультуры Чувашии, числятся всего только три штатные единицы, курирующие сферу туризма, из них: один профильный замминистра и два специалиста в составе «Сектора туристских проектов»; в структуре администраций муниципальных образований Чувашской Республики ситуация сложилась куда критичней: из 26 муниципальных администраций региона только в штате восьми администраций имеются отделы (секторы) с примерным общим названием «Отдел культуры и туризма», при этом только в четырех из них действительно есть штатная единица специалиста, курирующего туристскую отрасль, а оставшиеся четыре отдела лишь формально преобразованы из «Отдела культуры» в «Отдел культуры и туризма» без увеличения количества специалистов в отделе. В данном случае полномочия по курированию туризма возложены на специалистов, курировавших сферу культуры, отчего их деятельность стала только более нагруженной, чем было до этого. Что касается оставшихся 18 муниципальных образований, то в их случае сферу туризма также курируют специалисты, работающие со сферой культуры. Есть случаи, при которых в штате муниципальных администраций числится только один муниципальный служащий, одновременно курировавший и культуру, и архивное дело, и этноконфессиональные отношения и, наконец, туризм. Хуже того – в некоторых администрациях муниципальных образований и вовсе отсутствуют отделы культуры.

Образовавшаяся безответственная ситуация в системе органов власти Чувашской Республики определенно перечит процессу дальнейшего выстраивания в регионе активной республиканкой политики в туристской отрасли. В текущих условиях, при тотальном отсутствии муниципальных специалистов по туризму, региональный центр в лице Минкультуры Чувашии попросту «перегружено» работой и не в состоянии в одиночку справиться со сверхзадачей развития туризма во всех уголках Республики. В такой ситуации инициативы и предложения по поводу способов и путей развития местного туризма должны формироваться и поступать также с мест – из муниципальных администраций, от тех муниципальных служащих, которые явились бы экспертами в местной туристской сфере, что, в свою очередь, повлекло бы снижение бюрократической нагрузки с региональных органов государственной власти.

Заключение. Таким образом, исходя из изученного материала, нужно отметить следующее. К сожалению, в Чувашской Республике региональные бюджетные средства, выделяемые на развитие сферы туризма, региональными органами государственной власти кон-

центрированно направляются только на развитие туристской инфраструктуры г. Чебоксары и его пригорода. На самом деле в настоящее время туристский потенциал Чувашии сосредоточен не только в столице региона, но и в муниципальных районах Республики. Именно в провинции по-прежнему сохраняется историческая национальная самобытность чувашского (суварского) народа – то, что, несомненно, представляет огромный интерес для потенциального внешнего туриста в Чувашском крае. Поэтому если в Республике действительно региональными властями преследуется цель выведения в скором времени чувашского туристского продукта на российском и международном туристских рынках на новый качественный уровень, то уже сегодня органам государственной власти Чувашской Республики необходимо позаботиться о том, чтобы республиканские бюджетные средства направлялись в равной степени также и на развитие туристской инфраструктуры в муниципальных районах Чувашии, поскольку туристская отрасль в регионе должна развиваться комплексным подходом, всецело.

В 2015 году по заказу Администрации г. Чебоксары независимая австрийская консалтинговая компания «Kohl & Partner» провела полный анализ туристского потенциала столицы Чувашии и в качестве финального отчета представила разработанный мастер-план по развитию туризма в Чебоксарах. В этом материале австрийскими специалистами помимо существующих основных проблем в туристской отрасли города были приведены имеющиеся недостатки в работе Администрации г. Чебоксары по регулированию развития сферы туризма. К таковым были отнесены следующие:

- отсутствие у городской администрации ежегодного бюджета на маркетинговые мероприятия в сфере туризма;
- необходимость увеличения в штате Администрации города количества специалистов, занимающихся вопросами туризма (всего на 2015 год – 2 человека) [21].

Учитывая данные «Kohl & Partner», необходимо добавить, что в действительности обозначенные проблемы, к сожалению, имеет место быть не только в столице региона, но и во всех муниципальных районах Чувашии в целом. В этой связи в настоящее время перед органами государственной власти Чувашской Республики стоит актуальная сверхзадача по побуждению органов местного самоуправления к ведению на муниципальном уровне целенаправленной политики по развитию местного туристского потенциала. Проявляемая заинтересованность со стороны властей к развитию туризма позволит создать благоприятный фон для налаживания государственно-частного партнерства на муниципальном уровне, что, в свою очередь, будет способствовать привлечению частных инвестиции на развитие местной туристской инфраструктуры.

Список литературы

1. Быстров С.А. Туризм: макроэкономика и микроэкономика: учебник для вузов. СПб.: Герда, 2008. 464 с.
2. Егоренков Л.И. Введение в технологию туризма: учеб.-метод. пособие. М.: Финансы и статистика : ИНФРА-М, 2012. 304 с.
3. Закон Чувашской Республики от 13 октября 1997 г. № 16 «О туризме».
4. Закон Чувашской Республики от 1 декабря 2017 г. № 71 «О республиканском бюджете Чувашской Республики на 2018 год и на плановый период 2019 и 2020 годов».
5. Интервью: Богуславский и Аксаков – взгляд с той стороны «Амазонии». URL: https://cheb.ru/news/?shownews=231302 (дата обращения: 14.09.2018).
6. Кабанова Е.Е. Внутренний туризм в Российской Федерации: конкурентоспособность и приоритетные направления развития // Социальная политика и социология. Т. 15. 2016. № 6 (119). С. 73–80.
7. Кабанова Е.Е., Егоршев И.А. Внутренний туризм: факторы привлекательности муниципальных образований // Социальная политика и социология. Т. 15. 2016. № 5 (118). С. 93–100.
8. Концепция развития водного такси в Чувашской Республике [утверждена распоряжением Кабинета Министров Чувашской Республики от 4 августа 2015 г. № 480-р].

9. Концепция развития сельского и экологического туризма в Чувашской Республике на 2015–2020 годы [утверждена распоряжением Кабинета Министров Чувашской Республики от 29 августа 2014 г. № 513-р].
10. Материалы к Посланию Главы Чувашской Республики М.В. Игнатьева Государственному Совету Чувашской Республики. Чебоксары, 2018. 150 с.
11. Михаил Игнатьев: мы расстанемся с теми, кто только на бумаге рисует красивые проекты. URL: https://tass.ru/interviews/3884940 (дата обращения: 14.09.2018).
12. Михопаров Н.И. Основные механизмы государственного регулирования сферы туризма в Российской Федерации: эффективность и пути совершенствования // Социальная политика и социология. Т. 15. 2016. № 6 (119). С. 112–119.
13. Официальный портал органов власти Чувашской Республики. URL: http://www.cap.ru/organization/?branch=president (дата обращения: 15.09.2018).
14. Послание Главы Чувашской Республики М.В. Игнатьева Государственному Совету Чувашской Республики. Чебоксары, 2017. 60 с.
15. Постановление Кабинета Министров Чувашской Республики от 29 декабря 2017 г. № 555 «О внесении изменений в государственную программу Чувашской Республики "Развитие культуры и туризма"».
16. Предложения Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики в Государственный доклад о состоянии культуры в Российской Федерации в 2017 году.
17. Реализация инициатив Президента Российской Федерации в Чувашской Республике. Культура и туризм для каждого. Чебоксары, 2018. 16 с.
18. Сводный план туристско-рекреационного кластера «Этническая Чувашия» Чувашской Республики. Чебоксары, 2013. 131 с.
19. Туристский паспорт Чувашской Республики. URL: http://gov.cap.ru/SiteMap.aspx?gov_id=12&id=1758973 (дата обращения: 12.09.2018).
20. Уржа О.А., Михопаров Н.И. Теоретический подход к понятию «феномен туризма»: сб. трудов кафедры государственного, муниципального управления и социальной инженерии. М., 2016. С. 158–165.
21. Чебоксары. Мастер-план развития туризма. Финальный отчет австрийской компании «Kohl & Partner». URL: http://gov.cap.ru/SiteMap.aspx?gov_id=81&id=2128792 (дата обращения: 16.09.2018).
22. Чувашия в цифрах. 2018: крат. стат. сб. / Чувашстат. Чебоксары, 2018. 210 с.
23. Urzha O.A., Mikhoparov N.I., Kryukova E.M., Shalashnikova V.Yu., Sulyagina Yu.O. Sociological analysis of domestic tourism in the Chuvash Republic: current status, existing problems and solutions // Journal of Environmental Management and Tourism. Vol. 8. 2017. No. 8 (24). P. 1504–1517.

References

1. Bystrov S.A. Turizm: makroekonomika i mikroekonomika: uchebnik dlya vuzov. SPb.: Gerda, 2008. 464 s.
2. Egorenkov L.I. Vvedenie v tekhnologiyu turizma: ucheb.-metod. posobie. M.: Finansy i statistika : INFRA-M, 2012. 304 s.
3. Zakon Chuvashskoj Respubliki ot 13 oktyabrya 1997 g. № 16 «O turizme».
4. Zakon Chuvashskoj Respubliki ot 1 dekabrya 2017 g. № 71 «O respublikanskom byudzhete Chuvashskoj Respubliki na 2018 god i na planovyj period 2019 i 2020 godov».
5. Interv'yu: Boguslavskij i Aksakov – vzglyad s toj storony «Amazonii». URL: https://cheb.ru/news/?shownews=231302 (data obrashcheniya: 14.09.2018).
6. Kabanova E.E. Vnutrennij turizm v Rossijskoj Federacii: konkurentosposobnost' i prioritetnye napravleniya razvitiya // Social'naya politika i sociologiya. T. 15. 2016. № 6 (119). S. 73–80.
7. Kabanova E.E., Egorshev I.A. Vnutrennij turizm: faktory privlekatel'nosti municipal'nykh obrazovanij // Social'naya politika i sociologiya. T. 15. 2016. № 5 (118). S. 93–100.
8. Koncepciya razvitiya vodnogo taksi v Chuvashskoj Respublike. Utverzhdena rasporyazheniem Kabineta Ministrov Chuvashskoj Respubliki ot 4 avgusta 2015 g. № 480-r.
9. Koncepciya razvitiya sel'skogo i ekologicheskogo turizma v Chuvashskoj Respublike na 2015–2020 gody. Utverzhdena rasporyazheniem Kabineta Ministrov Chuvashskoj Respubliki ot 29 avgusta 2014 g. № 513-r.
10. Materialy k Poslaniyu Glavy Chuvashskoj Respubliki M.V. Ignat'eva Gosudarstvennomu Sovetu Chuvashskoj Respubliki. Cheboksary, 2018. 150 s.

11. Mikhail Ignat'ev: my rasstanemsya s temi, kto tol'ko na bumage risuet krasivye proekty. URL: https://tass.ru/interviews/3884940 (data obrashcheniya: 14.09.2018).
12. Mikhoparov N.I. Osnovnye mekhanizmy gosudarstvennogo regulirovaniya sfery turizma v Rossijskoj Federacii: effektivnost' i puti sovershenstvovaniya // Social'naya politika i sociologiya. T. 15. 2016. № 6 (119). S. 112–119.
13. Oficial'nyj portal organov vlasti Chuvashskoj Respubliki. URL: http://www.cap.ru/organization/?branch=president (data obrashcheniya: 15.09.2018).
14. Poslanie Glavy Chuvashskoj Respubliki M.V. Ignat'eva Gosudarstvennomu Sovetu Chuvashskoj Respubliki. Cheboksary, 2017. 60 s.
15. Postanovlenie Kabineta Ministrov Chuvashskoj Respubliki ot 29 dekabrya 2017 g. № 555 «O vnesenii izmenenij v gosudarstvennuyu programmu Chuvashskoj Respubliki "Razvitie kul'tury i turizma"».
16. Predlozheniya Ministerstva kul'tury, po delam nacional'nostej i arkhivnogo dela Chuvashskoj Respubliki v Gosudarstvennyj doklad o sostoyanii kul'tury v Rossijskoj Federacii v 2017 godu.
17. Realizaciya iniciativ Prezidenta Rossijskoj Federacii v Chuvashskoj Respublike. Kul'tura i turizm dlya kazhdogo. Cheboksary, 2018. 16 s.
18. Svodnyj plan turistsko-rekreacionnogo klastera «Etnicheskaya Chuvashiya» Chuvashskoj Respubliki. Cheboksary, 2013. 131 s.
19. Turistskij pasport Chuvashskoj Respubliki. URL: http://gov.cap.ru/SiteMap.aspx?gov_id=12&id=1758973 (data obrashcheniya: 12.09.2018).
20. Urzha O.A., Mikhoparov N.I. Teoreticheskij podkhod k ponyatiyu «fenomen turizma»: sb. trudov kafedry gosudarstvennogo, municipal'nogo upravleniya i social'noj inzhenerii. M., 2016. S. 158–165.
21. Cheboksary. Master-plan razvitiya turizma. Final'nyj otchet avstrijskoj kompanii «Kohl & Partner». URL: http://gov.cap.ru/SiteMap.aspx?gov_id=81&id=2128792 (data obrashcheniya: 16.09.2018).
22. Chuvashiya v cifrakh. 2018: krat. stat. sb. / Chuvashstat. Cheboksary, 2018. 210 s.
23. Urzha O.A., Mikhoparov N.I., Kryukova E.M., Shalashnikova V.Yu., Sulyagina Yu.O. Sociological analysis of domestic tourism in the Chuvash Republic: current status, existing problems and solutions // Journal of Environmental Management and Tourism. Vol. 8. 2017. No. 8 (24). P. 1504–1517.

Библиографическое описание статьи / Reference to article

Уржа О.А., Михопаров Н.И. Деятельность органов государственной власти Чувашской Республики по развитию сферы туризма: оценка и пути повышения эффективности // Социальная политика и социология. Т. 17. 2018. № 4 (129). С. 139–148. DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-4-139-148 (Библиографическое описание согласно российским стандартам).

Urzha O.A., Mikhoparov N.I. Deyatel'nost' organov gosudarstvennoj vlasti Chuvashskoj Respubliki po razvitiyu sfery turizma: ocenka i puti povysheniya effektivnosti // Social'naya politika i sociologiya. T. 17. 2018. № 4 (129). S. 139–148. DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-4-139-148 (Reference in Roman script).

Urzha, O.A. & Mikhoparov, N.I. (2018) Activities of the Public Authorities of the Chuvash Republic for the Development of Tourism: Evaluation and Ways to Improve Efficiency, *Social Policy and Sociology.* Vol. 17. No. 4 (129). P. 139–148. DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-4-139-148 (International bibliographic description).

Ван Хайянь,
аспирантка, Российский государственный социальный университет, Москва;
старший преподаватель факультета русского языка, Северо-Западный
педагогический университет, Китай, Ланьчжоу.
Wang Haiyan,
postgraduate student, Russian State Social University, Moscow; senior lecturer
of the Russian language faculty, Northwest Normal University, China, Lanzhou.
E-mail: 380862378@qq.com

УДК 1; [61:1](510)
DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-4-149-156

Современная медицина и традиционная медицина в КНР: социально-философский анализ интеграции

Modern Medicine and Traditional Medicine in China: Socio-Philosophical Analysis of Integration

Дата поступления	*Дата препринта*	*Дата публикации*
05.09.2018	20.11.2018	19.12.2018

Аннотация: *в КНР большую роль играет традиция, в том числе традиция в медицине. Традиционная медицина является важной частью культуры, имеет политическую поддержку на высоком уровне, а также показывает высокую эффективность в лечебной практике. Возникает актуальный вопрос о способах интеграции традиционной медицины и современной медицины в системе здравоохранения КНР. Этот вопрос имеет дискуссионный характер и активно обсуждается среди теоретиков медицины. Автор обращает внимание на потенциал исследований мировоззренческих контекстов, в которых формировались разные виды медицины, для продуктивного развития научной дискуссии.*

Annotation: *in China, tradition plays an important role, including tradition in medicine. Traditional medicine is an important part of the culture, has political support at a high level, and also shows high efficiency in medical practice. There is an urgent question about the ways of integration of traditional medicine and modern medicine in the health care system of China. This issue is debatable and is actively discussed among medical theorists. The author draws attention to the potential of research of ideological contexts in which different types of medicine were formed for the productive development of scientific discussion.*

Ключевые слова: *мировоззрение, научная картина мира, интеграция медицинских теорий, традиционная китайская медицина, медицина Нового времени, натурфилософия.*

Key words: *worldview, scientific picture of the world, integration of medical theories, traditional Chinese medicine, modern medicine, natural philosophy.*

Введение. Повышение качества жизни человека напрямую связано с повышением качества его медицинского обслуживания. Эффективность же медицинской услуги может иметь

много составляющих, в частности она может иметь национальный компонент. Речь идет о тех средствах и методах лечения человека, которые аккумулированы в исторической памяти народа. Отсюда – закономерное внимание институтов здравоохранения к позитивному опыту лечения, накопленному разными народами мира. Особый интерес вызывает опыт народов, развитых в культурном отношении. У таких народов процессы лечения достигают настолько высокого уровня теоретического осмысления и систематизации, что в данном случае следует говорить уже о таком явлении, как народная медицина, то есть о специфической деятельности в области здоровья, объединяющей науку и практику. Феноменов народной медицины в мире немного, и один из них – традиционная китайская медицина.

Методика. К методам исследования можно отнести сравнительно-исторический анализ в рамках мировоззрений, информационная статистика, обобщение, обзор публикаций по тематике данного исследования.

Результаты. В научных сообществах КНР существует серьезное расхождение в понимании возможностей интеграции китайской медицины и современной медицины. Для продуктивного решения этого вопроса необходим компаративный анализ древнего и современного мировоззрений, в рамках которых формировались указанные виды медицины. В Европе в процессе перехода к мировоззрению Нового времени современная медицина сменила традиционную естественным путем. В Китае по причинам цивилизационного характера такой смены не произошло. В силу данного обстоятельства в КНР стоит вопрос о границах теоретического взаимодействия традиционной медицины и современной медицины при условии их эффективной взаимодополняемости на практике.

В КНР на современном этапе взаимодействие современной и традиционной медицины на уровне практики становится проблематичным на теоретическом уровне.

Обсуждение. Позитивный опыт китайской медицины – акупунктура, прижигание, банки, траволечение и т.д. – подтвержден обширной клинической практикой. Как следствие, это создает рост прагматичного интереса, в том числе за пределами КНР. Вот показательные данные статистики. Согласно «Ежегоднику статистики по гигиене и здоровью КНР» (2018 г.), на сегодняшний день насчитывается около 55 тысяч (54 243) лечебно-санитарных учреждений традиционной китайской медицины разного профиля, в том числе 4566 больниц (по сравнению с предыдущим годом рост больниц составляет 8%). Общее количество медицинских работников (врачей, медсестер и других категорий) составляет около 667 тысяч человек [6]. По данным Министерства образования Китая (2016 г.), количество вузов и училищ китайской медицины достигло 42, в том числе 25 университетов и институтов китайской медицины. В 238 вузах установлены кафедры китайской медицины. Имеется 46 диссертационных советов магистратуры и 17 диссертационных советов аспирантуры. Общее количество обучающихся по профилю китайской медицины превысило 752 тысяч человек [14]. На самом объемном сайте научных трудов Китая (China National Knowledge Infrastructure) насчитывается 996 научных журналов по китайской медицине.

Особое место занимает фармацевтика. Сейчас насчитывается около 60 тысяч регистрационных номеров лекарств китайской медицины. Валовая продукция промышленности этих традиционной фармацевтики достигла 786,6 млрд (около 28% от общей валовой продукции промышленности медицины и лекарственных средств) [2].

Активное применение традиционной китайской медицины за границами Китая раскрывают следующие данные статистики. Ареал традиционной китайской медицины охватывает 183 страны [1]. По статистике Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), в данный момент 29 его государств-членов разрешили применение иглоукалывания, 18 государств-членов включили иглоукалывание в систему медицинского страхования. В более 30 странах и регионах были созданы сотни учебных заведений китайской медицины, чтобы подготовить местных специалистов. Китай с 86 странами и регионами заключил соглашения по сотрудничеству в сфере китайской медицины. В США, России, Австрии, Франции, Чехии, Швейцарии, Испании и других

17 странах были созданы зарубежные центры или показательные базы китайской медицины. В Германии находится одна поликлиника китайской медицины (или иглоукалывания) на каждые 15 тысяч человек. В США насчитывается около 8000 амбулаторий иглоукалывания, в Голландии – 1600 амбулаторий китайской медицины, во Франции – 2800 амбулаторий иглоукалывания, в Австралии – более 3000 амбулаторий китайской медицины и почти 3000 амбулаторий иглоукалывания. В последние годы во Франции и Германии созданы 3 больницы китайской медицины, которые были признаны Европейским Союзом [1]. Нужно отметить, что ВОЗ приняла 11 редакцию Международной классификации болезней 2019 г. (ICD) [19], в которую в первый раз входит информация о традиционном лекарственном лекарстве.

Что касается традиционной фармацевтики, то в 2017 г. объем ее экспорта достиг около 3,6 млрд долл. США [16]. Лекарства китайской медицины запатентованы в России, на Кубе, во Вьетнаме, в Сингапуре, в Саудовской Аравии.

Данные статистики, безусловно, показывают, что внимание к традиционной китайской медицине не имеет случайного характера. Китайская медицина выступает в качестве успешного дополнения к современным медицинским практикам, а в ряде случаев даже в качестве их эффективной альтернативы.

В связи с этим возникает важная проблема теоретического обоснования оптимальной формы взаимодействия современной и традиционной медицины в КНР.

Эта проблема имеет длительную историю. Современная медицина проникла в Китай в XVII веке (при династии Цинь) в процессе ознакомления этой азиатской цивилизации с европейской культурой. Высокая результативность нового вида медицины объективно вела к понижению авторитета медицины традиционной, несмотря на ее несомненные достижения. Последняя теряла статус научности и постепенно, по мере распространения европейского влияния в китайском обществе, уходила на периферию системы здравоохранения.

Однако, как уже было отмечено, эффективность традиционной китайской медицины не позволила ей стать достоянием прошлого. И в императорском Китае, и позже в КНР постоянно ставились вопросы о том или ином виде интеграции медицины европейской по своим национальным истокам (но впоследствии приобретшей мировой и современный характер) и медицины традиционной. Цель такого рода интеграции заключалась в повышения качества лечения населения Китая.

Что касается современных китайских ученых, то в настоящее время в медицинском научном сообществе существует ряд точек зрения на проблему интеграции современной медицины и традиционной медицины в КНР.

Среди них заслуживают внимания следующие.

1. **Интеграция китайской и современной медицины невозможна**. Она не имеет ни актуального значения, ни определенного содержания для исследования. Так называемая интеграция китайской и современной медицины лишь является политическим лозунгом (Чжао Дэтянь) [24, с. 39–42], медицинской утопией [28, с. 6–7].

2. **Китайскую и современную медицину можно сочетать в смысле взаимного дополнения в лечебной практике (сочетание в широком смысле)**. Сторонники такой точки зрения считают, что для большой части вопросов, которые не решаются современной медициной, нужно искать ответы в сфере китайской медицины Ли Кэ [9], Чжу Ваньхуа [8], Ли Цзи [11, с. 39–42], Ли Чжичжон [12, с. 10–15]. В 2016 году начальник группы исследования по страноведению китайской медицины Чэнь Цзигуан от имени членов группы (Чжан Сяоминь, Чжан Нань, Син Тяньдун, Гэ Лян) предложил удалить словосочетание «интеграция китайской и современной медицины» из «Закона китайской медицины и китайского лекарственного средства» и поощрять их сочетание в широком смысле [18].

3. **Интеграция китайской и современной медицины является возможной**. В рамках этого мнения рассматривается интеграция китайской и современной медицины с трех точек зрения.

3.1. Утверждение полной возможности интеграции с профессиональной точки зрения (Чжан Чжихуа [25, с. 211–214] и Лю Фан [14, с. 81–84] и др.).

3.2. Утверждение конкретных форм и методов интеграции (Ван Жуйлинь [4, с. 1–3], Чжан Цунмин [26, с. 127–132], Чжу Шинэ [27, с. 349–352], Ю Шаоюань [20, с. 54], Чэнь Чжицзян [21, с. 37], Ван Вэйцзянь[3, с. 47] и т.д.).

3.3. Возможность интеграции, начиная с философской сферы, разработка онтологии языка медицины, поиска основы для соизмеримости теорий (Хуан Цзяньхуа [22, с. 8–12; 23, с. 4–7], Ван Чжунюэ [5, с. 47]).

Решение проблемы. Разнообразие и в отдельных случаях конфликт точек зрения научного сообщества на проблему теоретического взаимодействия современной медицины и традиционной медицины в Китае указывают на сложность этой проблемы. В то же время в ходе идущих дискуссий намечаются перспективные пути ее решения. Имеет глубокий смысл предложение учитывать роль мировоззрения, в рамках которого появляется тот или иной вид медицины. Действительно, медицина, как и любая другая конкретная наука, исходит из определенной научной картины мира. Последняя же становится понятной в широком мировоззренческом контексте.

Без сомнения, рассматриваемые нами виды медицины развиваются в рамках разных мировоззрений. Современная медицина развивается в рамках мировоззрения Нового времени, особенно четко проявившего свою сущность к XIX веку. Оно материалистическое и атеистическое в том смысле, что потусторонний мир (мир духов, богов и т.д.) не является здесь предметом науки. Это мировоззрение выражается марксизмом, позитивизмом, другими современными философскими учениями. Что касается традиционной медицины, то она развивается в рамках древнего мировоззрения. Это пантеистическое мировоззрение, согласно которому потусторонний мир имеет с нашим миром множество связей, природные стихии здесь обожествлены. Такое мировоззрение описывается религиозными и натурфилософскими учениями, причем в последних больше наивного идеализма, чем материализма. Это пантеистическое мировоззрение характерно не только для Китая. С похожими взглядами на мир выступают развитые древние культуры, включая европейские. Конечно, это оказывает влияние и на понимание лечения. Так, в практических трудах по медицине Гиппократа, Галена и других врачей античных государств Греции и Рима можно обнаружить и натурфилософию, и естественную магию. Не случайно Гиппократ отмечал, что «врачи, как и философы, с почтением относятся к богам» [7].

Причина такой похожести взглядов в разных древних культурах заключается в их едином происхождении из архаичного мифа, который очеловечивает мир, наделяет явления природы человеческими качествами.

Выход западной науки в целом, и западной медицины в частности за рамки древнего мировоззрения стало уникальным историческим событием. Принято искать причину этого выхода с распространением христианства. Классические труды по истории науки (Т. Кун «Структура научных революций, П.П. Гайденко «Понятие науки» и другие) показывают, как христианский монотеизм выступил против традиционных верований, разрывая магические связи человека. Первой жертвой монотеизма в начале европейского Средневековья стала естественная магия, которая объединяла человека с потусторонним миром телесно. В конце Средних веков оказалась под запретом рациональная магия, которая объединяла эти миры интеллектуально. Маркерами этого запрета стали спор схоластов XIII–XV вв. «о статусе понятий» и победа в этом споре абсолютно новой для религиозной мысли Европы позиции номиналистов. Номиналисты доказали, что если Бог – это личность, то уникальность этой личности исключает возможность ее рационального познания. Запрет на знание Бога имел религиозный характер, но в то время религия влияла на всё, в том числе и на науку. В результате этого запрета потусторонний мир перестал быть предметом европейской науки. Отказ от такого знания привел к тому, что потусторонний (т.е. якобы подлинный) смысл природных явлений оказался для ученого принципи-

ально непознаваемым. Ученому в этом случае остались доступны только чувственные данные природных явлений и их интерпретация в его теории.

Окончательно такие взгляды утвердились в Европе в начале Нового времени. Они способствовали развитию эмпирической, экспериментальной науки. Ее характерными чертами стали разрыв с религией, борьба с авторитетами, опора на данные органов чувств, поиск естественных (а не потусторонних) основ природных явлений, установление в природе строгих причинно-следственных связей и т.д. Этот вид европейской науки в целом, и медицины как ее части, получил название «современная».

Взаимодействие традиционной медицины и современной медицины в Европе, которое началось в начале Нового времени, – это задача отдельного исследования. Однако, вне сомнения, история этого взаимоотношения имеет большое значение для понимания универсальных (общих для всех стран) и уникальных, национальных черт во взаимодействии традиционной медицины и современной медицины в Китае. В силу этого обстоятельства наметим ключевые моменты истории европейской медицины.

Полемика новой европейской медицины со старой натурфилософской школой проявилась в самом начале Нового времени (XVII в.). Было обращено внимание на необходимость поиска не духовных, а естественных причин болезней (Ф. Бэкон), сформулирован механистический принцип в медицине, давший естественную интерпретацию причин физиологических явлений (Р. Декарт) [13, с. 3]. Развитие этого принципа в XIII и XIX вв. сделало его господствующим (см., например, анализ философии медицины этого времени в работе М. Фуко «Рождение клиники»). Богатый практический опыт, накопленный традиционной европейской медициной за тысячелетия ее существования, был принят, но при этом он был интерпретирован в рамках новой научной картины мира. Что касается натурфилософского теоретического наследия, то оно было дискредитировано как не имеющее отношение к настоящей науке. Большую роль в этой дискредитации сыграли не только теоретики медицины, но и государственные деятели, государственные институты, впоследствии – государственная система здравоохранения европейских стран. В результате сохраняющиеся до настоящего времени традиционные теоретико-практические комплексы лечения (например, гомеопатия, натуропатия, остеопатия и другие) признаны паранаучными и сосредоточены в частном секторе.

Отличие истории медицины в Европе и в Китае можно зафиксировать следующим образом. В Европе несмотря на то, что традиционная и современная формы медицины стояли на разных мировоззренческих платформах, процесс их смены был естественен, имел преемственность, в том числе на уровне базы практик. Зачастую новые теории заимствовали старый понятийный аппарат, однако они наполняли его новым содержанием, соответствующим научным картинам мира Нового времени. Вытеснение традиционной медицины имело системный характер, поддерживалось государством. В Китае новая медицина была привнесена извне, явилась продуктом иной культуры, поэтому мировоззренческий конфликт традиционной и современной форм медицины дополнялся цивилизационным конфликтом. Традиционная медицина в Китае тесно связана с его богатой культурой; ее медицинский словарь интегрирован с языком китайского народа и продолжает органично формироваться, обогащая свое содержание. Традиционная медицина в Китае имела и имеет широкую поддержку на государственном уровне, что позволяет ей продолжать эффективно развиваться. Данные обстоятельства необходимо учитывать при компаративном анализе явлений предложенной предметной области.

Заключение. Обзор проблемы теоретического обоснования оптимальной формы взаимодействия современной медицины и традиционной медицины в Китае показывает ее многосторонний характер. Проблемными кластерами являются развитие понятийного аппарата и методологии теории медицины, способы интерпретации баз данных и успешных практик и другое. Однако проведенное исследование показывает, что важной предпосылкой общего решения указанной проблемы является понимание роли мировоззренческого фактора, осо-

бенно с учетом того обстоятельства, что поиск путей интеграции традиционной медицины и современной медицины стал в КНР важной политической задачей.

Список литературы

1. Американцы любят китайскую медицину // Новости. 2017. 3 апр. URL: https://baijiahao.baidu.com/s?id=1563639091511287&wfr=spider&for=pc (дата обращения: 14.11.2018).
2. Белая книга «Китайская медицина и лекарственные средства» вышла в свет // Новости. 2016. 7 дек. URL: http://china.huanqiu.com/hot/2016-12/9784217.html (дата обращения: 14.11.2018).
3. Ван Вэйцзянь. Клиника интеграции китайской и современной медицины. Шанхай: Изд-во Фуданьского ун-та, 2006. 47 с.
4. Ван Жуйлинь. Исследование модели мыслей сочетания клинического образования интеграции китайской и современной медицины с медицинскими знаниями в передних отраслях с точки зрения точного лечения // Современное дистанционное образование Китая. Т. 14. 2016. № 7. С. 1–3.
5. Ван Чжунюэ. Философские думы об интеграции китайской и современной медицины: дис. … магистра гуманитарных наук. Нанькин: Нанькинский аграрный ун-т, 2001.
6. Гигиена и здоровье Китая в 2018 г: стат. ежегодник / под ред. Ма Сяовэй. Пекин: Изд-во Китайский мед. ун-т «Сэхэ». С. 203–215.
7. Гиппократ: Любое излишество противно природе. URL: https://econet.ru/articles/139410-gippokrat-lyuboe-izlishestvo-protivno-prirode (дата обращения: 29.11.2018).
8. Китайская и современная медицина принадлежат к разным категориям // Новости. 2016. 18 нояб. URL: http://www.chinanews.com/jk/2016/11-18/8067463.shtml (дата обращения: 14.11.2018).
9. Китайскую и современную медицину можно сочетать, но никак нельзя интегрировать // Новости. 2018. 5 авг. URL: http://www.sohu.com/a/245406787_71648914.11.2018 (дата обращения: 29.11.2018).
10. Кузьменко Г.Н. Межкультурный диалог как атрибут многополярного мира // Социальная политика и социология. Т. 15. 2016. № 1 (114). С. 120–127.
11. Ли Цзи. Разные парадигмы определили, что китайскую и современную медицину нельзя интегрировать, а только комбинировать // Медицинское обсуждение. 2015. № 5. С. 39–42.
12. Ли Чжичжон. Прощание с интеграции китайской и современной медицины позволяет переход к их сочетанию // Наука программного обеспечения Китая. Т. 16. 2005. № 5. С. 10–15.
13. Лоис Н. Мангер. История медицины / пер. с англ. Лю Сюэли. Шанхай: Шанхайское изд-во народа, 2018. 3 с.
14. Лю Фан. Применение техники SOD сочетания китайской и европейской медицины в ICU // Инновация китайской медицины. Т. 15. 2018. № 33. С. 81–84.
15. Министерство образования: В Китае в 238 вузах учреждена специальность «Китайская медицина и китайское лекарственное средство» // Новости. 2016. 26 окт. URL: http://kaoyan.eol.cn/nnews/201610/t20161026_1462198.shtml (дата обращения: 14.11.2018).
16. Опередив Японию, США стали самым большим рынком экспорта китайского лекарственного средства из Китая // Новости. 2017. 5 дек. URL: http://www.baidu.com/link?url=617lL8oPRyWXqonkBHInAkkZtNkmW46md45965etRn2arIZwRlYYahwjiaex_ul&wd=&eqid=d090eafa0000a8fb000000065bed8093 (дата обращения: 14.11.2018).
17. Осипова Е.А. Культура диалога культур как универсальная ценность и макроэтика межкультурной коммуникации // Социальная политика и социология. Т. 15. 2016. № 1 (114). С. 153–160.
18. Поощрение сочетания китайской и современной медицины, а не их интеграции // Новости. 2016. 22 янв. URL: http://finance.sina.com.cn/roll/2016-01-22/doc-ifxnvhvu6971244.shtml (дата обращения: 14.11.2018).
19. Природа (Nature): ICD-11 ВОЗа впервые включил в себя китайскую медицину. Мир открыт для китайской медицины // Новости. 2018. 29 сент. URL: https://www.sohu.com/a/257006793_252168 (дата обращения: 14.11.2018).
20. Терапия интеграции китайской и современной медицины: учебник / под ред. Ю. Шаоюань. Пекин: Наука, 2008. 54 с.
21. Хирургия интеграции китайской и современной медицины / под ред. Чэнь Чжицзян. Пекин: Наука, 2008. 37 с.

22. Хуан Цзяньхуа. Философский анализ логической и актуальной возможности интеграции китайской и современной медицины (часть 1) // Шанхайская китайская медицина. Т. 49. 2005. № 7. С. 4–7.
23. Хуан Цзяньхуа. Философский анализ логической и актуальной возможности интеграции китайской и современной медицины (часть 2) // Шанхайская китайская медицина. Т. 49. 2005. № 8. С. 8–12.
24. Чан Суньку. Думы о вопросах китайской медицины и интеграции китайской и современной медицины // Медицина и философия. Т. 49. 2016. № 1. С. 39–42.
25. Чжан Чжихуа. Лечение внематочной беременности китайской и современной медицины // Вестник Ляонинского университета китайской медицины. Т. 20. 2018. № 10. С. 211–214.
26. Чжан Цунмин. Думы о методах интеграции китайской и современной медицины // Вестник Нанькинского университета китайской медицины и лекарственного средства. Т. 32. 2003. № 4. С. 127–132.
27. Чжу Шинэ. Открыть новый период интеграции китайской и современной медицины // Вестник Шаньдунского университета китайской медицины и лекарственного средства. Т. 43. 2006. № 4. С. 349–352.
28. Янь Чунь. Обсуждение об интеграции китайской и современной медицины // Информация о китайской медицине и китайском лекарственном средстве. Т. 15. 2008. № 2. С. 6–7.

References

1. Amerikancy lyubyat kitajskuyu medicinu // Novosti. 2017. 3 apr. URL: https://baijiahao.baidu.com/s?id=1563639091511287&wfr=spider&for=pc (data obrashcheniya: 14.11.2018).
2. Belaya kniga «Kitajskaya medicina i lekarstvennye sredstva» vyshla v svet // Novosti. 2016. 7 dek. URL: http://china.huanqiu.com/hot/2016-12/9784217.html (data obrashcheniya: 14.11.2018).
3. Van Vejczyan'. Klinika integracii kitajskoj i sovremennoj mediciny. SHankhaj: Izd-vo Fudan'skogo un-ta, 2006. 47 s.
4. Van Zhujlin'. Issledovanie modeli myslej sochetaniya klinicheskogo obrazovaniya integracii kitajskoj i sovremennoj mediciny s medicinskimi znaniyami v perednikh otraslyakh s tochki zreniya tochnogo lecheniya // Sovremennoe distancionnoe obrazovanie Kitaya. T. 14. 2016. № 7. S. 1–3.
5. Van Chzhunyue. Filosofskie dumy ob integracii kitajskoj i sovremennoj mediciny: dis. … magistra gumanitarnykh nauk. Nan'kin: Nan'kinskij agrarnyj un-t, 2001.
6. Gigiena i zdorov'e Kitaya v 2018 g: stat. ezhegodnik / pod red. Ma Syaovej. Pekin: Izd-vo Kitajskij med. un-t «Sekhe». C. 203–215.
7. Gippokrat: Lyuboe izlishestvo protivno prirode. URL: https://econet.ru/articles/139410-gippokrat-lyuboe-izlishestvo-protivno-prirode (data obrashcheniya: 29.11.2018).
8. Kitajskaya i sovremennaya medicina prinadlezhat k raznym kategoriyam // Novosti. 2016. 18 noyab. URL: http://www.chinanews.com/jk/2016/11-18/8067463.shtml (data obrashcheniya: 14.11.2018).
9. Kitajskuyu i sovremennuyu medicinu mozhno sochetat', no nikak nel'zya integrirovat' // Novosti. 2018. 5 avg. URL: http://www.sohu.com/a/245406787_71648914.11.2018 (data obrashcheniya: 29.11.2018).
10. Kuz'menko G.N. Mezhkul'turnyj dialog kak atribut mnogopolyarnogo mira // Social'naya politika i sociologiya. T. 15. 2016. № 1 (114). S. 120–127.
11. Li Czi. Raznye paradigmy opredelili, chto kitajskuyu i sovremennuyu medicinu nel'zya integrirovat', a tol'ko kombinirovat' // Medicinskoe obsuzhdenie. 2015. № 5. S. 39–42.
12. Li Chzhichzhon. Proshchanie s integracii kitajskoj i sovremennoj mediciny pozvolyaet perekhod k ikh sochetaniyu // Nauka programmnogo obespecheniya Kitaya. T. 16. 2005. № 5. S. 10–15.
13. Lois N. Manger. Istoriya mediciny / per. s angl. Lyu Syueli. SHankhaj: SHankhajskoe izd-vo naroda, 2018. 3 s.
14. Lyu Fan. Primenenie tekhniki SOD sochetaniya kitajskoj i evropejskoj mediciny v ICU // Innovaciya kitajskoj mediciny. T. 15. 2018. № 33. S. 81–84.
15. Ministerstvo obrazovaniya: V Kitae v 238 vuzakh uchrezhdena special'nost' «Kitajskaya medicina i kitajskoe lekarstvennoe sredstvo» // Novosti. 2016. 26 okt. URL: http://kaoyan.eol.cn/nnews/201610/t20161026_1462198.shtml (data obrashcheniya: 14.11.2018).

16. Operediv Yaponiyu, SShA stali samym bol'shim rynkom eksporta kitajskogo lekarstvennogo sredstva iz Kitaya // Novosti. 2017. 5 dek. URL: http://www.baidu.com/link?url=617lL8oPRyWXqonkBHInAkkZtNkmW46md45965etRn2arIZwRlYYahwjiaex_ul&wd=&eqid=d090eafa0000a8fb000000065bed8093 (data obrashcheniya: 14.11.2018).
17. Osipova E.A. Kul'tura dialoga kul'tur kak universal'naya cennost' i makroetika mezhkul'turnoj kommunikacii // Social'naya politika i sociologiya. T. 15. 2016. № 1 (114). S. 153–160.
18. Pooshchrenie sochetaniya kitajskoj i sovremennoj mediciny, a ne ikh integracii // Novosti. 2016. 22 yan. URL: http://finance.sina.com.cn/roll/2016-01-22/doc-ifxnvhvu6971244.shtml (data obrashcheniya: 14.11.2018).
19. Priroda (Nature): ICD-11 VOZa vpervye vklyuchil v sebya kitajskuyu medicinu. Mir otkryt dlya kitajskoj mediciny // Novosti. 2018. 29 sent. URL: https://www.sohu.com/a/257006793_252168 (data obrashcheniya: 14.11.2018).
20. Terapiya integracii kitajskoj i sovremennoj mediciny: uchebnik / pod red. Yu. Shaoyuan'. Pekin: Nauka, 2008. 54 s.
21. Khirurgiya integracii kitajskoj i sovremennoj mediciny / pod red. Chen' Chzhiczyan. Pekin: Nauka, 2008. 37 s.
22. Khuan Czyan'khua. Filosofskij analiz logicheskoj i aktual'noj vozmozhnosti integracii kitajskoj i sovremennoj mediciny (chast' 1) // Shankhajskaya kitajskaya medicina. T. 49. 2005. № 7. S. 4–7.
23. Khuan Czyan'khua. Filosofskij analiz logicheskoj i aktual'noj vozmozhnosti integracii kitajskoj i sovremennoj mediciny (chast' 2) // Shankhajskaya kitajskaya medicina. T. 49. 2005. № 8. S. 8–12.
24. Chan Sun'ku. Dumy o voprosakh kitajskoj mediciny i integracii kitajskoj i sovremennoj mediciny // Medicina i filosofiya. T. 49. 2016. № 1. S. 39–42.
25. Chzhan Chzhikhua. Lechenie vnematochnoj beremennosti kitajskoj i sovremennoj mediciny // Vestnik Lyaoninskogo universiteta kitajskoj mediciny. T. 20. 2018. № 10. S. 211–214.
26. Chzhan Cunmin. Dumy o metodakh integracii kitajskoj i sovremennoj mediciny // Vestnik Nan'kinskogo universiteta kitajskoj mediciny i lekarstvennogo sredstva. T. 32. 2003. № 4. S. 127–132.
27. Chzhu Shine. Otkryt' novyj period integracii kitajskoj i sovremennoj mediciny // Vestnik Shan'dunskogo universiteta kitajskoj mediciny i lekarstvennogo sredstva. T. 43. 2006. № 4. S. 349–352.
28. Yan' Chun'. Obsuzhdenie ob integracii kitajskoj i sovremennoj mediciny // Informaciya o kitajskoj medicine i kitajskom lekarstvennom sredstve. T. 15. 2008. № 2. S. 6–7.

Библиографическое описание статьи / Reference to article

Ван Хайянь. Современная медицина и традиционная медицина в КНР: социально-философский анализ интеграции // Социальная политика и социология. Т. 17. 2018. № 4 (129). С. 149–156. DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-4-149-156 (Библиографическое описание согласно российским стандартам).

Van Khajyan'. Sovremennaya medicina i tradicionnaya medicina v KNR: social'no-filosofskij analiz integracii // Social'naya politika i sociologiya. T. 17. 2018. № 4 (129). S. 149–156. DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-4-149-156 (Reference in Roman script).

Wang Haiyan (2018) Modern Medicine and Traditional Medicine in China: Socio-Philosophical Analysis of Integration, *Social Policy and Sociology*. Vol. 17. No. 4 (129). P. 149–156. DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-4-149-156 (International bibliographic description).

Л.Е. Кузнецова-Фетисова,
аспирантка, Российский государственный социальный университет, Москва.
L.E. Kuznetsova-Fetisova,
postgraduate student, Russian State Social University, Moscow.
E-mail: kfle@live.ru

УДК 1; 133
DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-4-157-164

Социально-философское исследование феномена эзотерики: классификационный подход

Socio-Philosophical Study of the Phenomenon of Esotericism: The Classification Approach

Дата поступления	*Дата препринта*	*Дата публикации*
13.09.2018	20.11.2018	19.12.2018

Аннотация: *в статье ставится вопрос о классификации, которая позволила бы объединить весь спектр эзотерических явлений в современной России на основании некоторого существенного признака. Впервые для подобной классификации предлагается мировоззренческое основание, позволяющее не только решить проблему генезиса эзотерического знания, но и понять логику изменения его содержания при смене мировоззренческих парадигм. В статье рассматривается также возможность теоретической интерпретации результатов эзотерических практик в рамках модерна и постмодерна.*

Annotation: *the article raises the question of classification, which would allow to unite the whole spectrum of esoteric phenomena in modern Russia on the basis of some essential feature. For the first time for such classification the worldview basis is proposed, which allows not only to solve the problem of the Genesis of esoteric knowledge, but also to understand the logic of changing its content when changing worldview paradigms. The possibility of theoretical interpretation of the results of esoteric practices in the framework of modern and postmodern is also considered.*

Ключевые слова: *эзотерика, эзотерический дискурс, мировоззрение, пантеистическая парадигма, монотеизм, традиция, модерн.*

Key words: *esoteric, esoteric discourse, worldview, pantheistic paradigm, monotheism, tradition, modern.*

Введение. Несмотря на стабильный рост научного интереса к феномену эзотерики исследователи всё еще далеки от общепринятого подхода к ее анализу. Во многом это связано с объективной сложностью и противоречивостью рассматриваемого явления: эзотерика, т.е. тайное мистическое знание, оказывающее влияние на повседневную жизнь человека, существует в разных культурах от древности до настоящего времени. Культуролог М. Элиаде в этой связи указывал на эзотерический смысл «многочисленных оккультных ритуалов, представлений и теорий, существовавших во многих цивилизациях, как европейских, так и неевропейских, на всех уровнях культуры – от народных обрядов, таких как магия и колдовство, до самых ученых и тщательно разработанных тайных приемов и эзотерических теорий: алхимии, йоги, тантризма, гностицизма, герметизма Ренессанса и тайных обществ и масонских лож эпохи Просвещения» [22]. В этих условиях актуальным становится вопрос о таком уровне классификации, который позволил бы объединить весь спектр многообразных эзотерических явлений, тем самым указав на их существенный признак. Последнее позволило бы дополнительно уточнить содержа-

ние понятия эзотерики, которое в современной научной литературе является дискуссионным [6; 16]. Кроме того, важным представляется анализ изменения теории эзотерических практик в контексте смены мировоззренческих парадигм.

Методика. Для реализации заявленных целей в ходе работы были применены ряд методов и подходов, теоретический анализ и обобщение научной литературы по проблематике мировоззренческих оснований эзотерического дискурса, системный и компаративный анализ различных классификаций и подходов к трактовке данных явлений. Междисциплинарный и интегральный характер исследования обусловлены спецификой академического изучения эзотерики как культурного феномена, обладающего многообразными формами проявления, обращения к различным областям гуманитарного знания: социальной философии, культурологии, антропологии и др.

Результаты. Среди множества видов классификации эзотерических явлений доминирует разделение по признакам принадлежности к той или иной эпохе (античность, Средние века и др.), региону, стране или культуре (европейская, российская, египетская и др.), религии (христианская, исламская и др.).

Возьмем в качестве примера астрологию, одну из наиболее древних и широко распространенных эзотерических традиций. В связи с высокой и стабильной популярностью астрологии в сети Интернет присутствует большое количество астрологических сайтов, печатается множество газет, журналов и книг по указанной тематике. При этом остро встает проблема классификации астрологических направлений, призванной сориентировать конечного потребителя в массиве информации.

Применяя разделение эзотерического дискурса на тексты собственно эзотерические (ядро и периферия) и параэзотерику [4; 8; 11], можно заметить, что информационно-развлекательные издания и сайты, относящиеся к так называемому параэзотерическому дискурсу, часто предлагают разделение астрологии по регионам и культурам, начиная от китайских и кельтских гороскопов и заканчивая зороастрийской и исламской астрологией. Часто подобные классификации не имеют под собой никакого иного основания, кроме привлечения внимания пользователей, и носят рекламно-развлекательный характер. Однако следует принимать во внимание, что именно параэзотерика, будучи наиболее доступной для среднестатистического члена социума, в наибольшей степени влияет на его представления об эзотерике и эзотерическом [8; 15].

В периферийно-ядерном дискурсе, т.е. в среде профессиональных астрологов, часто встречаются попытки разделить астрологические направления через обслуживаемую ими сферу жизни. Нередко эти направления обозначаются латинскими словами (мунданная астрология, хорар, синастрия, электив и т.п.), ничего не говорящими непосвященному посетителю и оставляющими у него ощущение прикосновения к тайному знанию через адепта. Так, отечественный астролог С. Вронский предлагает выделить следующие основные разделы астрологии: натальная, мунданная, медицинская, метеорологическая, хорарная и аграрная; через некоторое время этот список был дополнен кармической и эзотерической астрологией [2; 5]. Британский астролог А. Лео на том же основании приходит к выводу, что астрология «делится на семь ветвей – эзотерическую, натальную, медицинскую, хорарную, национальную, астрометеорологическую и духовную» [12].

Можно заметить, что ни одна из этих классификаций не может быть принята за основу в связи со своим ограниченным, локальным характером.

Р. Броль в своем кандидатском исследовании справедливо указывает на отсутствие единого основания у вышеприведенных классификаций и предлагает собственную классификацию, основанную на его определении астрологии как *системы теоретических и практических знаний, основанной на принципе корреляции земных процессов и состояний земных объектов астрономическими факторами*. Главными основаниями для классификации разных отраслей астрологии, по его мысли, становятся:

1) учитываемые астрономические факторы;

2) изучаемые земные процессы и объекты;

3) варианты прочтения корреляции (иначе, исторически сложившиеся астрологические традиции и школы) [3].

Вне сомнения, разные виды классификации играют важную роль в анализе тех или иных сторон такого сложного феномена, как эзотерический дискурс. Однако, по нашему мнению, для более глубокого уровня анализа, который становится предметом социально-философского исследования (и, соответственно, требует более глубокого основания для классификации), требуется выход на мировоззренческий уровень [10].

Необходимость установления исходной мировоззренческой парадигмы, в рамках которой появляется феномен эзотерики, приводит нас к самой первой форме культуры – к мифу. Данные археологии, антропологии, этнографии, фольклористики и других наук, изучающих, в том числе, мировоззрение человека, указывают на существование тайного магического знания уже на первых этапах развития архаичного общества. Такое знание известно посвященным руководителям общины, открывается ее молодым членам в ходе обрядов инициации и надежно скрыто от членов чужих общин. В дальнейшем такая эзотерическая матрица воспроизводится в классических древних обществах: есть носители тайного знания (жрецы, мудрецы и др.), есть их адепты, получающие доступ к этому знанию после соответствующих обрядов, и есть остальные люди – так называемые непосвященные, или профаны.

Архаичные корни феномена эзотерики позволяют связать ее с первой по времени возникновения мировоззренческой парадигмой древности, которая развилась из мифа и получила название «пантеистическая». Пантеизм стал философской интерпретацией антропоморфизма мифа, отчуждающего человеческие качества в пользу природы. Характерной чертой данной парадигмы является представление о том, что кроме материального мира объективно существует еще и потусторонний мир, имеющий духовный характер, и эти миры тесно связаны между собой. Такая связь существует благодаря наличию в материальном теле каждого земного существа – растения, животного, человека, небесного тела и т.д. – особого компонента, а именно души. С гносеологической точки зрения такая связь и позволяет человеку обладать истинным знанием природных явлений и вещей, так как подразумевается, что их смысл, как и его душа, коренится в ином мире. Проблема познания заключается в том, что такое божественное знание может быть искажено и замутнено самим фактом рождения в нашем мире (который несовершенен в силу своей материальности). Но такая проблема имеет решение. Знание становится доступно человеку после особых очищающих, как правило, репрессивных по отношению к телу практик. До этих очистительных обрядов человек не может быть допущен к истинному знанию, после – может стать его носителем, достигая тем самым высокого онтологического статуса.

Насколько органична эзотерика пантеизму показывают характеристики, которые у нее обнаруживают исследователи. Речь идет: о представлении об ином мире как, в том числе, о банке духовных сущностей вещей («мире идей»); о возможности связи с этим миром при условии выполнения аскетических процедур; о предположении катарсиса посвящаемого в истинные знания человека. Так, к примеру, известный исследователь эзотеризма А. Фэвр кроме прочих выделяет следующие черты эзотеризма: вера в живую, одушевленную природу; субъект эзотерических практик переживает опыт кардинального перерождения; передача знания происходит с помощью инициации [23].

Примерами отечественного подхода могут стать следующие. Российский исследователь О.С. Покровская предлагает в качестве ключевых концептов и категорий эзотерической картины мира следующие:

- противопоставление реальностей физического и «тонкого» миров;

- вера в особые космические законы высшего разума;
- трансформация личности путем эзотерических психофизических техник;
- воплощение в качестве нового, «просветленного», божественного существа [19].

Современный российский исследователь эзотеризма С.В. Пахомов определяет эзотеризм как «комплекс специфических интерпретаций реальности, претендующих на тайный характер и подтверждающихся особыми психодуховными практиками» [18]. Еще в одном источнике читаем: «Проведенный нами лексикографический анализ понятия "эзотерический" в английском, немецком, французском и испанском языках показал, что "эзотерический" означает "относящийся к сфере мистических и ритуальных знаний, присутствующих в современной культуре, направленных на совершенствование человека, развитие его сверхспособностей"» [21].

Казалось бы, в рамках монотеистической парадигмы, которая начала утверждаться на территории бывшей Римской империи с начала Средних веков, феномен эзотерики проблематичен. Однако, как справедливо указывают исследователи (из отечественных – А.Ф. Лосев, В.В. Соколов, А.Н. Чанышев, Г.Г. Майоров и др.) раннее Средневековье находилось под сильным идейным влиянием античности. Это обстоятельство доказывалось, в частности, синтезами патристики (такими, например, как августианский платонизм), мистическими направлениями в иудаизме, христианстве, исламе (к примеру, суфизм). Конечно, были и сугубо монотеистические новации, связанные с пониманием первоначала: так, на рубеже эпох оказалась дискредитирована натуралистическая магия. Тем не менее, как и в древности, оставалась магия рационалистическая. Санкционируемый христианской церковью герменевтический подход к пониманию природных явлений по-прежнему оставлял возможность допуска к их сверхъестественному смыслу. Это означало сохранение высокого статуса эзотерического знания, хотя структура его получения видоизменялась – полномочия по презентации истин в конечном итоге делегировались не избранным посвященным, но Богу и его посредникам. Таким образом, можно говорить о мощной эзотерической традиции, которая в историческое время определяла идейное содержание Древнего мира и Средних веков [7].

Судьбоносным для дальнейшего развития мировой эзотерики стал конец западноевропейского Средневековья. Здесь в рамках схоластических дискуссий был осуществлен переворот во взглядах на доступность человека к потустороннему знанию, что в итоге привело к серьезному кризису многотысячелетней традиции. Маркером такого рода дискуссий стал спор о понятиях (а на самом деле, о качествах божественной личности), инициированный реалистами и номиналистами в XII–XIV вв. Предложенный последними принцип под названием «новый путь», или «via moderna», привел к тому, что поставил под радикальное сомнение возможность истинного (потустороннего) знания земных явлений. Иной мир в конце Средних веков для ученых западной Европы стал превращаться в предмет не науки, но веры. Артикулированный номиналистами путь вел в эпоху модерна. Рождалась современная наука с атрибутами верификации и фальсификации теории. Целый пласт традиционной науки, имевший магические истоки (астрология, алхимия, традиционная медицина и др.) вступил в длительный период маргинализации [6; 16; 17].

Обсуждение. Следует отметить, что древняя (пантеистическая) и средневековая (монотеистическая) парадигмы продолжали и продолжают оказывать серьезное влияние на духовную жизнь человека, живущего в Новое время (или эпоху модерна). Большая часть эзотерического массива укладывается вплоть до наших дней в рамках указанных парадигм. Это обстоятельство следует учитывать, когда исследователь работает, например, с теософскими или суфийскими текстами. Однако возникает закономерный вопрос: возможна ли эзотерика в рамках парадигмы Нового времени, и если она возможна, то в какой форме? Иными словами, возникает важный вопрос о границах модернизации традиционного эзотерического знания.

Чтобы получить ответ, следует обратить внимание на то, что эзотерика как культурный феномен есть не столько теория, сколько практика, которая в своем многовековом развитии получает то или иное теоретическое обеспечение.

История показывает, что в архаичном обществе к эзотерическому знанию относилось любое знание, которое имел человек. Происходило это потому, что знание, связанное с охотой, собирательством, производством, бытом, семьей и другими областями жизни, считалось переданным предками из иного мира и по этой причине – священным. Знание, связанное с повседневной жизнедеятельностью архаичного человека, аккумулировалось в форме ритуалов и табуировалось. Оно было известно только полноценным членам племени, но для молодежи, не прошедшей обряды инициации, и тем более для членов чужих племен такое знание по магическим соображениям тщательно скрывалось, оставаясь неизвестным. Радикальное отличие сакрального от профанного в архаичном сознании прослеживается, к примеру, на материале народного творчества, который дошел до нашего времени. Священный смысл праздников, обрядов, сказок, других элементов фольклора скрыт для обычного человека и требует специальной расшифровки [9; 20].

Соответствующая теоретическая интерпретация, получающая ритуальную форму, формулировалась и в последующие эпохи, развиваясь параллельно эзотерической практике. Однако на поздних стадиях (классическая древность и Средние века) круг посвященных сузился жреческими, церковными, разного рода религиозно-философскими институтами и их неофитами. В греческой античности речь идет, к примеру, об орфиках, пифагорейцах, платониках; в средневековой Европе – о монашеских орденах. Кроме этого продолжает развиваться целая эзотерическая система, связанная с профессиональной деятельностью людей (охотники, воины, врачи, строители, земледельцы). В традиционном обществе, которое представляла из себя поздняя Римская империя или раннесредневековые государства, возникшие на ее субстрате, вполне естественным казалось при начале того или иного важного дела прибегнуть к помощи обладающего тайным знанием человека, который воспринимался специалистом по связям с иным миром. Такое обращение позволяло обеспечить начинанию максимально благоприятную судьбу либо отложить задуманное при наличии явно неблагоприятных предзнаменований.

Как уже было отмечено ранее, в эпоху модерна революционные изменения в мировоззрении маргинализировали данную сферу деятельности. Однако следует обратить внимание на то, что эзотерические практики дошли до настоящего времени и для определенных контингентов являются востребованными. Поэтому проблема эзотерической теории осталась. Конечно, результаты подобных практик могут интерпретироваться современными эзотериками в рамках древней и средневековой парадигм. Но, на наш взгляд, особого внимания заслуживают попытки иного рода, а именно попытки теоретической интерпретации в специфической парадигме Нового времени. Речь идет о позитивистских, экзистенциалистических, феноменологических и иных вариантах теоретической интерпретации результатов эзотерических практик.

Заключение. Проведенное исследование позволяет подвести следующие предварительные итоги. Классификация эзотерических явлений в культуре на мировоззренческом основании продуктивна с точки зрения социальной философии. Она решает проблему генезиса эзотерического знания, так как показывает связь его содержания с мировоззренческим контекстом, в котором это знание формируется и развивается, а также позволяет понять логику изменения этого содержания при смене мировоззренческих парадигм. Благодаря такому пониманию классическое определение эзотерики как тайного знания, влияющего на повседневную жизнь человека, получает дополнительное измерение, уточняющее его смысл. Важным представляется и акцент на возможности теоретических интерпретаций результатов эзотерических практик в рамках модерна (и постмодерна). В силу традиции увязывать эзотерические явления с парадигмами прошлых эпох такой подход

позволяет вскрыть совершенно новый для социально-гуманитарного исследования пласт эзотерического в современной культуре.

Список литературы

1. Астрологический словарь / авт.-сост. С.Ю. Головин. Минск: Харвест, 1998.
2. Астрология. Век XX: сб. ст. / сост. Н.А. Додонова. М.: Имидж, 1991.
3. Броль Р.В. Астрология как историко-культурный феномен: дис. … канд. культурологии. М., 2001.
4. Ворожбитова А.А., Романенко Л.Л. Эзотерический дискурс-ансамбль в системе дискурсивных процессов гносеологически ориентированной коммуникации российского социокультурно-образовательного пространства // Известия Сочинского государственного университета. 2013. № 3 (26). С. 189–193. URL: http://vestnik.sutr.ru/journals_n/1384106287.pdf (дата обращения: 28.04.2018).
5. Вронский С.А. Астрология: суеверие или наука? М.: Наука, 1991.
6. Жданов В.В. Изучение эзотерики в западной Европе: институты, концепции, методики // Мистико-эзотерические движения в теории и практике. История. Психология. Философия / отв. ред. С.В. Пахомов. СПб.: РХГА, 2009. С. 5–27.
7. Йейтс Ф.А. Джордано Бруно и герметическая традиция / пер. Г. Дашевского. М.: Новое литер. обозрение, 2000. 528 с.
8. Кузнецова-Фетисова Л.Е. Структура эзотерического дискурса в современной России: ядро, периферия, параэзотерика // Практическая философия: от классики до информационного социума: матер. Всерос. конф. (Астрахань, АГУ, 27–28 сент. 2018 г.): сб. / под науч. ред. Л.В. Баевой и К.А. Маркелова. Астрахань: Издатель Сорокин Р.В., 2018. С. 417–420.
9. Кузьменко Г.Н. Василиса Премудрая. Сказочные проекции архаичного образования. М., 2014. 194 с.
10. Кузьменко Г.Н. Понятие мировоззренческой парадигмы в истории философии. // Ученые записки. 2005. № 3. С. 194–202.
11. Кузьминская С.И. Некоторые характеристики эзотерического дискурса // Universum: Филология и искусствоведение. 2014. № 7 (9). URL: http://7universum.com/ru/philology/archive/item/1455 (дата обращения: 25.07.2018).
12. Лео А. Полный астрологический словарь / пер. с англ. А. Колесникова. Киев: София; М.: КОНЕК, 1996.
13. Лосев А.Ф. Двенадцать тезисов об античной культуре // Студенческий меридиан. 1983. № 9–10. URL: http://psylib.org.ua/books/_losew02.htm.
14. Меликов И.М. Духовность как проблема социального управления // Социальная политика и социология. Т. 16. 2017. № 2 (121). С. 180–187.
15. Новоженова З.Л. Жанры эзотерического дискурса в масс-медийном пространстве. URL: https://medialing.ru/zhanry-ehzotericheskogo-diskursa-v-massmedijnom-prostranstve/ (дата обращения: 25.04.2018).
16. Носачев П.Г. Исследования западного эзотеризма в зарубежном религиоведении: дис. … д-ра филос. наук. М., 2018.
17. Панин С.А. Учение герметического ордена Золотой Зари как форма западного эзотеризма и религиозной философии: дис. … канд. филос. наук. М., 2014.
18. Пахомов С.В. К вопросу о демаркации понятия «Эзотеризм» // Мистико-эзотерические движения в теории и практике. История. Психология. Философия: матер. Первой Междунар. науч. конф. (Киев, 2007): сб. / под ред. С.В. Пахомова, Ю.Ю. Завгороднего, С.В. Капранова. СПб.: РХГА, 2008. С. 7–14.
19. Покровская О.С. Эзотерический дискурс и эзотерическая картина мира на современном этапе. URL: http://philol-journal.sfedu.ru/index.php/sfuphilol/article/view/809 (дата обращения: 23.04.2018).
20. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки / науч. ред., комм. И.В. Пешкова. М.: Лабиринт, 2002. 336 с.
21. Тупикова С.Е., Ермакова Ю.В. Универсальные тональности эзотерического дискурса // Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации: матер. докл. III Междунар. онлайн-конф. (16–18 февраля 2011 г.). Саратов: Наука, 2011.
22. Элиаде М. Оккультизм, колдовство и моды в культуре / пер. с англ. Е.В. Сорокиной; под ред. Л.Б. Комисаровой, М.А. Добровольского. Киев: София; М.: Гелиос, 2002.
23. Faivre A. Access to Western Esotericism. Albany: SUNY Press, 1994. P. 10–15.

References

1. Astrologicheskij slovar' / avt.-sost. S.Yu. Golovin. Minsk: Kharvest, 1998.
2. Astrologiya. Vek XX: sb. st. / sost. N.A. Dodonova. M.: Imidzh, 1991.
3. Brol' R.V. Astrologiya kak istoriko-kul'turnyj fenomen: dis. … kand. kul'turologii. M., 2001.
4. Vorozhbitova A.A., Romanenko L.L. Ezotericheskij diskurs-ansambl' v sisteme diskursivnykh processov gnoseologicheski orientirovannoj kommunikacii rossijskogo socikul'turno-obrazovatel'nogo prostranstva // Izvestiya Sochinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2013. № 3 (26). S. 189–193. URL: http://vestnik.sutr.ru/journals_n/1384106287.pdf (data obrashcheniya: 28.04.2018).
5. Vronskij S.A. Astrologiya: sueverie ili nauka? M.: Nauka, 1991.
6. Zhdanov V.V. Izuchenie ezoteriki v zapadnoj Evrope: instituty, koncepcii, metodiki // Mistiko-ezotericheskie dvizheniya v teorii i praktike. Istoriya. Psikhologiya. Filosofiya / otv. red. S.V. Pakhomov. SPb.: RKhGA, 2009. S. 5–27.
7. Jejts F.A. Dzhordano Bruno i germeticheskaya tradiciya / per. G. Dashevskogo. M.: Novoe liter. obozrenie, 2000. 528 s.
8. Kuznecova-Fetisova L.E. Struktura ezotericheskogo diskursa v sovremennoj Rossii: yadro, periferiya, paraezoterika // Prakticheskaya filosofiya: ot klassiki do informacionnogo sociuma: mater. Vseros. konf. (Astrakhan', AGU, 27–28 sent. 2018 g.): sb. / pod nauch. red. L.V. Baevoj i K.A. Markelova. Astrakhan': Izdatel' Sorokin R.V., 2018. S. 417–420.
9. Kuz'menko G.N. Vasilisa Premudraya. Skazochnye proekcii arkhaichnogo obrazovaniya. M., 2014. 194 s.
10. Kuz'menko G.N. Ponyatie mirovozzrencheskoj paradigmy v istorii filosofii. // Uchenye zapiski. 2005. № 3. S. 194–202.
11. Kuz'minskaya S.I. Nekotorye kharakteristiki ezotericheskogo diskursa // Universum: Filologiya i iskusstvovedenie. 2014. № 7 (9). URL: http://7universum.com/ru/philology/archive/item/1455 (data obrashcheniya: 25.07.2018).
12. Leo A. Polnyj astrologicheskij slovar' / per. s angl. A. Kolesnikova. Kiev: Sofiya; M.: KONEK, 1996.
13. Losev A.F. Dvenadcat' tezisov ob antichnoj kul'ture // Studencheskij meridian. 1983. № 9–10. URL: http://psylib.org.ua/books/_losew02.htm.
14. Melikov I.M. Dukhovnost' kak problema social'nogo upravleniya // Social'naya politika i sociologiya. T. 16. 2017. № 2 (121). S. 180–187.
15. Novozhenova Z.L. Zhanry ezotericheskogo diskursa v mass-medijnom prostranstve. URL: https://medialing.ru/zhanry-ehzotericheskogo-diskursa-v-massmedijnom-prostranstve/ (data obrashcheniya: 25.04.2018).
16. Nosachev P.G. Issledovaniya zapadnogo ezoterizma v zarubezhnom religiovedenii: dis. … d-ra filos. nauk. M., 2018.
17. Panin S.A. Uchenie germeticheskogo ordena Zolotoj Zari kak forma zapadnogo ezoterizma i religioznoj filosofii: dis. … kand. filos. nauk. M., 2014.
18. Pakhomov S.V. K voprosu o demarkacii ponyatiya «Ezoterizm» // Mistiko-ezotericheskie dvizheniya v teorii i praktike. Istoriya. Psikhologiya. Filosofiya: mater. Pervoj Mezhdunar. nauch. konf. (Kiev, 2007): sb. / pod red. S.V. Pakhomova, Yu.Yu. Zavgorodnego, S.V. Kapranova. SPb.: RKhGA, 2008. S. 7–14.
19. Pokrovskaya O.S. Ezotericheskij diskurs i ezotericheskaya kartina mira na sovremennom etape. URL: http://philol-journal.sfedu.ru/index.php/sfuphilol/article/view/809 (data obrashcheniya: 23.04.2018).
20. Propp V.Ya. Istoricheskie korni volshebnoj skazki / nauch. red., komm. I.V. Peshkova. M.: Labirint, 2002. 336 s.
21. Tupikova S.E., Ermakova Yu.V. Universal'nye tonal'nosti ezotericheskogo diskursa // Inostrannye yazyki v kontekste mezhkul'turnoj kommunikacii: mater. dokl. III Mezhdunar. onlajn-konf. (16–18 fevralya 2011 g.). Saratov: Nauka, 2011.
22. Eliade M. Okkul'tizm, koldovstvo i mody v kul'ture / per. s angl. E.V. Sorokinoj; pod red. L.B. Komisarovoj, M.A. Dobrovol'skogo. Kiev: Sofiya; M.: Gelios, 2002.
23. Faivre A. Access to Western Esotericism. Albany: SUNY Press, 1994. P. 10–15.

Библиографическое описание статьи / Reference to article

Кузнецова-Фетисова Л.Е. Социально-философское исследование феномена эзотерики: классификационный подход // Социальная политика и социология. Т. 17. 2018. № 4 (129).

С. 157–164. DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-4-157-164 (Библиографическое описание согласно российским стандартам).
Kuznecova-Fetisova L.E. Social'no-filosofskoe issledovanie fenomena ezoteriki: klassifikacionnyj podkhod // Social'naya politika i sociologiya. T. 17. 2018. № 4 (129). S. 157–164. DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-4-157-164 (Reference in Roman script).
Kuznetsova-Fetisova, L.E. (2018) Socio-Philosophical Study of the Phenomenon of Esotericism: The Classification Approach, *Social Policy and Sociology*. Vol. 17. No. 4 (129). P. 157–164. DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-4-157-164 (International bibliographic description).

Г.П. Отюцкий,
д-р филос. наук, профессор кафедры политологии и международных отношений, Российский государственный социальный университет, Москва.
G.P. Otyutsky,
doctor of philosophical sciences, professor of the department of political science and international relations, Russian State Social University, Moscow.
E-mail: otiuzkyi@mail.ru

УДК 101.2; 364.013
DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-4-165-173

Философия социальной работы: обзор онтологической проблематики

Philosophy of Social Work: A Review of Ontological Problems

Дата поступления	*Дата препринта*	*Дата публикации*
07.09.2018	20.11.2018	19.12.2018

Аннотация: *в статье выявляется специфика онтологических проблем философии социальной работы в общей системе этой философии. Дан сравнительный анализ подходов К.С. Арутюнян, О.А. Гинатулиной, С.И. Григорьева, Г.П. Медведевой, М. Пэйна, В.А. Никитина, П.Д. Павленка, Л.В. Топчия, В.Н. Турченко, Д.В. Чернова и др. Специфика онтологических проблем в существенной мере определяется тем, что социальная работа – процесс и результат социального конструирования. Выделены важнейшие онтологические проблемы социальной работы.*

Annotation: *in article specifics of ontological problems of philosophy of social work in the general system of this philosophy come to light. K.S. Arutyunyan, O.A. Ginatulina, S.I. Grigoriev, G.P. Medvedeva, M. Payne, V.A. Nikitin, P.D. Pavlenk, L.V. Topchiya, V.N. Turchenko and D.V. Chernov, etc. is given the comparative analysis of approaches. Specifics of ontological problems in an essential measure are defined by that social work – process and result of social designing. The most important ontological problems of social work are allocated.*

Ключевые слова: *философия социальной работы, онтология социальной работы, сущность, благополучие, закон.*

Key words: *philosophy of social work, ontology of social work, essence, wellbeing, law.*

Введение. В предыдущих статьях нами была обоснована специфика конституирования философии социальной работы как актуальной частнофилософской концепции; предложен подход к пониманию ее структуры, рассматриваемой по аналогии со структурой общефилософской теории. Центральное место в этой структуре занимает онтологическая проблематика, связанная с универсальными закономерностями генезиса социальной работы и конкретных способов ее бытия. Специфика онтологических проблем определяется тем, что социальная работа – процесс и результат социального конструирования. В настоящей статье предложен подход к пониманию и решению основных проблем онтологии социальной работы.

Методика. Для выявления существующих подходов к онтологии социальной работы использован метод контент-анализа. Методология герменевтического подхода использована при анализе содержания фундаментальных понятий, раскрывающих сущность бытия социальной работы. Компаративный анализ использован для сравнительного исследования теоретических позиций, раскрывающих сущностные характеристики социальной работы и закономерности ее бытия. Системный подход позволил выявить место онтологических проблем социальной работы в целостной системе социального бытия.

Результаты. Л.В. Топчий подчеркивал, что «теория социальной работы в России, пожалуй, единственная социальная научная дисциплина, которая не имеет общей (общепризнанной) теоретической парадигмы социальной работы» [21, с. 27], поэтому актуальным становится теоретическое осмысление ее сущности, опережающее философское теоретизирование по поводу *способов бытия социальной работы*, развитие философской онтологии социальной работы. Не для всех исследователей такая онтология является значимой. Так, Д.А. Мельников связывает философию социальной работы с традициями моральной и социальной философии, аксиологии и этики, эпистемологической теории познания. Онтология в этом списке отсутствует [10, с. 29].

Центральная проблема *онтологии* (от греч. *on* – сущий и *logos* – учение) *социальной работы* – выявление сущности этого феномена и способов его бытия. Эту проблему формулируют по-разному: «что собой представляет социальная работа в ее сущности?» [2, с. 128], или «вследствие чего в социальном бытии появилась социальная работа и должна ли была она появиться?» [9, с. 25]. В любом варианте попытка решения этой проблемы порождает круг онтологических вопросов.

- Существование социальной работы – объективная необходимость, или оно порождено определенными конкретно-историческими условиями и потому является в известной степени случайностью?
- Если возникновение социальной работы связано с конкретными историческими условиями, то может ли исчезнуть потребность в этой работе; если может исчезнуть, то при каких условиях?
- Какова роль социальной работы в истории человечества?
- Какие социальные предпосылки имеет социальная работа?
- Какие факторы сопутствуют ей? [2, с. 128; 9, с. 25–26 и др.].

Онтологические проблемы социальной работы существенно отличаются от онтологических проблем, изучаемых, например, естественными науками. Объект естествознания – это реальные физические, химические, биологические феномены, относительно независимые от субъекта познания. Этот объект формировался до человека и вне человека. *Феномен социальной работы* возникает в обществе и, следовательно, невозможен без человека. Исследователи прямо определяют социальную работу как специфический вид социального конструирования [8, с. 47; 17, с. 14–15 и др.]. Поэтому анализ онтологических проблем социальной работы включает в себя как исследование *наличной* социальной практики, так и *прогнозы ее развития* на конкретный период.

Обсуждение. Выявление *сущности* социальной работы связано с решением вопроса о ее важнейшем социальном предназначении и ее имманентных социальных функциях. Решение этих вопросов предполагает:

1) выявление реального объекта социальной работы, поскольку именно он определяет границы бытия социальной работы и основы ее содержания; это важнейший вопрос для конструирования социальной работы в конкретных исторических условиях. Понятно, что в зависимости от конкретного понимания такого объекта могут быть сконструированы и реализованы различные модели социальной работы;

2) определение целей, решаемых социальной работой применительно к этому объекту, и ее функций, реализуемых для достижения такого рода целей;

3) анализ особенностей становления этих функций и генезиса самой социальной работы как социетального феномена.

Решая эти задачи, онтология социальной работы стремится установить *границы бытия социальной работы*. Проблема осложняется неоднозначностью самого понятия «социальная работа». Этот основополагающий термин, как показал В.А. Никитин, «мало удобен для научного словоупотребления и эксплицирования на его основе понятийно-категориального ряда, составляющего фундамент теории» [11, с. 11]. Это «малое удобство» проистекает

из того, что из понятия «работа» следует «пассивное, чуть ли не покорное состояние, поведение и функционирование объекта, в качестве которого в системе социальной работы выступает человек» [13, с. 65].

Другое «неудобство» вытекает из того, что одним и тем же понятием обозначается объективный социетальный феномен как особый вид практической деятельности и социальный институт, наука об этом феномене и соответствующая учебная дисциплина [см., например: 15, с. 263]. В частности, распространено понятие «социальная работа как наука». Его абсурдность выявляется, если по аналогичному принципу сформировать такие понятия, как «политика как наука», «искусство как наука» и др. Очевидно, что политика – это объект политологии, искусство – объект искусствознания. Социальная работа – это также объект некоторого «…ведения» или «…знания», но пока не придумано специального адекватного и содержательного (к тому же – удобопроизносимого) понятия для обозначения *знаний о социальной работе* в отличие от социальной работы как профессии и как социального института.

Большинством отечественных исследователей выделяется два подхода к выявлению границ объекта социальной работы.

Первый подход: объект социальной работы в *узком смысле* – люди с ограниченными возможностями, поэтому узкое понимание социальной работы сводит ее сущность только к деятельности по оказанию помощи, поддержке и защите нуждающихся [см.: 16, с. 131 и др.; 17, с. 35]. Здесь онтология социальной работы совпадает с онтологией профессии социального работника. В.Н. Турченко и Д.В. Чернов справедливо именуют такой подход «узкопрагматичным, или технократическим», подчеркивая, что «именно он объективно необходим и возможен в обществе воинствующего индивидуализма, подчиненного цели максимального извлечения прибыли» [21, с. 129].

Второй подход исходит из *широкого смысла* социальной работы как деятельности «общества в интересах всего общества» [6, с. 120]. Социальная работа рассматривается при таком подходе как «взаимодействие человека и общества по поводу социальности, заключающееся в содействии человеку в приобретении, поддержании и восстановлении социальности, полноценном включении в родовую культуру как активного, социально ответственного субъекта, участвующего в позитивном преобразовании мира и самого себя и содействующего социальному прогрессу и достижению социального благополучия» [8, с. 47].

Существует позиция, обобщающая рассмотренные подходы. П.Д. Павленок в числе объектов социальной работы выделяет две группы: первую – социально неблагополучные слои, вторую – различные сферы жизнедеятельности людей, включая производство, инфраструктуру, формы расселения; здравоохранение, сферы культуры, образования, науки, досуга; силовые структуры, включая пенитенциарную систему; этническую среду; социально-бытовое обслуживание населения, образующее отдельную сферу [подробнее: 13, с. 24].

Однако выделение подходов только на основании масштабов объекта (индивид или общество в целом) представляется излишне упрощенным, не учитывающим других важных оснований классификации теоретических концепций. Методологически значимой в этом аспекте представляется позиция В.Н. Турченко и Д.В. Чернова, которые в рамках «узкого» подхода выявили две различающиеся модели социальной работы:

1) оказание нуждающимся людям необходимых социально-бытовых услуг; результат реализации модели – биологическое поддержание жизни и удовлетворение минимальных потребностей нуждающегося индивида; социальная работа проводится с объектами социальной работы *ради самих этих объектов*;

2) развитие и активизация духовных и физических сил таких людей, чтобы они не ощущали себя социально ущемленными; для этого социальные работники призваны помогать им в определении своего места в полноценной общественной жизни, в реализации творческого потенциала [см.: 21, с. 129]. Результаты этой модели гораздо более значимы, по-

скольку предполагают включение индивидов в «полноценную общественную жизнь» (или, по Г.П. Медведевой, «полноценное включение в родовую культуру» [8, с. 47]), а следовательно, предполагают *активное влияние на формирование такой жизни*.

Так, участники паралимпиад – несомненные объекты социальной работы, но объекты настолько активные, что работа, проводимая непосредственно с ними, направлена также и на общество в целом; аудитория паралимпиад – это не только и не столько их непосредственные участники, сколько значительная часть общества. Именно поэтому успехи паралимпиад в существенной мере зависят от развития олимпийского движения в целом (а не только от паралимпийского движения).

При таком понимании наглядной становится и конечная цель социальной работы – *формирование социально позитивного типа личности* [8, с. 47]; паралимпийцы представляют собой весьма яркое выражение такого типа. Эта цель реализуема только социальной работой, понимаемой в широком смысле, когда каждый член общества включен в процессы социализации / ресоциализации.

Методологически значимо выделение М. Пейном в рамках широкого подхода трех различных типов понимания сущности социальной работы, или (в терминологии настоящей статьи) трех вариантов ее онтологии:

– *рефлексивно-терапевтический* (подход терапевтической помощи) – «обеспечение благополучия индивидов, групп и микросоциальных групп в обществе через содействие личностному развитию и самореализации» [6, с. 16]; его центральная идея – необходимость тесной взаимосвязи индивидуального и социального развития личности с экономическим и социальным развитием общества;

– *социал-коллективистский* (эмансипаторный, освободительный, трансформационный) подход «призывает к преобразованию общества в целях защиты наиболее бедных и угнетенных слоев» [6, с. 17];

– *индивидуал-реформистский* (подход поддержания стабильности) исходит из того, что «социальная работа поддерживает социальный порядок и социальную структуру общества, а также поддерживает людей в трудных ситуациях, возвращает их к стабильному состоянию» [6, с. 17].

Подходы, характеризуемые М. Пейном, весьма наглядно демонстрируют социетальное значение социальной работы, ее существенное место в общей системе бытия социума; при этом выявляется и особая роль философии в процессе конструирования социальной работы как системы. Так, индивидуал-реформистский подход основан на либеральной политической философии, рассматривающей в качестве оптимальной организации общества «гарантированную законом личную свободу в условиях рыночной экономики» [6, с. 17–18].

Обнаруживается влияние социальной работы на бытие социума в целом: в одних концепциях социальная работа направлена на адаптацию к существующим социальным отношениям, в других ее моделях реализация сущности социальной работы связана с изменением общественного бытия, с совершенствованием социетальных отношений.

Содержание научных терминов в значительной мере определяется сферой их применения. Поскольку учебная литература направлена на формирование профессиональной культуры, то она зачастую дает узкую трактовку социальной работы как профессиональной деятельности. Практический социальный работник воспринимает существующую профессиональную терминологию как данность своей профессии и поэтому стремится осмысливать *уже существующие* понятия и категории. Но в ситуации прогнозирования перспектив социальной работы, тем более – прогнозирования тенденций российской социальной политики, этот подход оказывается ограниченным, поэтому исследователю необходимо обращаться к иной онтологии: учитывать широкое понимание сущности и бытия социальной работы.

Таким образом, сущность социальной работы – это многоуровневый феномен не только потому, что могут быть реализованы и реализуются различные модели социальной работы,

но и потому, что в рамках одной модели выделяются иерархизированные подсистемы, составляющие рассматриваемую сущность. Микроуровень – это подсистема социальной защиты (посредством профессиональных работников социальных служб) индивидов, оказавшихся в трудной жизненной ситуации.

Макроуровень совпадает по содержанию с социальной сферой общества в целом. В этой подсистеме в процессы социализации / ресоциализации включается большинство индивидов, составляющих общество; здесь формируется и воспроизводится родовая сущность человека в целом, достигается определенный уровень благополучия. Именно поэтому специфика понимания онтологических проблем существенно зависит от конкретного понимания специфики человека, проявляющейся в дихотомическом единстве «человека нуждающегося» и «человека помогающего». Следовательно, одна из важнейших задач онтологии социальной работы – осмысление универсальных и специфических проблем «человека нуждающегося» (т.е. человека, который не может самостоятельно решить насущные жизненные проблемы; в профессиональной терминологии – клиента). Различные онтологические модели по-разному трактуют сущность такого человека. Обобщенно существующие ныне модели отражены в таблице 1.

Таблица 1

Теоретические модели «человека нуждающегося»

Теоретическая модель	**Тип «человека нуждающегося»**
Конфессиональная модель	Человек спасающийся
Социальная модель	Человек страдающий
Медицинская модель	Человек дезадаптированный
Социально-психологическая модель	Человек социетальный
Глобальная модель	Дихотомическое представление объект-субъектных отношений

Примечание. Составлено с изменениями по [1, с. 31].

Описывая современную глобальную модель субъектно-объектных связей в системе социальной работы, К.С. Арутюнян раскрывает некоторые дихотомические измерения этих связей: потребности – желания, справедливость – несправедливость, солидарность – индивидуализм, ответственность – безответственность [1, с. 29].

В процессе развития философии социальной работы формируются новые, методологически плодотворные подходы. В частности, Г.П. Медведева предлагает рассматривать социальную работу в поле онтологии повседневности [7, с. 39]. Такой подход позволяет интерпретировать трудную жизненную ситуацию как нарушение повседневности, как возникновение неповседневного. Обогащается методология философии социальной работы, позволяя в качестве исследовательского инструмента использовать теоретический аппарат изучения повседневности.

При анализе генезиса социальной работы философия как концепция универсальных закономерностей бытия ориентирует исследователя на выявление такого *наиболее общего онтологического свойства человеческого общества*, в качестве развитой формы которого выступает социальная работа. Термин, использующийся для обозначения этого свойства, применительно к социальной работе становится родовым понятием. С помощью различных терминов отражаются разные стороны сущности социальной работы, более того – разные сущности. Это неудивительно, поскольку, будучи результатом конструирования, социальная работа формируется на основе различающихся теоретических моделей. Обстоятельный обзор моделей социальной работы применительно к западной социальной практике дан М. Пэйном [17].

Таким образом, формирование категориального аппарата коррелирует со стремлением выявить родовые характеристики социальной работы, каждая из которых описывается с по-

мощью категорий, характеризующих специфику конкретной теории социальной работы. Так, методологически плодотворна попытка И.А. Зимней ввести системообразующее понятие «*социоэкология личности*» [4]. Несомненная ценность этого понятия в том, что оно отражает не только личность в трудной жизненной ситуации, но и особенности ее социального окружения. Однако концепция И.А. Зимней не была развита далее.

Плодотворна также идея Л.Г. Гусляковой, выдвигающей понятие *«механизм реализации жизненных сил»* в качестве системообразующего термина [см.: 19]. Это понятие характеризует важнейшую сторону сущности социальной работы в ее виталистской (от лат. *vita* – жизнь) модели [см., например: 3], поскольку без активизации собственных жизненных сил оказывается невозможной эффективная социализация / ресоциализация личности.

Г.П. Медведева подчеркивает методологическую значимость понятия «благополучие» [8, с. 46], наполненного двойственным, субъективно-объективным содержанием: «…личность, по объективным критериям уровня и качества жизни не являющаяся благополучной, может считать себя таковой, и наоборот, личность, располагающая высоким доходом и соответствующими уровнем и качеством жизни, может считать себя неблагополучной и нуждаться в социальной работе» [8, с. 46]. Здесь выявляется важнейшая функция социальной работы: направить процесс социализации / ресоциализации нуждающегося индивида на достижение им определенной степени благополучия.

В.А. Никитин характеризовал сущность социальной работы через выделение основополагающих понятий, отражающих родовую сторону этой сущности: «взаимодействие – активность – деятельность» [12, с. 75]. Социальная работа – такой вид деятельности, который «носит активный характер, его объектом и субъектом являются люди, а главной целью и средством – достижение социального результата в жизни человека, всего общества» [12, с. 77]. При таком понимании *основная онтологическая проблема* – определение места социальной работы в целостной системе общественного бытия – решается через выявление ее цели: это *социальное взаимодействие людей, имеющее целью оказать им помощь в социализации / ресоциализации*.

Конкретное общественное явление может характеризоваться в качестве специфического вида бытия, если выявлены его особые законы. В.А. Никитин выделил четыре закона:

– «закон социальной интегрированности процесса и результатов социальной работы» [11, с. 6];

– «закон цивилизационно-культурной обусловленности развития социальной работы» [11, с. 6];

– «закон личностно-гуманистической ангажированности средств и целей социальной работы» [11, с. 7];

– «закон взаимной деятельностной активности в социальной работе» [11, с. 6].

Связи, выделенные В.А. Никитиным, – это, скорее, закономерности, т.е. внешние проявления законов на эмпирическом уровне. Законы в подлинном смысле слова раскрывают глубинный, сущностный механизм такого рода связей; этого в большинстве случаев теория социальной работы как преимущественно эмпирическая наука сделать пока еще не может.

Поскольку внешние проявления законов могут обнаруживать себя различным образом, то неудивительно, что разными авторами выделяются различные закономерности. Так, П.Д. Павленок выделяет четыре закономерности:

– «взаимосвязь социальных процессов в обществе, социальной политики и социальной работы» [16, с. 131];

– «обусловленность содержания, форм и методов социальной работы конкретными обстоятельствами жизнедеятельности различных групп, общностей, индивидов» [16, с. 131];

– «решение социальных проблем через личностные и групповые потребности и интересы (групп, слоев, личностей)» [16, с. 131];

– «зависимость результативности социальной работы от профессионализма и нравственных качеств специалистов, а также, что особенно важно, возможностей социальной системы государства и общества» [16, с. 131].

Нетрудно видеть, что В.А. Никитиным и П.Д. Павленком выделяются различающиеся характеристики сущности (или разные стороны сущности) социальной работы.

Заключение. Онтологическая проблематика философии социальной работы связана с выявлением сущности социальной работы, особенностей ее генезиса и конкретных способов бытия.

Специфика онтологических проблем определяется тем, что феномен социальной работы – процесс и результат социального конструирования.

Центральная онтологическая проблема – выявление реального объекта социальной работы, поскольку именно он определяет границы бытия социальной работы и основы ее содержания. Ныне сложилось узкое понимание такого объекта как людей, находящихся в трудной жизненной ситуации, а также широкое понимание – как целенаправленное взаимодействие личности и общества, имеющее целью активное содействие процессам социализации / ресоциализации человека.

Трактовка онтологических проблем зависит от конкретного понимания специфики дихотомического единства «человека нуждающегося» и «человека помогающего», сущность которых по-разному характеризуется в различных онтологических моделях.

Выявление наиболее общего свойства человеческого общества, в качестве развитой формы которого выступает социальная работа, формирует методологические предпосылки решения онтологических проблем. Попытки исследователей выявить наиболее фундаментальные категории социальной работы фактически направлены на выявление такого свойства.

Актуальными задачами онтологии социальной работы являются обнаружение и исследование законов социальной работы, характеризующих ее сущность.

Список литературы

1. Арутюнян К.С. Осмысление философско-антропологических основ технологии социальной работы // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 2 (64). С. 30–32.
2. Гинатулина О.А. Роль научной философии в развитии социальной работы // Новые идеи в философии. Т. 1. 2013. № 21. С. 128–135.
3. Гуслякова Л.Г. Основы виталистской теории социальной работы: учеб. пособие. М.: РУСАКИ, 2010.
4. Зимняя И.А. Профессиональные роли и функции социального работника (общие проблемы подготовки специалиста) // Российский журнал социальной работы. 1995. № 1. С. 23–24.
5. Кузьменко Г.Н., Отюцкий Г.П. Философия и методология науки. М.: Юрайт, 2018.
6. Медведева Г.П. Проблемы и тенденции развития социальной работы как феномена современной цивилизации. М.: Изд-во РГСУ, 2004.
7. Медведева Г.П. Социальная работа в контексте повседневности // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2016. № 1 (17). С. 36–42.
8. Медведева Г.П. Социальная работа как феномен общественного бытия // Вестник ТГУ. 2008. Вып. 9 (65). С. 45–51.
9. Медведева Г.П. Философия социальной работы. М.: КноРус, 2018.
10. Мельников Д.А. Проблема ценностей и становление профессиональной философии социальной работы // Перспективы науки. 2016. № 1 (76). С. 29–35.
11. Никитин В.А. Социальная работа: проблема теории и подготовки специалистов. М.: Мос. психол.-социол. ин-т, 2002.
12. Никитин В.А. Философские основы социальной работы. Избранное. М.: АНО «СПО СОТИС», 2018. С. 75–95.
13. Основы социальной работы: учебник / отв. ред. П.Д. Павленок. М.: ИНФРА-М, 2015.
14. Отюцкий Г.П. Свобода и права человека в культурологическом измерении // Социальная политика и социология. Т. 16. 2017. № 4 (123). С. 183–191.

15. Павленок П.Д. Методология и теория социальной работы: учеб. пособие. 2-изд. М.: ИНФРА-М, 2012.
16. Павленок П.Д. Философия и методология социальной работы // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2016. № 2 (34). С. 130–134.
17. Пэйн М. Социальная работа: современная теория. М.: Академия, 2007.
18. Савинов Л.И. Социальная работа и социология: некоторые аспекты сравнительного анализа // Социальная работа и социология: матер. метод. семинара. Ч. 2. М.: Междунар. акад-я информатизации, 1999. С. 34–42.
19. Теория и методология социальной работы / Григорьев С.И., Гуслякова В.Г., Ельчанинов В.А. и др. М.: Наука, 1994.
20. Теория социальной работы / под ред. Е.И. Холостовой. М.: Юристъ, 2001.
21. Топчий Л.В. Методологические проблемы теории социальной работы. М.: Изд-во РГСУ, 2011.
22. Турченко В.Н., Чернов Д.В. Профессиональное образование по социальной работе как объект социально-философского анализа // Философия образования. 2014. № 2 (53). С. 126–133.
23. Фирсов М.В. История социальной работы. М.: Академический проект, 2004.
24. Фирсов М.В., Мороз М.В., Ходарина Е.В. Модернистские дискурсы теории познания социальной работы XX века // Вестник ТвГУ. Серия «Педагогика и психология». 2016. Вып. 3. С. 198–207.

References

1. Arutyunyan K.S. Osmyslenie filosofsko-antropologicheskikh osnov tekhnologii social'noj raboty // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2016. № 2 (64). S. 30–32.
2. Ginatulina O.A. Rol' nauchnoj filosofii v razvitii social'noj raboty // Novye idei v filosofii. T. 1. 2013. № 21. S. 128–135.
3. Guslyakova L.G. Osnovy vitalistskoj teorii social'noj raboty: ucheb. posobie. M.: RUSAKI, 2010.
4. Zimnyaya I.A. Professional'nye roli i funkcii social'nogo rabotnika (obshchie problemy podgotovki specialista) // Rossijskij zhurnal social'noj raboty. 1995. № 1. S. 23–24.
5. Kuz'menko G.N., Otyuckij G.P. Filosofiya i metodologiya nauki. M.: Yurajt, 2018.
6. Medvedeva G.P. Problemy i tendencii razvitiya social'noj raboty kak fenomena sovremennoj civilizacii. M.: Izd-vo RGSU, 2004.
7. Medvedeva G.P. Social'naya rabota v kontekste povsednevnosti // Vestnik MGPU. Seriya «Filosofskie nauki». 2016. № 1 (17). S. 36–42.
8. Medvedeva G.P. Social'naya rabota kak fenomen obshchestvennogo bytiya // Vestnik TGU. 2008. Vyp. 9 (65). S. 45–51.
9. Medvedeva G.P. Filosofiya social'noj raboty. M.: KnoRus, 2018.
10. Mel'nikov D.A. Problema cennostej i stanovlenie professional'noj filosofii social'noj raboty // Perspektivy nauki. 2016. № 1 (76). S. 29–35.
11. Nikitin V.A. Social'naya rabota: problema teorii i podgotovki specialistov. M.: Mos. psikhol.-sociol. in-t, 2002.
12. Nikitin V.A. Filosofskie osnovy social'noj raboty. Izbrannoe. M.: ANO «SPO SOTIS», 2018. C. 75–95.
13. Osnovy social'noj raboty: uchebnik / otv. red. P.D. Pavlenok. M.: INFRA-M, 2015.
14. Otyuckij G.P. Svoboda i prava cheloveka v kul'turologicheskom izmerenii // Social'naya politika i sociologiya. T. 16. 2017. № 4 (123). S. 183–191.
15. Pavlenok P.D. Metodologiya i teoriya social'noj raboty: ucheb. posobie. 2-izd. M.: INFRA-M, 2012.
16. Pavlenok P.D. Filosofiya i metodologiya social'noj raboty // Gumanitarij: aktual'nye problemy gumanitarnoj nauki i obrazovaniya. 2016. № 2 (34). S. 130–134.
17. Pejn M. Social'naya rabota: sovremennaya teoriya. M.: Akademiya, 2007.
18. Savinov L.I. Social'naya rabota i sociologiya: nekotorye aspekty sravnitel'nogo analiza // Social'naya rabota i sociologiya: mater. metod. seminara. Ch. 2. M.: Mezhdunar. akad-ya informatizacii, 1999. S. 34–42.
19. Teoriya i metodologiya social'noj raboty / Grigor'ev S.I., Guslyakova V.G., El'chaninov V.A. i dr. M.: Nauka, 1994.
20. Teoriya social'noj raboty / pod red. E.I. Kholostovoj. M.: Yurist", 2001.

21. Topchij L.V. Metodologicheskie problemy teorii social'noj raboty. M.: Izd-vo RGSU, 2011.
22. Turchenko V.N., Chernov D.V. Professional'noe obrazovanie po social'noj rabote kak ob"ekt social'no-filosofskogo analiza // Filosofiya obrazovaniya. 2014. № 2 (53). S. 126–133.
23. Firsov M.V. Istoriya social'noj raboty. M.: Akademicheskij proekt, 2004.
24. Firsov M.V., Moroz M.V., Khodarina E.V. Modernistskie diskursy teorii poznaniya social'noj raboty XX veka // Vestnik TvGU. Seriya «Pedagogika i psikhologiya». 2016. Vyp. 3. S. 198–207.

Библиографическое описание статьи / Reference to article

Отюцкий Г.П. Философия социальной работы: обзор онтологической проблематики // Социальная политика и социология. Т. 17. 2018. № 4 (129). С. 165–173. DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-4-165-173 (Библиографическое описание согласно российским стандартам).

Otyuckij G.P. Filosofiya social'noj raboty: obzor ontologicheskoj problematiki // Social'naya politika i sociologiya. T. 17. 2018. № 4 (129). S. 165–173. DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-4-165-173 (Reference in Roman script).

Otyutsky, G.P. (2018) Philosophy of Social Work: A Review of Ontological Problems, *Social Policy and Sociology*. Vol. 17. No. 4 (129). P. 165–173. DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-4-165-173 (International bibliographic description).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия
ПИ № ФС 77-26247 от 17.11.2006.

Подписано в печать 19.12.2018
Формат бумаги 70x100 1/16. Гарнитура «Журнальная». Усл. печ. л. 14,46
Тираж 2000 экз.

Издательство Российского государственного социального университета.
129226, Москва, ул. В. Пика, д. 4
Тел.: 8 (495) 255-67-67 (доб. 30-05)
www.rgsu.net

Отпечатано в типографии
Российского государственного социального университета.
129226, Москва, ул. В. Пика, д. 4
Тел.: 8 (495) 255-67-67 (доб. 30-40)
Заказ № 19-14